

Специальный выпуск, 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2023. Специальный выпуск

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2023. Special Issue

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be
found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям 5

Филология

Литературоведение

- Горелов О.С.** Оптимизация поэтического и визуального: коллаборации, медиагибриды и трансмедийное повествование 6
- Павловская О.А.** Принципы обзорной композиции в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: интермедиаальный аспект 19
- Лукьянова С.М.** «Текст судьбы живописца»: литературные автопортреты Ван Гога и Сальвадора Дали 25
- Матвеева А.В.** Развитие структуры мономифа в фэнтези-фанфикшн 36
- Тюленева Е.М.** Роль саспенса в нарративной стратегии Бориса Дышленко (роман «Контур и силуэты») 44

Языкознание

- Григорян А.А.** Глагол will: сфера функционирования 54
- Карпова О.М.** Новые ономастиконы как реальность шекспировской лексикографии XXI века 59
- Карташкова Ф.И., Каменкова А.Д.** Специфика невербального поведения участников бизнес-коммуникации: (на материале американских фильмов «Крестный отец» и «Дом Гуччи») 68
- Суворова Н.В.** Именования христианского праздника Преображение Господне: (лингвокультурологический аспект) 75
- Фархутдинова Ф.Ф., Киеу Ань Ву.** Культурная информация и культурные смыслы в семантике слова и фразеологизма 83
- Хуснутдинов А.А.** «У всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик»: (о смысловом наполнении понятия «бесприданница» в пьесе А.Н. Островского) 95

История

- Пикин А.В., Бабина А.А., Манукян Э.М.** Изучение Поздней Античности в стенах Ивановского университета 104
- Девятайкина Н.И., Тюленев В.М.** Изучение Ренессанса в Ивановском университете: школа Н.В. Ревякиной 116
- Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А.** Дискуссионные вопросы изучения интеллигенции и интеллектуалов 129

Философия

- Смирнов Д.Г., Меликян М.А.** Кафедра философии ИвГУ в XXI веке: опыт семиотического портретирования 134
- Смирнов Д.Г.** Философия советования: диссертационный совет по философии в Ивановском государственном университете (1982—2016) 143
- Рябов О.В.** Этнические и национальные исследования на кафедре философии ИвГУ 155
- Смирнов Г.С.** Системная герменевтика (о)сознания: И.В. Дмитревская в поисках ноосферных смыслов 161

Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета» 181

CONTENTS

To readers 5

Philology

Literary criticism

Gorelov O.S. Optimization of poetic and visual: collaborations, media hybridization and transmedia storytelling 6

Pavlovskaya O.A. Principles of overview composition in N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Russia": intermedial aspect 19

Lukyanova S.M. "A painter's text of destiny": literary self-portraits of Van Gogh and Salvador Dali 25

Matveeva A.V. The development of the monomyth structure in fantasy fanfiction 36

Tyuleneva E.M. The role of suspense in Boris Dyshlenko's narrative strategy (novel "Contours and silhouettes") 44

Linguistics

Grigoryan A.A. Will as a verb: sphere of functioning 54

Karpova O.M. New onomasticons as reality of the XXI-st century Shakespeare lexicography 59

Kartashkova F.I., Kamenkova A.D. Non-verbal behavior of business communication participants (Based on american movies "The Godfather" and "House of Gucci") 68

Suvorova N.V. Names of the Christian holiday of the Transformation Lord (Linguoculturological aspect) 75

Farkhutdinova F.F., Kieu Anh Vu. Cultural meanings and cultural information in the semantics of words and phraseology 83

Khusnutdinov A.A. "Everyone has their own taste: one loves watermelon, but the other — a porkgristle" (On the semantic content of the concept "without a dowry" in the play by A.N. Ostrovsky) 95

History

Pikin A.V., Babina A.A., Manukyan E.M. Studying of the Late Antiquity in the Ivanovo University 104

Devyataykina N.I., Tyulenev V.M. Renaissance Studies at Ivanono University: N.V. Revyakina and her School 116

Chernoperov V.L., Usmanov S.M., Budanova I.A. Debate issues in the study of intelligentsia and intellectuals 129

Philosophy

Smirnov D.G., Melikyan M.A. Philosophy Department of IvSU in the XXI-st century: experience of semiotic portraiture 134

Smirnov D.G. Philosophy of advice: dissertation board in philosophy at Ivanovo State University (1982—2016) 143

Ryabov O.V. Ethnic and nationalism studies at the Department of Philosophy in IvSU 155

Smirnov G.S. Systemic hermeneutics of consciousness: I.V. Dmitrevskaya in search for noospheric senses 161

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" 181

*Дорогие друзья и коллеги,
читатели серии
«Гуманитарные науки»
Вестника Ивановского
государственного университета!*

Перед вами специальный юбилейный выпуск журнала, посвященный 50-летию Ивановского государственного университета.

В 1973 году Ивановский педагогический институт, имевший к тому времени уже свою полувековую историю, получил статус университета, расширив спектр научных исследований и начав разработку теоретических и практических аспектов профильных направлений. За эти полвека в университете сформировались собственные, порой уникальные, научные традиции и школы, лаборатории и центры, а ивановская гуманитаристика обрела свое узнаваемое лицо.

В этом выпуске, размышляя о прошлом и настоящем, мы рассказываем о том научном пути, который прошел вуз, о тех ярких личностях, которые создали образ университета и обозначили его перспективы, о тех проблемных полях, которые разрабатываются сегодня.

Статьи и материалы, собранные здесь, помогут составить представление о знаковых для гуманитариев ИвГУ научных проектах, исследовательских ракурсах и стратегиях, которые объединяют ученых-профессионалов и только вовлекающихся в научные штудии аспирантов и студентов.

Три наших традиционных блока «Филология», «История», «Философия» приглашают к знакомству и, надеемся, диалогу с ивановской наукой.

*Главный редактор серии,
доктор филологических наук, профессор
Е.М. Тюленева*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 6—18.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 6—18.

Научная статья

УДК 821.161.1-1'06

DOI: 10.46726/И.2023.5.1

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО И ВИЗУАЛЬНОГО: КОЛЛАБОРАЦИИ, МЕДИАГИБРИДЫ И ТРАНСМЕДИЙНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru

Аннотация. Статья продолжает серию исследований, посвященных способам адаптации литературы и поэзии к массовой медиа-среде — общественному пространству (текст в городе), цифровому пространству (поэтические стримы) и пространству перформанса (слово и звук в действии). Теперь речь идет об адаптивных тенденциях в экспериментальной, поисковой, «сложной» поэзии на границе медиумов (в первую очередь, текстуального и визуального). Впервые на таком материале показано действие не только хорошо известных адапционных режимов (деконструкция и собственно адаптация), но и феномена художественной оптимизации. В центре внимания оказываются такие явления, как творческая коллаборация (оптимизационная форма организации творческого процесса), медиагибридизация (оптимизационная форма художественной реализации) и трансмедийное повествование, адаптирующее к современным медийным реалиям постмодернистское явление сращивания письма и чтения. Материалом работы послужили фит-книги и проекты-коллаборации (Оли Цве, Е. Зернов, А. Родионова, Telegram-канал Иллюверс), медиагибриды как реинтерпретация «книги художника» (П. Заруцкий), а также кросс-медийные проекты (И. Мазо), порождающие новые параметры трансмедийного восприятия искусства и жизни.

Ключевые слова: медиа, современная поэзия, книга художника, визуальная поэзия, медиагибрид, деконструкция, адаптация

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 19-18-00205).

Для цитирования: Горелов О.С. Оптимизация поэтического и визуального: коллаборации, медиагибриды и трансмедийное повествование // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 6—18.

Процессы смысловой и контекстуальной пересборки пронизывают всю реляционную сеть искусства, включающую отношения между текстом и материалом, между текстом и реципиентом, между текстом и медиасредой, благодаря которой он распространяется и воспроизводится; между смыслами и медиумами, между вербальной и невербальной составляющими одного высказывания; между творческим актом и литературной или дискурсивной традицией и т. д. Работа этой сети отношений основывается на диалектическом взаимодействии трех адапционных режимов: *деконструкция*, собственно *адаптация* и *оптимизация*. Деконструктивные и адаптивные процессы искусства уже рассматривались в научном поле, феномен (художественной) оптимизации рассматривается нами впервые.

Координация между крайними режимами и их операционное значение зависят от множества факторов, связанных как с художественной субъектностью, так и с художественным процессом в целом. Деконструкция, скажем, может проявляться в качестве регулярной ресемантизации, умножающей и накапливающей смысловые варианты в их неиерархичности, а оптимизация — выполнять функцию *забывания*, стирания или отбрасывания вариантов, приостанавливая художественную рефлексию. Последнее может трактоваться и как отказ от выбора (в ситуации мучительного переизбытка вариантов), и как следствие принятого решения, наконец сделанного выбора. Значение каждого режима также кондичионно и зависит от историко-культурного момента, оно может меняться и от феномена к феномену, и внутри одного феномена: например, прямолинейный максимализм футуризма продолжается и одновременно уничтожается плакатной оптимизацией соцреализма, а вызывающее упрощение эстетики панк-культуры, ее отказ от идеи совершенства (минус-оптимизация) реализуется с помощью эффективного таргетирования аудитории (плюс-оптимизация).

С другой стороны, оптимизация может быть регулятивом *сохранения* и адаптации *уже найденных* вариантов в искусстве, особенно если ей противопоставляется деконструкция как бесконечный поиск *новых*. Такая оптимизация выходит на первый план в нынешнем постромантическом состоянии искусства, отрицающем диктат новизны. Этот конфликт на примере новейшей поэзии рассматривает Наталия Азарова в статье «Новизна без креативности». По ее наблюдениям, современное толкование креативности обусловлено капиталистическим, корпоративным диспозитивом и включает в себя культурно-социальные предписания быть самопрезентативным, индивидуальным, гибким и конкурентоспособным. На эти императивы поэзия реагирует, с одной стороны, «выработкой некоего коллективного языка, благодаря которому поэты одного круга (например, в сегодняшнем поэтическом поколении двадцатилетних) стремятся быть похожи друг на друга до степени неразличимости — избегая подчёркивания креативности, индивидуальной успешности», а с другой — «выработкой нового, неалгоритмического отношения к новизне, которое можно назвать неявной новизной» и которое основано «на видении нового как уже данного» [Азарова]. Такое сопротивление внешней среде хаотизирует художественный процесс, деконструируя и остраняя поэтическое слово, но на других уровнях реляционной сети (текст и адресат, смысл и стиль), наоборот, оптимизирует: выбранное стилистическое подобие повторяет структуру корпоративной унификации, а демонстрация нового как уже адаптированного и знакомого может расширить читательский круг и даже создать очередную инерцию письма и чтения. Именно так, диалектически, деконструкция и оптимизация встраиваются в общий процесс остранения и автоматизации

искусства. Скажем точнее, и оптимизация, и деконструкция могут быть как остраивающими, так и автоматизирующими. Например, свою статью Азарова завершает таким пассажем: «Современная поэзия научилась отказываться от принципа достаточного основания в полагании своих языковых стратегий <...>. На вопрос о назначении и задаче того или иного языкового приема <...> поэт получил возможность ответить “просто так”» [Азарова]. Вместе с тем очевидно, что однажды (или уже?) это «просто так» перестанет быть остраивающей оптимизацией и автоматизируется.

Возможности и особенности художественной и нехудожественной оптимизации уже становились предметом наших исследований, посвященных отношениям литературы и поэзии с массовой средой — общественным пространством (текст в городе) [Горелов 2021], цифровым пространством (поэтические стримы) и перформансом (слово и звук в действии) [Горелов 2023]. В этой статье речь пойдет об оптимизационных тенденциях в экспериментальной, поисковой, «сложной» поэзии на границе медиумов (в первую очередь, текстуального и визуального).

Тенденция выработки коллективного языка компенсируется в новейшей поэзии попытками совместной работы. Практики сотворчества распространяются в искусстве последних лет под терминами «*коллаборация*», «*фит*» (сокращенное от англ. *featuring* — «при участии»), которые пришли в литературную среду из поп-культуры и дискурса новых медиа. Феномен фит-книги, текста-коллаборации постепенно занимает свое место, альтернативное привычным вариантам индивидуального творчества и постоянного творческого дуэта. В поэме-коллаборации Егора Зернова и Оли Цве — авторов, обращающихся в своих практиках к визуальному в поэзии, — оптимизация и адаптация становятся и темой, и материалом: драматургическая форма переписки вскрывает отношения двух персонажей-субъектностей, гибридная стилистика демонстрирует самые показательные элементы поэтики каждого автора (феноменологизм Зернова и эмодзи-письмо Цве), наконец, дискурсивное устройство поэмы подчиняется оптимизированному формату готовой открытки и других интернет-шаблонов, что отражается и в названии поэмы «Открытки вацап скачать» [Оли Цве, Зернов]. Остраивающая тенденция проявляется через пародийность текста, отмеченную в предисловии подборки Русланом Комадеем, однако пародия как таковая может быть отнесена к оптимизационным жанрам, строящимся на отборе самого репрезентативного, «самого главного» в определенном стиле или языке. Впрочем, специальная теория жанра, написанная в аспекте художественной оптимизации, — дело будущих исследований.

Форма коллаборации поэтов и художников/дизайнеров вступает в оптимизационные отношения с форматом «книги художника-поэта», влияя на творческий процесс (участники вынуждены договариваться и идти на компромиссы, а каждый медиум теперь представлен конкретным профессионалом) и на стратегическое понимание поэзии. В аспекте медиа об этом рассуждает австралийская художница и поэтесса Мез Бриз, имеющая большой опыт творческий коллабораций: «Кажется, *идеальная* позиция — воспринимать всё как поэзию. <...> Она не ограничена традиционным стихом на бумаге, ее можно найти во множестве форм и медиумов. <...> Я думаю, что *сущность поэзии* заключается в способности *вызывать эмоции, создавать смысл и бросать вызов нашему восприятию окружающего мира*. По моему мнению, поэзией можно считать всё, что сочетает в себе эти качества» (курсив мой. — О.Г.) [Бриз]. В некоторой степени это созвучно позиции поэта и художника Павла

Заруцкого: «Древнегреческий глагол “ποιῶ” означал “творю”, “делаю”. Почему же его потомок, слово “поэзия”, стал ассоциироваться с одними лишь текстами? Голос, ритм, повторение. Вздох. Всё это — потенциальные элементы стихотворения, живого и изменчивого, а не застывшего, подобно надписи на собственной могильной плите» [Заруцкий 2020]. Деконструктивному пафосу («живого и изменчивого, а не застывшего») предшествует оптимизационная предпосылка («всё это — потенциальные элементы»).

Слово-образ «коллаборация» как метафора прилагается и к самим медиумам. Так, Екатерина Захаркив со ссылкой на опыт поэта и музыканта Руперта Клерво пишет: «В поэтико-музыкальной коллаборации мира вымысла обретают свою предельную телесность, делящуюся материальностью, помещая нас самих в “бытие-между-местами”» [Захаркив]. Оптимизационные коннотации этого понятия здесь очевидны — «выработать общее и конкретное», «доработать себя и медиум до совместности», — и именно коннотативно, «мифологически» (по Ролану Барту) обуславливаются бунт и протест из дальнейшего фрагмента: «Музыка и поэзия — это *со-грезящие*, которые предлагают нам присоединиться к их сну. Здесь мы будем вместе жечь книги. Жечь дисциплинарное попечительство над искусством, институциональное знание, предавать огню организацию культурного мышления, академическую интерпретацию, авторитетное мнение, соберемся у костра воспламененных томов метаязыка» [Захаркив]. Подобную редукцию проводили теоретики и практики левого искусства первой половины XX века (от Алексея Гастева до Сергея Третьякова) и его середины (от битников до конкретистов), разве что теперь технологическая и медиумная оптимизация приводит к дискурсивной: субверсивный язык адаптируется к метафизическому, символистскому, метареалистическому: «...эта визуальность другого порядка — в видимом она репрезентирует невидимое <...>, а неартикулируемое высказывает себя в поэтической артикуляции. Возможные миры, вызванные из потайного закулисья, влияют на степени и модусы колебания реальности <...>. Эти миры, эти сны: что мы есть, когда мы больше не мы сами? Художники собственных угасающих следов, слушатели безостановочных метаморфоз друг друга» [Захаркив]. Таким образом наследники «сложной» поэзии по линии Аркадия Драгомощенко и традиций американской «языковой школы» делают возможной коллективную «езду в незнаемое». Предлагаемая оптика режимов адаптации позволяет видеть такие объективные противоречия в пафосе сложности, множественности и гетерогенности, транслируемом инновативными поэтами и теоретиками. Эти противоречия, если не будут восприняты как принципиальная угроза, могут стать условием адаптации этой поэтики для широкого, массового круга читателей.

Кроме коллаборации как оптимизационной формы организации творческого процесса необходимо назвать и оптимизационную форму художественной реализации — *медиагибридизацию*, при которой в продуктивную коммуникацию вступают актуальное письмо, медиасреда, техника и телесность.

Основные варианты гибридизаций, как и коллабораций (межличностных, межмедиумных, межвидовых и т. д.), можно встретить в практике Павла Заруцкого, в центре которой создание машинописных текстов А4 (особенности пишущей машинки делают каждый набранный текст уникальным, но и ограничивают, определяют возможности набора) с использованием дополнительных графических приемов, цветной печати, коллажа, размещением отпечатков пальцев и включением реальных предметов в создаваемый объект. Действительно, основные книги Заруцкого — «единицы», «артерии / ...из слов»

и «мосты» — представляют собой особого рода медиагибридную среду или, точнее, отдельный объект, на котором размещаются другие объекты, можно назвать это мизанобъектом по аналогии с понятием мизансцены (размещение на сцене). Гибридизация, работающая на новое единство и цельность, закладывается уже на уровне восприятия, как об этом рассуждает сам Заруцкий: «Сто лет назад растущий темп жизни изменил образ печатного слова. Задачей новой типографики стало сделать текст доступным беглому взгляду торопящегося по своим делам городского жителя. В наши дни существование в цифровом пространстве и повышение уровня информационного шума научили глаз охватывать всю поверхность того, что он идентифицирует как единый объект» [Заруцкий 2020]. Еще один подобный жест, сделанный в книге-перевертыше «артерии / ...из слов», правда жест травматического и паратекстуального характера, — это предваряющее книгу авторское указание «читать на довоенном языке», которое обособляет всё высказывание, запечатлевая событийно-временной разрыв между книгой и реципиентом и позволяя увидеть ее как завершённый объект, чему будто бы противоречит и авторская поэтическая философия, и поэтика самой книги, но не ее оптимизационные тенденции.

«Оригинальный» медиум, тот самый машинописный текст А4, сделан изначально пластичным и предрасположенным к метаморфозам, в нем есть только необходимое, что и обеспечивает готовность адаптироваться к новым средам, условиям, языкам. Будучи машинописным «телесно-текстуальным гибридом» [Морозов 2022], он еще и подвергается затем медийному переносу: он препарируется для публикации в онлайн и оффлайн журналах, для книжной публикации с продуманными параметрами бумаги, он готовится для экспонирования на выставках визуальной поэзии и исполнения в рамках музыкального проекта [Заруцкий 2022: 12] (рис. 1). И наоборот, «внешнее» (предметное, материальное, невербальное) адаптируется к поэтическому, понимаемому на постоптимизационном уровне как

«экспериментальное изучение окружающего мира, всё больше находящего себе место в поэтических текстах» [Фоменко], а тезис о том, что «мультимодальные тексты обладают мощной способностью к реконтекстуализации» [Морозов 2022], получает дополнительное подтверждение, более того, предположим, что эта *мультимодальность* строится как раз на строгом *монометод*е. Вопросы, что позволяет одному и тому же тексту раскрываться в разных медиумах, Заруцкий посвятил работу-адаптацию собственных стихотворений из машинописного цикла «Единица» в десятом выпуске «Носорога», где эти тексты были целиком переработаны визуально.

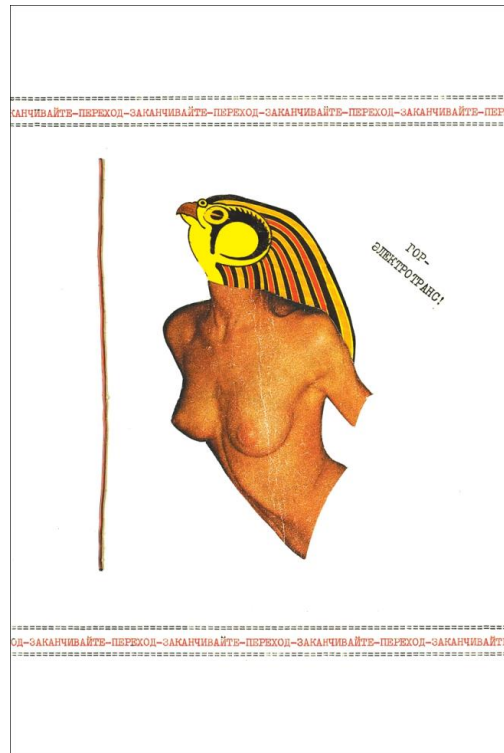

Рис. 1

Так выстраивается схема: сущность поэзии / оригинал / один и тот же текст → адаптация / деконструкция / оптимизация в новом контексте (гибридизация, бриколаж, трансмедиация и т. д.) → формирование в процессе адаптации нового объекта. Несколько нарочитым, но емким примером можно назвать текст «Это стихотворение готово быть написанным», представляющий формализацию концептуалистской работы с формулами, оптимизированный концептуализм [Заруцкий 2022: 15] (рис. 2):

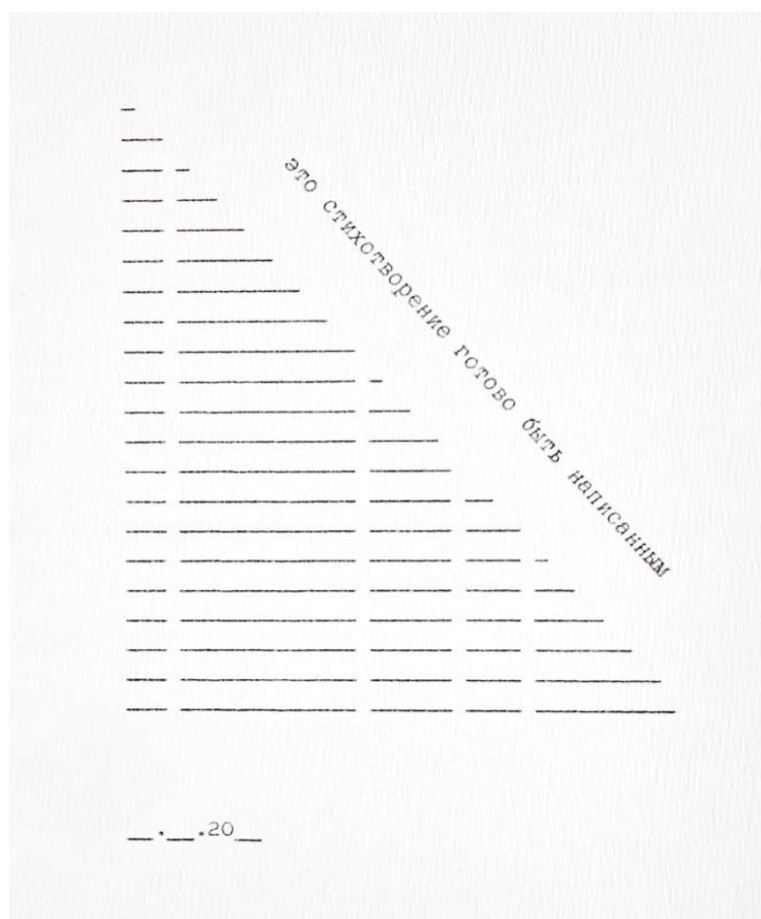

Рис. 2

Другой пример — текст «Единица», использующий кусок зеркала, который способен отразить взгляд автора или зрителя. При включении этого текст-объекта в первую книгу «единицы» фотография зеркала зафиксировала взгляд автора, при прочтении он дополнительно трансформируется в слово «отражение» и в конечном счете воспринимается, отражается в глазах читающего. Вводя новые медиа, реципиент может подключаться к этому трансмедийному повествованию и множить отражения дальше: так, например, я сделал скриншот zoom-презентации Павла Заруцкого, с которой он выступал на научной конференции, где изображен слайд с той самой страницей, с тем самым стеклом и с глазами самого автора, чье видеоизображение можно было видеть на экране в правом верхнем углу. Повторяясь, это рекурсивное присвоение непрерывно ускользающего (слова из самого стихотворения) хорошо усваивается реципиентом (рис. 3).

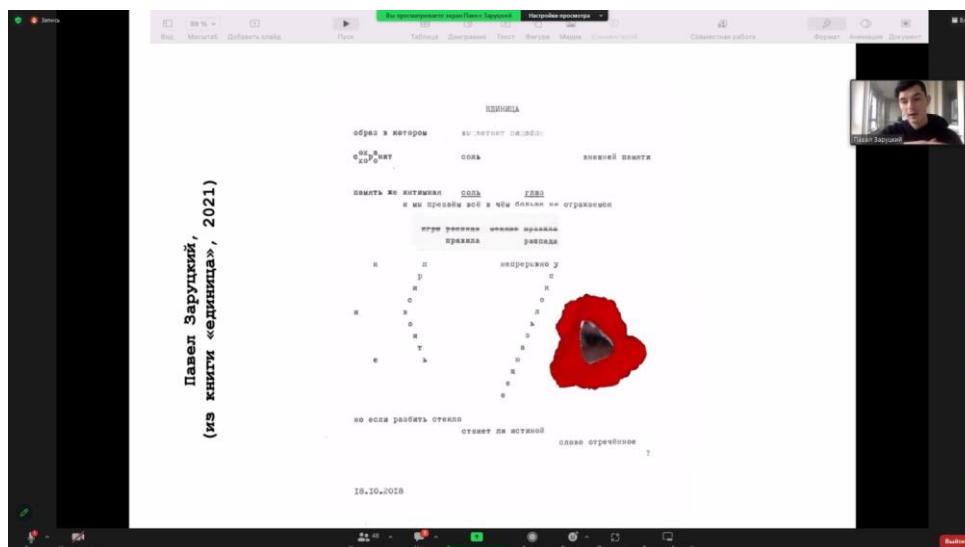

Рис. 3

Технология раскрытия одного сюжета (разных его фрагментов), объекта или франшизы через разные медиа получила название *трансмедийного повествования* (Генри Дженкинс). Важно отметить, что трансмедийность может реализовываться и как герменевтическая процедура, как возможность рецепиента войти в текст-объект, используя разные рецептивные модальности и технологии (например, не читать стихи, а видеть, слушать их или играть в них с помощью компьютерной игры).

Микропереводы трансмедийных объектов содержатся в опытах Анны Родионовой, созданных вместе с участниками ее семинара «После всего: текст в эпоху антропоцена и больших данных». Итоговая кроссмедийная графико-поэтическая работа представляет собой страницу-среду, гибридирующую культурное и природное, виртуальное и реальное, текстовое и визуальное, линейное и топологическое, человеческое и техническое [Родионова 2021]. Ее подборка «Не кажется. Легенда о миражах», проиллюстрированная фотографиями с глитч-эффектами из компьютерных игр (фотограф Константин Ремизов), продолжает эти попытки, по определению Андрея Войтовского, «приручения диких алгоритмов и выстраивания гибридных поэтических сред, способных временно примирить человеческое и постчеловеческое» [Войтовский]. Вновь обращает на себя внимание подбор слов («приручить», «примирить»), характеризующий стратегию выстраивания отношений, поиск оптимальных вариантов сотрудничества, взаимодействия, соотношения. Правда в случае с аналитической, поисковой поэтикой Родионовой это примирение в первую очередь с искажениями и преломлениями, это «подключение к помехам и внимание к случайностям, составляющим образ» [Родионова 2019]. В ее эссеистическом отрывке феномен миража рассматривается в качестве модели, отправной точки «для пересборки образа», а может, и для целой «миражной политики образа», понятой как «политика внедрения в канал передачи данных, преломление, которое *значит и передает*» (курсив автора. — О.Г.) [Родионова 2019].

Еще одним проектом трансмедийной герменевтики является Telegram-канал «Иллюверс / Шуверс», в котором публикуются визуальные комментарии поэта Евгения Никитина к поэтическим текстам других авторов. Дизайн проекта заключен сразу в две оптимизационные рамки (не считая самой

платформы Телеграма): с одной стороны, используется шаблон, известный по практикам социальной сети ВКонтакте (текст + картинка), с другой стороны, задействуется программное обеспечение искусственного интеллекта, создающее изображения по текстовым описаниям (чаще всего Никитин обращается к нейросети Midjourney). Художественные коллаборации человека с ИИ — это отдельная тема, раскрыть которую в достаточной степени без теории оптимизации невозможно, и здесь необходимо будет учитывать как предысторию (конкретные эксперименты фларф-поэзии), так и философские обоснования арт-исследований взаимосвязей и постепенной гибридизации человека и технологии: направлены они на человека, как бы в помощь ему, для создания все еще *human readable messages*, по названию одной из последних книг Мез Бриз, — или в сторону постгуманистического эстетического преобразования. В последнее время на канале наблюдается динамика сокращения текстов и увеличения изображений, и если сначала изображения появлялись только как реакция на тексты, то затем стали публиковаться серии изображений, которые сами запускали ассоциативный поиск созвучного стихотворного текста, который бы проиллюстрировал иллюстрации. Наконец, еще один тип публикаций на канале — картинки без всяких текстов, в этом случае поэтическое прописывается в картинках «без остатка», не имея нужды в словах, и здесь мы имеем дело с идеальным трансмедийным переводом (или идеальной оптимизацией).

Трансмедийное восприятие программируется самими поэтами на имплицитном поэтологическом уровне: «Поэзия как взгляд и как касание. Взгляд текста. И взгляд в текст. Погружение рук за пределы экрана в попытке нащупать чернильные отпечатки за бинарным кодом. Пальцы читающего наощупь тянутся к пальцам пишущего» [Заруцкий 2023]; «Егор Зернов простраивает медиаполитику текста так, что читатель медленно превращается в зрителя и свидетеля. Эта гибридность оказывается принципиально важной стратегией левой поэзии после двадцать четвёртого февраля» [Морозов 2023]. Вместе с тем оно может тематизироваться и звучать в облегченном виде внутри мономедийного высказывания, встраивающего тем не менее поэзию в современный арт, реализующего ее «странную» актуальность:

Мои дети рождаются атлантами
 Они смогут прочесть любую книгу
 Не открывая ее
 Они смогут ее насквозь прочесть
 Даже не глядя на ее название
 Они скорее всего
 Уже прочтут ее до того
 Как она просто окажется рядом с ними
 Однажды они доберутся и до моей книги
 Своими мудрыми всевидящим глазами
 И скажут:
 Батя,
 Ёпт,
 И чё это? [Мазо 2021a]

Это стихотворение Ильи Мазо, автора собственного кросс-медийного проекта — триптих «ШХД: ЗИМА», «ШХД: ЛЕТО» и «Белая книга», — в который входят помимо книг и компьютерных игр, созданных совместно с игровым дизайнером Александром Игнатовым, еще и музыкальный альбом, короткометражный фильм, спектакль. Как правило, трансмедийное повествование

реализуется коллективными усилиями, часто это результат работы целой индустрии. (Псевдо)франшиза Ильи Мазо держится на индивидуальной воле, без индустриального размаха, хоть и с помощью коллабораций, и структурируется вполне отрефлексированной оптимизационной позицией: «Я, как бы печально это ни звучало, прежде всего поэт. На мой взгляд, поэзия — это *искусство по отсечению ненужного и по максимальному наполнению смыслами минимального количества слов*. Так же я отношусь к альбому — это мое хокку. Оно действительно короткое, его длина должна открыться в слушателе, а не в бумаге» (курсив мой. — О.Г.) [Мазо 2021b].

На трансмедийное восприятие в своем пределе настроены и поэтико-визуально-материальные среды. Одну из таких создает выпуск «альманаха-огня» под названием «Пангея Ультима», выполненный в технике виртуального бриколажа [Pangea Ultima]. Инструкция, написанная редакторами альманаха в Telegram-канале, заботливо описывает рецептивные варианты: «Можно подойти к освоению такого виртуального мета-пространства, как к игре-бродилке, можно просто воспользоваться оглавлением и читать его, как журнал. Мы также оставляем некоторую незавершенность, есть незаполненные среды, отсутствующие пока произведения и облачные материи, которым еще предстоит проявиться. Внутри страниц-сред можно найти поэтические подборки, музыку, плейлисты, фотосери, аудиодневники, эссеистику и видеоарт, спрятанные в виде различных сущностей и форм».

Создание сред и атмосфер рядом исследователей атрибутируется как черта метамодернистского тренда в искусстве [Венкова: 209], и некоторые из рассмотренных в этой статье проектов оцениваются как метамодернистские, в частности, проект Ильи Мазо. Любо Михайлова в своем аналитическом эссе о метамодерне подчеркивает и трансмедийность рецепции проекта Мазо (в авторском наименовании — digital opera): «это собрание разнообразных по формату (можно сказать — по методу исследования) отдельных частей одного высказывания, каждое из которых не является оперой, но становится ею в сознании реципиента и начинает звучать, словно симфонический оркестр» [Михайлова]. Отметим, что достигается это не в последнюю очередь с помощью оптимизационных решений: «Это становится возможным, поскольку Мазо реконструирует *знакомую каждому с детства среду*. Урбанистическая общность современного постсоветского города и выстраиваемая на ее основе самоидентификация здесь является тем условием, которое обеспечивает возможность полноценного восприятия творчества, вчувствования в него» (курсив мой. — О.Г.) [Михайлова].

Вообще не является ли именно оптимизация (пост)модернистского наследия одной из генеральных линий поэтического искусства 2010-х годов, а концепция метамодерна — лишь одним из вариантов описания этого процесса? Так, знаменитый тезис родоначальников теории метамодернизма о колебании опирается на оптимизационный жест: взять главное от модерна и постмодерна и соединить в осциллирующей системе, редуцировать разросшиеся теории модерна и постмодерна до ключевых (или самых распространенных, оптимизированных временем/социумом) концептов, чтобы отстроиться между ними — «между энтузиазмом модерна и иронией постмодерна, между надеждой и меланхолией, между наивностью и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, целостностью и фрагментированностью, ясностью и неоднозначностью» [Vermeulen, Akker: 5—6]. Не менее важно, что это колебание, в том числе между целостностью и расщеплением,

не самоценно, оно должно приводить к новой целостности, метацелостности: «раскачиваясь туда и обратно, вперед и назад, метамодерн пытается *преодолеть противоречия* между модерном и постмодерном» (курсив мой. — О.Г.) [Vermeulen, Akker: 6]. Этот манифест написан с помощью словаря оптимизаторов: «преодолеть противоречия», «сгладить углы», «решить вопрос», «уладить конфликт», «договориться» и «согласовать», «провести переговоры» (в оригинале этого эссе используется связка «negotiates between»).

Оптимизация (пост)модернистского наследия на рубеже 2010—20-х гг. производится иным комплексом дискурсивных и реальных действий, описанным в терминах «реакционного постмодернизма» или «неоконсервативной псевдоморфозы постмодернизма» [Липовецкий], который был рассмотрен также и в медиаисследованиях [Руттен]. Марк Липовецкий дифференцирует постмодерн и современный неоконсервативный цинизм, который формально размножает голоса и языки, создает деконструктивистские гибриды, но в дальнейшей прагматической перспективе оказывается тотально оптимизационным (радикально отрицательный вариант): «Постмодерный субъект говорит не на двух противоположных языках, а на их десятке одновременно. Но суть дела даже не в этом, а — в переходах. Циническое “многоязычие” только поверхностно напоминает концептуалистское или, в более широком смысле, постмодернистское мерцание (термин Д.А. Пригова). Цинизм *сглаживает или игнорирует противоречия между языками и идентичностями, оправдывая их совмещение прагматическими (или эгоистическими) нуждами*. Постмодернизм, напротив, обостряет и обнажает противоречия между конфликтующими дискурсами» (курсив мой. — О.Г.) [Липовецкий]. Обратим внимание на тот же оптимизационный вокабуляр, что был использован при описании метамодерна. Однако то же самое «сосуществование взаимоисключающих идеологий/дискурсов в одном и том же сознании/семиотическом пространстве/институции» и даже наличие «плавных, никак и ничем не маркированных переходов от одной парадигмы к другой» [Липовецкий], мы видим в ключевых поэтических практиках 2010—20-х гг., в коллаборациях и частных художественных системах поколения журнала «Флаги». Как интерпретировать при всех функциональных отличиях это структурное сходство (сглаживание противоречий) — вопрос открытый и более чем актуальный.

Таким образом, художественная оптимизация может быть автоматизирующей, отрицательной, когда отбираются и сохраняются негативные варианты или черты общества/культуры: «Можно увидеть в этих процессах метафору всей постсоветской модернизации — ведущей к усвоению внешних и далеко не лучших аспектов современной глобальной культуры и политики, но сопровождаемой утратой и обесцениванием важнейших смыслообразующих элементов присвоенных дискурсов» [Липовецкий]. Однако именно из этой позиции — множество означающих, множество фейков и симулякров для одного означаемого; разбухание исторического дискурса при унификации прошлого — рождается другой, деконструирующий вариант оптимизации, переозначающий художественную и медиа-материю для дальнейших жизненных трансформаций.

Список литературы / References

- Азарова Н. Новизна без креативности // Воздух. 2019. № 39. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2019-39/azarova/> (дата обращения: 03.08.2023). (Azarova N. Novelty without creativity, *Vozdukh*, 2019, no. 39. — In Russ.)

- Бриз М. Гибридное авторство в эпоху ИИ: Интервью // Всеализм. 2023. 4 апр. URL: <https://vsealim.ru/mez-briz-gibridnoe-avtorstvo-v-epohu-ii/>
(Breeze M. Hybrid authorship in the era of AI: Interview, *Vsealim*, 2023, April 4. — In Russ.)
- Венкова А.В. Политики идентификации в искусстве метамодернизма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 203—213.
(Venkova A.V. Policies of Identification in Metamodern Art, *Tomsk State University journal of cultural studies and art history*, 2018, no. 32, pp. 203—213. — In Russ.)
- Войтовский А. Поэтический спидран: о книге Андрея Черкасова «Дополнительные поля» // Флаги. 2023. URL: <https://flagi.media/piece/533> (дата обращения: 03.08.2023).
(Voitovskii A. Poetic speedrun: about Andrey Cherkasov's book "Additional Fields", *Flags*, 2023. — In Russ.)
- Горелов О.С. Оптимизация и деконструкция поэтического: аудиоперформанс Сергея Самойленко // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 3. С. 106—113.
(Gorelov O.S. Optimization and Deconstruction of the Poetic: Audio Performance by Sergei Samoilenko, *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2023, no. 3, pp. 106—113. — In Russ.)
- Горелов О.С. Оптимизация поэтического: стихи на стенах и домах // «Вакансия поэта» — 3: Материалы Международной научной конференции «Кризис "поэтического" / экспансия "поэтического"» (Воронеж, Воронежский государственный университет, 26—27 ноября 2021 г.) / под ред. А.А. Житенева. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 126—144.
(Gorelov O.S. Poetic optimization: poems on walls and houses, "Vakansiia poet") — 3: materialy Mezhdunar.i nauch. konf. "Krizis 'poeticheskogo' / ekspansiia 'poeticheskogo'", *Voronezh*, 2021, pp. 126—144. — In Russ.)
- Заруцкий П. Артерии / ...из слов. СПб.: Темерон, 2022. 24 с.
(Zarutskii P. Arteries / ...out of the words, *Saint Petersburg*, 2022, 24 p. — In Russ.)
- Заруцкий П. Когда стихотворение становится экраном // Альманах-огонь. 2020. URL: <http://fajro.abc-group.ru/PavelZarutsky.html> (дата обращения: 03.08.2023).
(Zarutskii P. When a poem becomes a screen, *Almanac-fire*, 2020. — In Russ.)
- Заруцкий П. Области неразличия // Всеализм. 2023. URL: <https://vsealim.ru/pavel-zarutskij-oblasti-nerazlichiya/> (дата обращения: 03.08.2023).
(Zarutskii P. Areas of difference, *Vsealim*, 2023. — In Russ.)
- Захаркив Е. Альманах-огонь: that sense. URL: <http://fajro.abc-group.ru/Katya-Zakharkiv.html> (дата обращения: 03.08.2023).
(Zakharkiv E. *Almanac-fire: that sense*, *Almanac-fire*. — In Russ.)
- Липовецкий М. Псевдоморфоза: реакционный постмодернизм как проблема // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. С. 223—245.
(Lipovetskii M. Pseudomorphosis: Reactionary Postmodernism as a Problem, *New Literary Observer*, 2018, no. 3, pp. 223—245. — In Russ.)
- Мазо И. ШХД: ЛЕТО / илл. Д. Русакова. 2021а. URL: <https://iliamazo.ru/summerbook> (дата обращения: 03.08.2023).
(Mazo I. *ShKhD: LETO (It's Summer)*, 2021a. — In Russ.)
- Мазо И. ШХД: ЛЕТО (EP): Интервью. 2021b. URL: <https://vk.com/@iliamazo-shhd-letop-ersiya-intervu-bez-redaktury> (дата обращения: 11.11.2023).
(Mazo I. *ShKhD: LETO (EP) (It's Summer): Interview*, 2021b. — In Russ.)
- Михайлова Л. Эссе о метамодерне в трех частях. Часть III. Метамодернизм в художественной практике // Syg.ma. 2019. URL: <https://syg.ma/@lubasta/essie-omietamodiernie-v-triekh-chastiakh-chast-iii-mietamodiernizm-v-khudozhiestviennoi-praktikie> (дата обращения: 11.11.2020).

- (Mikhailova L. Essay on Metamodernity in Three Parts. Part III. Metamodernism in Artistic Practice, Syg.ma, 2019. — In Russ.)
- Морозов И. Отпечатки машинописной интимности: о новой книге Павла Заруцкого // Флаги. 2022. URL: <https://flagi.media/piece/460> (дата обращения: 03.08.2023).
- (Morozov I. Imprints of typewritten intimacy: about the new book by Pavel Zarutsky, Flags, 2022. — In Russ.)
- Морозов И. Ребёнок в седле медиакентавра: отсканить детство, разъять Тиресия (о зине Егора Зернова «ВЫЖИГАНИЕ») // Флаги. 2023. URL: <https://flagi.media/piece/527> (дата обращения: 03.08.2023).
- (Morozov I. A child in the saddle of a media centaur: scan childhood, seize Tiresias (about Yegor Zernov's zine "BURNING"), Flags, 2023. — In Russ.)
- Оли Цве, Зернов Е. Открытки вацап скачать: поэма-коллаборация // Дискурс. 2023. URL: <https://discours.io/expo/literature/poetry/otkrytki-vatsap-skachat> (дата обращения: 03.08.2023).
- (Oli Tsve, Zernov E. "Whatsapp postcards download": collaboration poem, Discourse, 2023. — In Russ.)
- Родионова А. Не кажется. Легенда о миражах // Грёза. 2019. URL: <https://greza.space/ne-kazhetsya-legenda-o-mirazhah/> (дата обращения: 03.08.2023).
- (Rodionova A. It doesn't seem like it. The Legend of Mirages, Greza, 2019. — In Russ.)
- Родионова А. После всего // Транслит. 2021. URL: <http://www.post.trans-lit.info/> (дата обращения: 03.08.2023).
- (Rodionova A. After everything, Translit, 2021. — In Russ.)
- Руттен Э. Реакционная искренность / пер. с англ. С. Ермакова // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. С. 255—263.
- (Rutten E. Reactionary sincerity, New Literary Observer, 2018, no. 3, pp. 255—263. — In Russ.)
- Фоменко Д. Провод, разбухший от крови: о новой книге Павла Заруцкого // Флаги. 2022. URL: <https://flagi.media/piece/437> (дата обращения: 03.08.2023).
- (Fomenko D. A wire swollen with blood: about the new book by Pavel Zarutsky, Flags, 2022. — In Russ.)
- Pangea Ultima. URL: <https://thepangeaultima.com/> (дата обращения: 03.08.2023).
- Vermeulen T., Akker R. van den. Notes on Metamodernism, Journal of Aesthetics & Culture, 2010, vol. 2, pp. 1—14.

OPTIMIZATION OF POETIC AND VISUAL: COLLABORATIONS, MEDIA HYBRIDIZATION AND TRANSMEDIA STORYTELLING

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. The article continues a series of studies devoted to ways of adapting literature and poetry to the mass media environment — public space (text in the city), digital space (poetry streams) and performance space (word and sound in action). Now we are talking about adaptive trends in experimental, hermetic poetry on the border of mediums (primarily textual and visual). For the first time, such material shows the effect of not only well-known adaptation modes (deconstruction and adaptation itself), but also the phenomenon of artistic optimization. The focus is on such phenomena as creative collaboration (an optimization form of organizing the creative process), media hybridization (an optimization form of artistic implementation) and transmedia storytelling, adapting the postmodern phenomenon of merging writing and reading to contemporary media realities. The material for the work was feat-books and poetic-art collaborations (Oli Zve, E. Zernov, A. Rodionova, Telegram-channel Illuvers), media hybrids as a reinterpretation of

the “artist’s book” (P. Zarutsky), as well as cross-media projects (I. Mazo), generating new parameters of transmedia perception of art and life.

Keywords: media, contemporary poetry, artist’s book, visual poetry, media hybridity, deconstruction, adaptation

Acknowledgments: this work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 19-18-00205 (“Poet and poetry in the post-historical era”)

For citation: Gorelov O.S. Optimization of poetic and visual: collaborations, media hybridization and transmedia storytelling, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 6—18.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023; одобрена после рецензирования 14.08.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 04.08.2023; approved after reviewing 14.08.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru

Gorelov Oleg Sergeevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 19—24.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 19—24.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"-1

DOI: 10.46726/И.2023.5.2

ПРИНЦИПЫ ОБЗОРНОЙ КОМПОЗИЦИИ В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ольга Алексеевна Павловская

Ивановский государственный университет, г. Иваново,

Россия, pavlovskaya32@yandex.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблема композиционного построения поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», рассматриваются основные приемы и способы создания обзорной композиции как доминирующей стратегии воплощения масштабного лироэпического замысла. Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что доминанты внутритекстовых связей, обеспечивающие масштабность эпического полотна, определяются и объемным коммуникативным замыслом автора: произведение Некрасова о народе и для народа. Установка на народное мировосприятие (народно-образное мышление, песенную культуру, устную речевую традицию) определяет разные аспекты художественно-образной структуры произведения, а в их числе особо значимыми оказываются и разнообразные способы звуковых сочленений, обособлений, пространственного расширения и углубления художественного мирообраза. Приемы интермедиальности, в частности способы образно-звукового масштабирования художественного текста, подчеркивают особый — синтезный — характер произведения Некрасова. В разработке механизмов создания визуально-образного и звукового объема поэмы «Кому на Руси жить хорошо» русский поэт открывает такие интермедиальные подходы, которые предопределяют развитие других видов искусства (к примеру, кинематографа). В частности, монтажный прием композиционного построения важен для смены субъектной организации, расширяет план изображения, переключает звуковой регистр образного воплощения с односубъектности на хоровую волну и т. д.

Ключевые слова: интермедиальность, обзорная композиция, звуковые образы, монтаж

Для цитирования: Павловская О.А. Принципы обзорной композиции в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: интермедиальный аспект // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 19—24.

В сложной и многоплановой системе интермедиальных приемов, использованных Н.А. Некрасовым для воплощения поэмого замысла, важное место отводится композиционной организации материала. Принцип обзорности, определяющий нарративный замысел произведения, проявлялся и на структурном уровне текста. По сей день в современном некрасоведении не решен вопрос о последовательности расположения частей в поэме. Однако вопрос о композиционном построении произведения затрагивает как уровень макроструктуры — приемы внешней организации, метаструктуры текста,

так и уровень внутритекстовых связей, благодаря которым эпический замысел обретал пространственно-художественное воплощение.

Среди интермедийных приемов реализации авторской стратегии особой значимостью обладают образы и механизмы звукового плана. Так образ эха в Прологе придает мистериальной сцене звуковую многоплановость и объемность, эхо как звуковое продолжение мужицких споров, пробуждает инфермальную стихию, благодаря этому мистериальный сюжет развивается не столько по линейному принципу, но и получает волнообразный характер (сцена драки мужиков постепенно сменяется умиротворением и ночным покоем странников).

Прием звукового сочленения становится одной из творческих доминант и в Прологе к главе «Крестьянка»: странствующие крестьяне как полноценные участники мистерии о поисках счастливых, обретают способность глубоко внимать происходящему — и это дар художественного видения и особого звукового восприятия. Драматическая сцена разорения дворянской усадьбы разворачивается в восприятии мужиков и благодаря их участию, в народном мировидении трагическое и комическое тесно переплетены, именно поэтому звуки сакральные неожиданно пародируются, и в то же время благодаря семантической опустошенности звуковой образ получает легкость трансляции в пространстве:

На башню как подымет
 Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли
 Жи-вешь, о-тец И-пат?»
 Так стекла затрещат!
 А тот ему оттуда-то:
 Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
 Жду вод-ку пить! — «И-ду!..» —
 «Иду»-то это в воздухе
 Час целый откликается...
 Такие жеребцы!.. (126)*

Пародийно-сниженные образы, выполненные с использованием звуковых эффектов, лишь усиливают драматизм исходной ситуации: разорение дворянского усадебного мира неизбежно сопровождается духовным оскудением и народных образов.

Однако странствующие крестьяне уже наделены даром объемного мировосприятия, в том числе звукового, что и позволило им услышать не только звуки мира уходящего, лишенного духовных скреп, но и воспринять звуковые проявления иной жизни — трудовой, крестьянской, наполненной созидательной силой:

«—Чу! Песня за деревню,
 Прощай, горюшка бедная!
 Идем встречать народ».
 Легко вздохнули странники:
 Им после дворни ноющей
 Красива показалась
 Здоровая, поющая
 Толпа жнецов и жниц... (126)

Звуковое сочленение прошлого и настоящего возникает на контрасте минорного и мажорного, пародийно-сниженного и высокого: мироощущение некрасовских героев гармонируется благодаря намеренной сопричастности

---

* Здесь и далее текст поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» цитируется по изданию: [Некрасов] с указанием в скобках страниц.

к народной толпе и осознанному соучастию в народной судьбе. Более того, именно песенный прием формирует и качественно иной звуковой миропроизведения, вбирающий народно-поэтические традиции и прежде всего эпические установки. Важным знаком смены звукового регистра становится некрасовское «Чу!», в усеченной форме словесно-обрядового заклинания аккумуляруется страх перед неожиданной силой, стихией. Некрасовские странники выходят за пределы конкретно-ситуационного в эпическое пространство, в метасферу мистериального сюжета. При этом вполне очевидно, что сочленение миропроизведений — звуковое, визуальное — носит монтажный характер, что предопределяет кинематографические приемы.

Принцип «монтажной» композиции, как способ организации материала, обнаруживается в «городских» циклах Некрасова («На улице» (1850), «О погоде» (1858—1865)). Этот композиционный прием позволил автору расширить пространственные координаты поэтического миропроизведения, увеличить угол художественного обзора и одновременно событийно наполнить намеченную перспективу. Вполне очевидно, что монтажно-композиционные приемы важны и для реализации принципа обзорности. По мнению Б.О. Кормана, «монтажный принцип <...> служит одним из важнейших средств введения в лирику социального содержания» [Корман: 317]. Исследователь обозначает и такие приемы монтажного построения лирических произведений Н.А. Некрасова, как включение прямой речи в лирический монолог, лирическое многоголосье, смена субъектной организации и другие.

Безусловно, важнейшими компонентами в создании обзорной композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо» являются использование лирического многоголосья как звуковой прием пространственного масштабирования и переключение субъектной организации текста, в том числе с помощью приемов «ролевой» лирики, благодаря чему складывается галерея персонифицированных образов и образов «коллективного» плана. В прологе главы «Крестьянка» монтажный прием используется для включения хорового начала в звуковую картину мира, одновременно лирико-драматическое звучание предыдущей сцены сменяется установкой на эпическое изображение. Образ поющей толпы выполнен с использованием фольклорных традиций: именно установка на народный идеал придает этому образу завершенность и совершенство. В поющей толпе жнецов и жниц реализовано созвучие помыслов и единство трудовой жизни крестьян. Для странников именно песня становится сигналом поисков счастливого на новом — бытийном — уровне. Взывание странников к толпе космогонично, а отделение Матрены Тимофеевны из толпы уподобляется былинной традиции: она является сердцевиной народного миропроизведения.

Коммуникативный диссонанс, прорывающийся в первом обращении некрасовских странников к Матрене Тимофеевне и ее ответе:

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?
— Что нужно, молодцы? (126) —

также можно объяснить исходя из монтажных принципов организации текста.

Первое восприятие избранницы подчинено визуальным принципам. Она является той важной частью толпы, благодаря которой и сохраняется эстетика народного идеала: «Все дело девки красили / (Толпа без красных девушек, / Что рожь без васильков)» (126). Установка на идеализацию, которая определяет действия мужиков, снимает возрастные признаки: Матрену

Тимофеевну ищут среди «девок». Но и героиня словно не видит возраста мужиков, обращается к ним «молодцы», «молодчики», что также подтверждает ее принадлежность к миру идеальному и прежде всего ее духовное совершенство.

Однако в ответном слове героини, как и в том договоре, благодаря которому «звучала» история Матрены Тимофеевны (просит помочь в жатве), на первый план выходит иная черта ее характера — готовность помогать действием. (Отметим, что с деятельного участия мужиков в спасении пеночки (Пролог первой главы) складывается их договор с миром природы и преодолевается разлад между собой.)

Субъектная организация текста является важным фактором поддержания принципа обзорной композиции в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Собирательный образ «семи мужиков, семи странников» обретает русскую узорчатость, прежде всего, в словесной характеристике. Социальная детерминированность образа, обозначенная в названиях деревень, смягчается разбивкой на ритмические пары слов:

Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож... (5)

Парная рифма является не только междустрочной, но и внутрискрочной, что усиливает скрепленность собирательного образа. Авторское указание на «смежность деревень» «Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости...» также задает ориентир для читательского восприятия образа в целостности. Но не только социальные бедствия объединяют крестьян: мужики отправляются в русский путь словно заряженные духовно:

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое... (6)

Настроенность персонажей на духовное действие становится той центростремительной силой, которая обеспечивает единство собирательного образа и определяет его смысловую динамику.

Субъектная организация текста Некрасовской поэмы включает и выбор особых героев, чье положение, образ жизни лишены социальной детерминированности, но при этом их роль режиссируется мистериальной традицией, а функциональное назначение определяется в том числе расширением художественного пространства произведения — это образы странников. В мистериальной традиции за этими героями закреплена функция богоискательства. Некрасов в разработке образного плана идет по пути синтеза народно-религиозных и мифологических представлений. В частности, духовная сила «старушки божьей» из рассказа Матрены Тимофеевны топонимически закреплена:

У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалась... (186)

Однако сам перечень святых мест важен скорее для коммуникативной ситуации: подчеркивается духовная авторитетность старицы и ее слова. Нетрудно заметить, что в аргументации своего главного суждения («Ключи от счастья женского, / От нашей вольной волюшки / Заброшены, потеряны / У бога самого!» (186)) святая старица обращается к разным проявлениям народного сознания: и творящему молитвенное правило Ефрема Сирина («Отцы-пустынножители...» (186)), и хранящему Библейское предание о поисках волхвов, и мифологическому поверью о морском царстве и Царь-рыбе... Речь старицы замысловата и узорчата, ибо в зоне ее коммуникативного воздействия оказываются народные правдоискатели, сознание которых сказочное и религиозное одновременно. Старица создает масштабную модель мира, вмещающую народные представления о божественной высоте, природной стихии и глубине, о силе духа и духовных исканиях человека. Это законченный мир-образ, в структуре которого все определено, в том числе и особая женская доля.

В части «Пир на весь мир», в главе «Странники и богомольцы» Некрасов сохраняет коммуникативную ситуацию, но значительно масштабируя ее за счет расширения круга слушателей. Используя обзорный принцип, поэт открывает разные категории слушателей, единых в своем настрое на духовно-просветительское слово и в своем внимании к этому слову. Сила словесного воздействия и ответное внимание соединяют отдельные зарисовки в единое полотно, рождают новые линии эпического изображения народного мира. Благодаря повторяемости коммуникативной ситуации, устойчивому вниманию к состоянию народного слушателя, Некрасов утверждает идею особой восприимчивости — отзывчивости — народной души как благодатной почвы для просвещения народных масс.

Таким образом, можно говорить и о том, что поэма «Кому на Руси жить хорошо» стала масштабным коммуникативным замыслом. Это произведение не только о народе, но и для народа. Коммуникативная сфера, актуализированная поисками счастливого, возникает в конкретной ситуации, проявляет ключевые фигуры риториков, среди которых особое место принадлежит носителям духовно-просветительской позиции, а также слушателей, обретающих обобщенный образ народной души. Ключевыми приемами реализации такого замысла становятся приемы интермедиальности, в частности словесная образность, звуковые образы. Но именно в сочетании с принципами обзорной композиции, в частности, монтажными приемами, принципы интермедиальности способствуют реализации масштабного поэмого замысла.

Список литературы / References

- Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1964. 392 с. (Korman B.O. *Lirika N.A. Nekrasova*, Voronezh, 1964, 392 p. — In Russ.)
- Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 5. 687 с. (Nekrasov N.A. *Who lives well in Russia*, Nekrasov N.A. *The complete collection of works and letters: in 15 vols*, vol. 5, St. Petersburg, 1982, 687 p. — In Russ.)

PRINCIPLES OF OVERVIEW COMPOSITION IN N.A. NEKRASOV'S POEM "WHO LIVES WELL IN RUSSIA": INTERMEDIAL ASPECT

Olga A. Pavlovskaya

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, pavlovskaya32@yandex.ru

Abstract. The article updates the problem of the compositional structure of N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Russia" and examines the main techniques and methods for creating an overview composition as the dominant strategy for implementing a large-scale lyric epic plan. The observations made allow us to say that the dominant intratextual connections that ensure the scale of the epic canvas are also determined by the author's voluminous communicative intent: Nekrasov's work is about the people and for the people. The focus on the people's worldview (folk-imaginative thinking, song culture, oral speech tradition) determines various aspects of the artistic and figurative structure of the work, and among them, the various methods of sound articulations, isolations, spatial expansion and deepening of the artistic world image are especially significant. Techniques of intermediality, in particular methods of figurative and sound scaling of a literary text, emphasize the special — synthetic — nature of Nekrasov's work. In developing the mechanisms for creating the visual, figurative and sound volume of the poem "Who Lives Well in Russia", the Russian poet discovers such intermedial approaches that predetermine the development of other forms of art (for example, cinema). In particular, the montage technique of compositional construction is important for changing the subject organization, expands the image plan, switches the sound register of figurative embodiment from single-subjectivity to a choral wave, etc.

Keywords: intermediality, overview composition, sound images, installation

For citation: Pavlovskaya O.A. Principles of overview composition in N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Russia": intermedial aspect, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 19—24.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 16.06.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 16.06.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Павловская Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pavlovskaya32@yandex.ru

Pavlovskaya Olga Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 25—35.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 25—35.

Научная статья

УДК 82-929

DOI: 10.46726/И.2023.5.3

«ТЕКСТ СУДЬБЫ ЖИВОПИСЦА»: ЛИТЕРАТУРНЫЕ АВТОПОРТРЕТЫ ВАН ГОГА И САЛЬВАДОРА ДАЛИ

Софья Михайловна Лукьянова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, zolotoyogon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме комплексного анализа «синтетического текста», включающего в себя как художественные произведения, так и другие аспекты жизни и творчества писателя или художника. Объектом исследования являются литературные автопортреты Ван Гога и Сальвадора Дали. Методология исследования включает в себя как традиционные структурно-семиотические и историко-функциональные подходы, так и методологию анализа «синтетического текста», разработанную в трудах Д.И. Иванова и Д.Л. Лакербая. Многие исходные «концептуальные коды» когнитивно-прагматических программ Ван Гога и Дали имеют сходство, однако литературные автопортреты показывают, что стратегии самореализации таланта у художников совершенно различны. Стратегия Ван Гога интроспективна, и на этом бескомпромиссном пути художник постоянно находится в поиске себя. Его дневник в виде писем — это попытка самопрояснения личности, выражающей себя через картины. Его путь управляет им, а не наоборот, поэтому закономерный итог этой биографии — не конструирование, а принятие художником мифа о себе со всеми атрибутами безумия, одиночества и неустroенности. Этот культурный месседж, включивший в себя раннюю гибель Ван Гога, оказывается актуальным уже после его смерти. Жизнетворческая стратегия С. Дали — это тотальная самопрезентация и самореклама, нацеленная на создание «текста жизни» как прижизненного памятника самому себе. С. Дали преодолевает свои комплексы, экстравертируя свои фрейдистские и ницшеанские идеи. Его автобиография изначально выстраивается по принципу создания бренда, трансформирующегося в миф о художнике. С. Дали — воплощение искусства в эпоху масс-медиа, «шоу-гений».

Ключевые слова: синтетический текст; когнитивно-прагматическая программа; автопортретность; интроспекция; самореклама

Для цитирования: Лукьянова С.М. «Текст судьбы живописца»: литературные автопортреты Ван Гога и Сальвадора Дали // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 25—35.

В пространстве искусства, тяготеющего к синтетизму (стилевому, жанровому, межвидовому и пр.), встречается такое явление, как *рисующие литераторы* (в русской традиции — от Пушкина до Вознесенского и далее). Однако не менее интересен феномен *пишущих художников* — особенно таких, чьи литературные опыты проливают свет на характер их творческой и поведенческой программы, лежащей в основе «текста судьбы».

© Лукьянова С.М., 2023

2023. Специальный выпуск •

Перспективным в этом отношении нам кажется сопоставление подобных программ двух чрезвычайно популярных в массовом сознании художников — Винсента Ван Гога и Сальвадора Дали. Материалом для исследования могут послужить прежде всего «Письма к брату Тео» Ван Гога и «Дневник одного гения», а также «Моя тайная жизнь» Дали. Для обозначения стратегий построения «жизнетекста» мы будем использовать концептуальную терминологию Д.И. Иванова и Д.Л. Лакербая [Иванов, Лакербай]: СТ (синтетический текст) — СЯЛ (синтетическая языковая личность) — КПП (когнитивно-прагматическая программа ЯЛ / СЯЛ) — КПУ (когнитивно-прагматические установки: целевые, самоидентификационные, инструментальные, оценочно-результативные).

Дали был успешен и богат при жизни и всячески подчеркивал это, Ван Гог — беден и неизвестен. Дали прожил долгую жизнь — в отличие от Ван Гога. Но результат схожий: непреходящая «мода» на обоих художников и огромная популярность, тиражируемость работ. СТ художника включает в себя не только авторскую стратегию, но и ассоциативно-интерпретационный план (уровень СЯЛ), через субъектов-интерпретаторов порой играющий более важную роль в построении и функционировании СТ, чем сама стратегия. И здесь особенно интересно, как сходство опорных мотивов (концептуальных кодов как «материала» КПУ) порождает фактически противоположные стратегии и разные СТ — а в итоге выстраивается схожий «маскультовый» миф (результантная «оболочка» СТ). Пролить свет на детали этого процесса может сравнение словесных произведений мастеров живописи.

Жанровая принадлежность этих текстов неоднозначна. «Письма к брату Тео» Ван Гога, по форме предполагающие диалог с реальным собеседником, во многом носят дневниковый, исповедально-монологический характер (*интроспективная целевая КПУ*), но в них раскрываются механизмы, по которым функционирует лаборатория художника и неординарного человека, что делает текст интересным широкому кругу читателей. «Дневник...» Дали, напротив, наделен только внешними признаками исповедальности (шокирующая нарочитая откровенность в описании событий, переживаний и мотиваций). Автомифологизируемый автор изначально адресует текст «всему миру» (*саморекламная целевая КПУ*). Для Ван Гога условием откровенности является сокровенность отношений между ним и близким человеком, для Дали — напротив. «Один гений» в этом контексте означает не «один из», а «единственный». Эта постоянно культивируемая «мания величия», а также подчеркиваемая публичность «тайной жизни» художника создают впечатление закрытости текста, полного контроля автора над ним. Таким образом, письма Ван Гога являются естественной программой, созданной без ориентации на наблюдателя, а «дневники» Дали — сконструированным житнетворческим текстом, при написании которого автор как раз исходит из наличия наблюдателя. Он как будто пишет автопортрет перед зеркалом, не сводя глаз с сюрреального себя, но и не переставая следить за тем, какое впечатление производит на окружающих: «Смотря в зеркало, гений создавал образ, который окружающие желали видеть» [Яковлева 2022: 86—87]. Этот процесс интимен и демонстративен одновременно, как церемония присутствия приближенных при утреннем туалете знатных особ в Испании, на родине художника, описанная в романе Фейхтвангера «Гойя». Мифотворческому авторедактированию подвергаются сами чувства и воспоминания. Именно этот, сконструированный, а не истинный образ внутреннего мира автора и является важным для интерпретатора. Таким

образом, способ работы двух творцов с документальным материалом (*инструментальные КПУ*) оказывается принципиально различным.

Опорные «концептуальные коды» (психологические мотивы личности и повествовательные мотивы) программ Ван Гога и Дали во многом совпадают — а вот «наполнение» подчас оказывается противоположным. Так, одним из таких «обобщенных» мотивов для обоих художников является семья. Однако Ван Гог, которого семья до поры поддерживала и до конца поддерживал брат, чувствует свое *одиночество* (ведущий мотив), постоянно беспокоится о том, что не оправдывает ожиданий близких людей, не сомневаясь при этом в правильности своего *пути-поиска* (ведущий мотив). Дали интерпретирует семейные смыслы, скорее, в психоаналитическом ключе. Его противопоставленность семье — это не одиночество, а *исключительность*; его путь — не поиск, а *самоутверждение* (исключительность и самоутверждение — ведущие мотивы, т. е. вся система *цель — самоидентификация — инструменты целевой самореализации* у Дали антагонистична вангоговской). Известно, что Дали был в ссоре со своим отцом, и его позицию в мировоззрении мастера во многом заместил идеолог-Фрейд. Фигуру матери после ее смерти замещает «любовь всей жизни» и муза Гала (Ван Гог же всю жизнь страдал от одиночества и непонимания).

Удивительно сходен у обоих — и, видимо, судьбоносен как «точка отталкивания» от близких (необходимость радикальной самореализации в условиях, когда отчуждение стало насущной необходимостью) мотив «замещающего ребенка». Ван Гог при рождении получил имя старшего брата, умершего ровно за год до его появления на свет, — Винсент-Вильгельм. Когда у Тео Ван Гога родился сын, из любви к брату он также назвал его Винсентом-Вильгельмом. Всё это приводило к тому, что сам Ван Гог чувствовал себя лишним. Получив от Тео письмо, в котором тот писал о сыне: «Я надеюсь, что этот Винсент будет жить, сможет реализовать себя», Ван Гог, возможно, воспринял это как указание на невозможность собственной жизни-самореализации и необходимость «уступить дорогу», так и не сумев избавиться от комплекса «замещающего ребенка».

Дали — аналогичный «замещающий ребенок», названный именем умершего брата, но самовластно отвергший это, утверждая себя как истинного Сальвадора-Спасителя. Однако сама фигура «двойника», «другого», на могилу которого ходит плакать горячо любимая мать будущего художника, формирует у него определенные комплексы: «Я прожил смерть прежде, чем прожил жизнь. <...> Этот умерший брат, чей призрак встретил меня, носил имя Сальвадор — как мой отец и я, и это не случайно... Я научился жить, заполняя вакуум любви, которая мне в действительности не предназначалась» [Дали 2020: 34]. Рано задумавшись о собственном месте в мире, Дали решает проблему принятием на себя роли идеального субъекта. Так формируется и нарциссический комплекс, и особая амбивалентность сознания, которая найдет отражение во многих его работах, в том числе и в автопортретах. «Демонстрируя самолюбование и нарциссизм гения, они одновременно подчеркивают его одиночество, эксцентричность, отчужденность, покинутость» [Яковлева 2022: 87]: центральная фигура предстает «как бы в изгнании, даже в рассеянии, сама из себя образуя диаспору, не поддающуюся ассимиляции, не желающую ассимилироваться» [Капуа: 7]. Окончательное освобождение от «другого» произошло, когда художник шестьдесят четыре раза по-своему переписал картину Милле «Вечерний звон» («Анжелос»), в первоначальном варианте которой вместо корзины с картофелем Милле изобразил гробик маленького ребенка, но впоследствии поменял сюжет. Изменяя путем интерпретаций эту уже

измененную реальность, Дали как будто добивается изменения самой судьбы (и прежде всего, его же словами — «покорения собственной души»).

Как видим, картина усложняется, и «антагонистичность» КПП не выглядит полной — однако есть принципиально разное использование сходных концептуальных кодов (*интроспективная* целевая стратегия Ван Гога и *саморекламная* целевая стратегия Дали). Установки Дали в аспекте использования мотива «замещающего ребенка» оказываются «зеркальным удвоением» установок Ван Гога: если на «интроспективном» пути второй попадает в тупик (нет альтернативных кодов для преодоления проблем), то первый (исходно столь же отчужденный и одинокий) находит полномасштабное решение, зеркально «овнешняя» свою «одинокую гениальность» и саморекламно (программно) превращая ее из уязвимости в «абсолютное оружие». И здесь важна именно тотальность и целеполагания, и самоидентификации, и инструментов, иначе ничего не получится, поэтому Дали будет исповедовать эту стратегию на протяжении всей жизни. Собственно, уже начало «Тайной жизни» Дали перенасыщено «свидетельствами» его избранности, «трансцендентности» любым границам, «непрерывного возрастания величия», что исключает возможность «сверхличной» инстанции (Бог, совесть и пр.) для какой-либо иной оценки — единственным богом в этом эгоцентричном мире является сам тотально мифологизированный центральный персонаж. Дали — воплощение искусства в эпоху масс-медиа, абсолютный «шоу-гений».

Таковыми же непростыми, как и семейные, были отношения художников с их ближайшим окружением. Ван Гог не умел приспособиться к нравам богемной среды, органически ему чуждой. У него появляется мечта создать объединение художников-единомышленников в Арле — но приехал только Поль Гоген, дружба с которым вскоре превратилась в поединок гениев, а разрыв стал трагедией для Ван Гога. Сальвадор Дали обожал внимание, но при этом стремится перестроить среду под себя. Лорку, Бунюэля, Бретона, Уолта Диснея или Пабло Пикассо с большой натяжкой можно назвать друзьями художника. По собственному утверждению, гораздо большую роль в его становлении играли «враги»: самолюбие гения видело в талантливых современниках не друзей, а конкурентов.

Оба творца известны как создатели многочисленных живописных автопортретов. Ван Гог фиксирует в них свои новые психические состояния, автопортрет для него — вариант дневника (неустойчивая самоидентификация как логичное следствие *интроспективных целевых КПУ*). Автопортрет Дали более концептуален, нежели психологичен, в нем выражается новое знание о себе, новая концепция себя. Первая работа в этом жанре — «Автопортрет с рафаэлевской шеей», написанная в переломный для художника год смерти матери, легко может быть соотнесена с началом «Дневника одного гения», в котором утверждается почти божественный гений Рафаэля. Идеализируя себя самого, Дали при этом опирается на художественную традицию, постоянно используя в своих произведениях отсылки, перифразы и цитаты из мастеров прошлого, которых он назначил для себя непререкаемыми авторитетами (Рафаэль, Вермеер, Милле — общий любимый мастер Ван Гога и Дали — и др.).

Литературные автопортреты художников отличаются друг от друга теми же признаками, что и живописные. Так, «Письма...» Ван Гога (всего до наших дней дошло 928 писем, более 650 из них адресованы бату Тео) представляют собой вид двойного автопортрета (адресация — от себя к самому близкому человеку). Живописный портрет близкого человека или даже личной вещи у Ван Гога также автопортретен; для художника характерно психологическое

«вживание», отождествление себя с любимым предметом изображения, будь то человек, комната или башмаки. Рисуя кого-либо, он в первую очередь продолжает выражать собственное душевное состояние. Переживая по поводу отъезда другого (Гогена), он стремится избавиться от части себя самого (ухо). Это же касается и любимого Ван Гогом жанра пейзажа, который в «Письмах...» нестабилен, т. к. отражает душевное состояние художника. Никакого парадокса здесь нет, если вспомнить мысль Н.М. Тарабукина о том, что «антропоморфизация природы в целях раскрытия в ней божественной сущности есть не что иное, как портретирование природы в пейзаже и даже больше: автопортретирование. Мы не можем познать сущность другого вне самопознания. Не может быть и объективного пейзажа» [Тарабукин: 52].

Сальвадор Дали подобному «шизофреническому» методу противопоставляет «параноидально-критический». Его «Дневник...» — автоагиографическая литература, автопортрет-миф. Перед нами четкая маркетинговая стратегия, создающая парадоксальный концептуальный образ художника. Факты внешней и внутренней реальности (начиная с внутриутробных воспоминаний) строго соответствуют характеру его поведенческих установок, что ставит под сомнение их достоверность. Не случайно Дали потребовал изъять из реализации книги своей сестры Аны Марии, где он предстает «почти обыкновенным». Мифологическая реальность формируется из смакуемых описаний снов, детских травм, еды, плавно перетекающих в узнаваемые детали сюрреалистических полотен, и складывается в идеальный и уникальный образ. Сюжет католичества может соседствовать с описаниями извращенных пищевых пристрастий как иллюстрация параноидально-критического метода автора, который, будучи мастером эпатажа, умышленно стремится обрушить все «горизонты ожиданий» читателя.

Налицо противоположная «стабильность производимого результата» каждой КПП (оценочно-результативные КПУ): если Ван Гог, находясь в непрерывном поиске истины, в принципе не может стать точкой опоры для самого себя, то для Дали и исходный, и финальный центр мира — сам художник.

Разница между литературными автопортретами заметна и в степени структурности, что объяснимо несопадающим характером *целевых КПУ* (продуманная имиджевая эго-экспансия, основанная на рациональной эксплуатации бесспорного таланта — у Дали; стихийно-интуитивное «самосканирование» — у Ван Гога). Дали продумывает детали, рассчитывая на максимально широкий круг адресатов; Ван Гог делится переживаниями, рассчитанными на одного адресата (максимально узкий круг), заявляет, что не интересуется мнением окружающих, кроме самых близких людей. Центр его мира находится за пределами «эго». Отсюда — множество размышлений о литературе и о живописи* (из «Писем...») очевидно, что Ван Гог видел картину в пейзаже еще до того, как стал художником: «Ты, без сомнения, понимаешь, что здесь, в Боринаже, нет никаких картин <...> со времени моего отъезда из Брюсселя я не видел ничего относящегося к области искусства. Тем не менее местность тут очень своеобразная и живописная <...> Теперь, на снежном фоне, это производит впечатление шрифта на белой бумаге, выглядит как страница

---

* Связь литературы и живописи органична для художника: «в Шекспире есть нечто от Рембрандта, в Мишле — от Корреджо, в Викторе Гюго — от Делакруа, а в Евангелии — нечто от Рембрандта или в Рембрандте от Евангелия, как тебе больше нравится ...» [Ван Гог 2023: 38].

Евангелия» [Ван Гог 2023: 32]; пейзажи постоянно сравниваются с известными обоим братьям картинами), полемические разговоры с внутренним голосом.

Формально оба произведения близки к исповеди, а исповедь всё же предполагает наличие адресата (в христианском понимании — абсолютного). У Ван Гога, как видно из «Писем...», программна (является *стратегической целевой КПУ*) не конкретная цель, а процесс ее прояснения: «“Но какова же твоя конечная цель?” — спросишь ты. Цель эта определится со временем, вырисуется медленно, но верно: ведь рисунок становится эскизом, а эскиз картиной лишь по мере того, как начинаешь работать более серьезно, углубляя и уточняя свою вначале смутную первоначальную мысль...» [Ван Гог 2023: 37]. Творческие методы стихийны, интуитивны: «Чем дальше, тем больше я чувствую, что рисовать фигуры — дело хорошее, что косвенно оно благотворно влияет и на работу над пейзажем» [Ван Гог 2023: 46]. Художник идет наощупь, сравнивая рисование со страстью, которую моряки испытывают к морю, но при этом осознанно максимально сближает процесс самопознания и процессуальность творчества; творчество тотально концептуализировано как самопознание, отчего последнее предстает как «темный» интуитивный путь, тождественный «истории души художника». А нарративный вид эта история приобретает в «Письмах к брату...», во многом именно благодаря наличию уникального собеседника. Так дневник становится последовательным «самопрояснением» личности, выражающей себя через картины.

Дали, в отличие от Ван Гога нашедший «точку опоры», программно нуждается не в «самопрояснении», а в «самопродвижении». Его «дневник» «антидоверителен»: «Часто даже кажется, что художник выбрал форму доверительной исповеди, чтобы взорвать и опровергнуть эту форму и чтобы побольше озадачить, поразить и более того — обидеть и рассердить читателя» [Якимович: 6]. *Целевая КПУ* «исповедальности» переформатирована кодами (мотивами) гениальности, публичности, скандала и эпатажа (три последних — экстравертирующие) и превращена в свое «зеркало» — *шоу-исповедальность* от лица (*самоидентификационные КПУ*) «сверххудожника», фрейдиста и нищезанца одновременно, для которого мания величия не только терапевтична (как и в целом творчество, носящее характер сублимации; терапевтично искусство и для Ван Гога), но и является основной самоидентификационной установкой КПП. Мы и здесь видим «зеркальную» трансформацию у Дали общего для обоих концептуального кода «исповедальности» (мотива, органично связанного с мотивом «терапевтичности» искусства) — в эпатажный маркетинг «уникального товара» (СТ «Сальвадор Дали»).

Литературные произведения художников помогают прояснить их представление об адресате. Для Ван Гога единственным адресатом является фигура брата, причем не столько реальная, сколько мистическая, мифологическая. Перед нами своего рода «внутренний диалог». Как точно подмечает Мейер-Грефе, «вместо Винсент и Тео можно поставить Винсент и мир или Винсент и бог» (цит. по: [Мурина: 29]). Для Дали, напротив, характерны индивидуалистические установки при обращении к максимально широкому адресату. Это хорошо видно из того «универсального» рецепта, который он дает «последователям»: «Любой художник, мечтающий подарить миру шедевр, должен жениться на моей жене. <...> У каждого художника должна быть и жена, и любовница, и все трое должны пребывать в мире и согласии, ведь речь идет о жизни втроем. Законная жена войдет в вашу жизнь, когда вам будет лет двенадцать; ей же к тому времени стукнет ровно тысяча триста лет. Имя ей — Живопись»

[Дали 2002: 113, 115—116]. Перед нами типичная далианская инструкция «для всех», подходящая лишь одному человеку на земле.

Разнонаправленно и использование «кода религии / религиозности». У Дали религиозный оттенок носит собственное позиционирование, начиная с имени (переводится как «Спаситель»). Он ощущает себя мессией, на что указывает и роль фигуры матери художника, к которой он относился с «религиозным обожанием» (но по-фрейдистски заместил ее, умершую, Галой, эпатажно написав на картине «Я плюю на свою мать» и порвав с отцом). У Ван Гога религиозная тема раскрывается гораздо более традиционно: он находится в постоянном поиске истины, его отец — пастор, и сам он пытается получить теологическое образование. В его письмах можно встретить поучения и советы, многочисленные цитаты из Писания; на картинах мы находим библейские образы сеятеля, жнеца. Само искусство для Ван Гога — не цель, а средство «выразить Добро» и «служить своему апостольскому призванию» [Мурина: 16].

Дали не сомневается — путь задан. Мир для него сюрреалистичен, и он стремится преобразовать среду в соответствии со своими «сновидениями», что не мешает ему заявлять о себе как о католике или монархисте. «Католический фрейдизм» или «сюрреалистический католицизм» Дали — одна из творческих установок. «Последовательный алогизм» (*инструментальная КПУ*) превращается в стиль жизни. Напомним, что фрейдист Дали является автором блестящих иллюстраций к Библии и «Божественной комедии». «Священное пророческое безумие Спасителя-Сальвадора опровергает всю мудрость мира сего, как и полагается по традиции пророчествования» [Якимович: 12].

Мотив пророческого и экстатического безумия Дали, любивший подчеркивать свою рациональность («Единственное различие между мной и безумцем состоит в том, что я не безумец!» [Дали 1991: 50]), реализует, обращаясь к классическому национальному и архетипическому образу Дон Кихота (одна из масок самого Дали), когда создает серию иллюстраций к роману Сервантеса. В «Дневнике» же Дали стремится «отстроиться» от великого испанца, умершего в нищете, всячески подчеркивая свое благоразумие. В то же время творческий метод художника заключался в получении иррационального знания, т. е. «расчетливом безумии»: «Он был убежден в том, что, для того, чтоб освободить глубоко запрятанные мысли, нужно иметь разум сумасшедшего <...> его паранойей была связана с критической способностью» [Аветисян: 124].

Ван Гог в начале переписки также не сомневается в своем здравом рассудке, хотя и упоминает в «Письмах...» об эпизодах, когда его называли сумасшедшим. Позднее, в лечебнице, не сомневаясь в истинности выбранного пути, Ван Гог постоянно испытывает сомнения в себе и даже приходит к мысли о благотворности помешательства, потому что благодаря ему художник перестает быть исключением. То, что творец ищет, для Ван Гога важнее художника как личности, а результат поиска не является конечной целью.

Ван Гог для продолжения диалога пытается разложить свой внутренний мир на фигуры, но на самом деле его психика совершает «присвоение» этих фигур, они становятся частью личности. Тео — alter ego Ван Гога, постоянно принимающий исповедь художника, «блудного сына» в своем семействе. Без этого адресата творчество немислимо. Другое, несостоявшееся alter ego — Поль Гоген как некий идеал друга и единомышленника. Утрата даже мнимого адресата (Гогена) переживается Ван Гогом крайне болезненно. Тео же программно мыслится в качестве соавтора, о чем прямо сказано в последнем письме Ван Гога: «В сущности, говорить за нас должны наши полотна. Да,

дорогой мой брат, я всегда твердил тебе и теперь повторяю еще раз, со всей серьезностью, на какую способна упорная сосредоточенная работа мысли, — повторяю еще раз, что никогда не буду считать тебя обычным торговцем картинами Коро. Через меня ты принимал участие в создании кое-каких полотен, которые даже в бурю сохраняют спокойствие. Мы создали их, и они существуют, а это самое главное, что я хотел тебе сказать...» [«Я заплатил жизнью...»].

Всё, что дорого Ван Гогу, он не воспринимает отдельно от себя. Создавая картину, он «вживается» в нее: «Нет, крестьян надо писать так, словно ты сам один из них, словно ты чувствуешь и мыслишь так же, как они: ведь нельзя же быть иным, чем ты есть» [Ван Гог 2018: 186]. Продолжением художника, его автопортретом (инкарнацией) могут являться пейзаж, предмет, жилище и пр.

Сальвадор Дали не «присваивает» себе ничьих инкарнаций, а функционально конструирует их. Так, идеальная фигура Галы замещает для него мать, идеальные фигуры учителей (например, Фрейда) — отца. Ведь Дали заимствовал у Фрейда идею сновидения как результата «динамического взаимодействия глубинных мотивов индивидуальной психики и культурной среды» и возвел ее в метод. В его картинах в полной мере «символы и ритуальные действия сопровождают прорывы бессознательных импульсов в сферу сознания, овладевая ими в симптоматических трансформациях или сублимациях» [Шукуров: 177—178].

Сам же Фрейд видит в Дали не индивидуальное, а общекультурное, называя его после личной встречи «типичным испанцем». Для программы Дали национальный аспект важен: он называет свою Испанию «самой что ни на есть иррациональной и мистической страной», при этом считая, что мистицизм и реализм имеют общую природу — следовательно, «надо было трансцендентную реальность высшего порядка включить в какой-нибудь взятый наугад, случайный фрагмент настоящей, реальной действительности» [Дали 1991: 63]. В этом нет противоречия, т. к. «в далианском сюрреализме физиологическая основа возвышается до уровня трансцендентальности <...> реальность оборачивается сверхреальностью, помогая выстраивать гению сюрреалистичную картину мира» [Яковлева 2019: 113].

Весь сюжет дневников Дали спрограммирован, программируется и реакция читателя — через прямые и косвенные оценки. Этой цели служат и непрерывные самовосхваления, и описания психофизиологических проявлений эмоций. Всё это наделяет автобиографию характеристиками бренда (в противовес просто имиджу, который «с точки зрения производителя (копирайтера, продавца), спонтанен», в то время как «бренд — конструируем и управляем» [Калашникова 2015: 252]). Автобиография изначально выстраивается по принципу создания бренда, трансформирующегося в миф о художнике. Отсюда множество как бы случайных историй (о еже, о вишнях и т. д.), наделяемых символической глубиной: «Бренд, о котором нельзя рассказать историю, не является таковым; бренд, чья история выходит за рамки продукта и конкретного сегмента рынка, превращается в легенду, мифологизируется» [Там же: 253]. Вся разница в том, что эту работу в данном случае проделывают не продавцы произведений искусства, а сам художник, выступающий одновременно в роли менеджера и сценариста захватывающего сериала о своей жизни.

Дали целенаправленно конструировал авторский бренд на протяжении всей творческой жизни, в то время как бренд «Ван Гог» (чья нарративная составляющая «может быть описана через комплекс характеристик художника — таких, как бедность, непризнанность, новаторство, личностная уникальность, загадочность и маргинальность» [Там же: 260]) сформировался

после смерти художника. Дали — в полном соответствии с концепцией П. Бурдье — воспринимал искусство как поле символического производства. Отсюда — интерес художника к рекламе, возможностям медиасреды и PR-акциям. Последние были тщательно спланированы, как, например, прогулки с муравьем. Это не просто эпатаж, а часть сюрреалистического кода: в своих воспоминаниях Дали рассказывает о причине ненависти к муравьям, следовательно, тот, кто их поедает, должен вызывать противоположные чувства. «Культивируя» неповторимые усы, Дали, с одной стороны, следует традиции (усы носили Фрейд, Ницше и пр.), а с другой — делает предметом творчества и даже посвящает им целую книгу с фотографиями. Для рекламы шоколада Lanvin Дали «механизирует» свои усы, заставляя их вертеться от удовольствия. И т. п. PR-акции художника «одновременно носили праздничный, информативный и культурный характер. Устраивая их, Сальвадор Дали играл роли режиссера, писателя, редактора, актера, провокатора, иллюстратора, издателя и арт-директора» [Яковлева 2019: 100]. В отношении Ван Гога эти функции пытался выполнять его брат, однако в то время искусство еще не стало фактом массового сознания и объектом широких рыночных отношений, доступным для тиражирования.

«Текст жизни» художника (взаимосвязь художественного творчества, внутренних мотивировок, поведения (деятельности) и внешней биографии творцов) — наиболее масштабный и сложный «результантный» вариант СТ, ставший «культурным мифом», но складывание этого мифа может происходить совершенно по-разному. Сходство многих исходных «концептуальных кодов» КПП Ван Гога и Дали еще резче высвечивает, как по-разному разворачивается «текст жизни» каждого. Через литературные автопортреты недвусмысленно прочитывается «запрограммированность» биографической стратегии художников. Бескомпромиссная «интроспективная» стратегия Ван Гога объясняет, почему его «текст жизни» дописан до мировой славы уже постмртно (мотивы субъектов-интерпретаторов — отдельная огромная тема). Тотальная «саморекламная» стратегия Дали нацелена на создание «текста жизни» как прижизненного памятника самому себе, причем бесконечно разрастающегося (Вавилонская башня «гениального эго» вместо «умершего» бога).

Думается, нет парадокса в том, что сюрреалист Дали оказывается куда более рационален, чем Ван Гог. Модернизм и авангард уже совершили «аналитическую революцию», и Дали использует этот огромный опыт, проводя в своих текстах целенаправленное изучение механизмов функционирования собственной психики, лежащее в основе творческих установок автора, и управление ими, в том числе путем автомифологизации. К тому же в картинах Дали безошибочно прочитывается «академический рисовальщик», блестящий профессионал, погруженный во все «тайны ремесла» — а значит, и умеющий «отчуждать» ремесло от душевных смут, рационально дистанцироваться («зеркальность»).

«Письма...» Ван Гога представляют собой более стихийную, интуитивную программу. Художник находится в поиске себя, его путь управляет им, а не наоборот, поэтому закономерный итог этой биографии — *не конструирование, а принятие мифа о себе* со всеми атрибутами безумия, одиночества и неустроенности. Но итоговый меседж, включающий девиантные поступки и загадочную гибель, получается столь мощным, что оказывается предельно востребованным актуальным «мифом культуры» и достраивается далеко за пределами земной жизни своего инициатора.

Список источников

- Ван Гог В. Письма к брату Тео. М.: Эксмо, 2018. 448 с.
 Ван Гог В.В. Письма к брату Тео. Первое полное издание. М.: АСТ, 2023. 480 с.
 «Я заплатил жизнью за свою работу» [из писем Ван Гога брату Тео]
 URL: <https://diletant.media/articles/38174363/> (дата обращения: 15.05.23).
 Дали С. Дневник одного гения. М.: Искусство, 1991. 320 с.
 Дали С. 50 магических секретов мастерства. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 272 с.
 Дали С. Моя тайная жизнь. М.: Попурри, 2020. 640 с.

Список литературы / References

- Аветисян А.А. Параноидально-критический метод Дали // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-1. С. 121—125.
 (Avetisian A.A. Dali's Paranoid-Critical Method // System of Values of Modern Society. 2010. № 10-1. pp. 121—125. — In Russ.)
- Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Между «сциллами» и «харибдами», или Попытка теории в эпоху исследовательских практик // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 193—219.
 (Ivanov D.I., Lakerbai D.L. Between Scylla and Charybdis, or An Attempt at Theory in the Age of Research Practices // Criticism and Semiotics. 2021. № 1. pp. 193—219. — In Russ.)
- Калашникова А.А. Мифология рынка искусства: художник как бренд // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 250—261.
 (Kalashnikova A.A. Mythology of Art Market: Artist as a Brand // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2015. № 2. pp. 250—261. — In Russ.)
- Капуа ди М. Сальвадор Дали. М.: Спика. 1997. 272 с.
 (Carua di M. Salvador Dali. Moscow: Spika. 1997. 272 p. — In Russ.)
- Мурина Е.Б. Ван Гог. М.: Искусство. 1978. 440 с.
 (Murina E.B. Van Gogh. Moscow: Art. 1978. 440 p. — In Russ.)
- Тарабукин Н.М. Смысл иконы. М.: Издательство Православного Братства Святителя Филарета Московского, 1999. 224 с.
 (Tarabukin N.M. The Meaning of the Icon. Moscow: Publishing House of the Orthodox Brotherhood of St. Philaret of Moscow, 1999. 224 p. — In Russ.)
- Шукуров Д.Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьевские исследования. 2013. № 2. С. 175—188.
 (Shukurov D.L. The Formation of the Psychoanalytic Approach to the Study of Culture in the West and in Russia // Solovyov's Studies. 2013. № 2. pp. 175—188. — In Russ.)
- Якимович А.К. Сюрреализм и Сальвадор Дали: Вступительная статья // Дали С. Дневник одного гения. М.: Искусство, 1991. С. 5—43.
 (Iakimovich A.K. Surrealism and Salvador Dali: Introductory Article // Dali S. Diary of a Genius. Moscow: Art, 1991. pp. 5—43. — In Russ.)
- Яковлева Е.Л. Гастрономические практики Сальвадора Дали и медийная среда // Галактика медиа: журнал медиа исследований. 2019. № 2. С. 97—119.
 (Iakovleva E.L. Salvador Dali's Gastronomic Practices and the Media Environment // Galaxy Media: Journal of Media Studies. 2019. № 2. pp. 97—119. — In Russ.)
- Яковлева Е.Л. Детские травмы как исток творчества Сальвадора Дали // Психология и психотехника. 2022. С. 81—89. — In Russ.)
 (Iakovleva E.L. Childhood Traumas as the Origin of Salvador Dali's Art // Psychology and Psychotechnics. 2022. pp. 81—89. — In Russ.)

**“A PAINTER'S TEXT OF DESTINY”:
LITERARY SELF-PORTRAITS OF VAN GOGH
AND SALVADOR DALI**

Sofya M. Lukyanova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, zolotoyogon@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the topical problem of comprehensive analysis of the “synthetic text”, which includes both works of fiction and other aspects of the life and work of the writer or artist. The object of the study is literary self-portraits of Van Gogh and Salvador Dali. The methodology of the research includes both traditional structural-semiotic and historical-functional approaches and the methodology of “synthetic text” analysis, developed in the works of D.I. Ivanov and D.L. Lakerbay. Many of the initial “conceptual codes” of Van Gogh's and Dali's cognitive-pragmatic programs are similar, but the literary self-portraits show that the artists' strategies for self-realization of talent are quite different. Van Gogh's strategy is introspective, and on this uncompromising path the artist is constantly searching for himself. His diary, in the form of letters, is an attempt at self-discovery, expressing himself through paintings. His path drives him, not the other way around, so the natural outcome of this biography is not the construction, but the artist's acceptance of the myth of himself with all the attributes of madness, loneliness and unsettlement. This cultural message, which included Van Gogh's early death, turns out to be relevant after his death. Dali's life-creating strategy is total self-presentation and self-promotion, aimed at creating a “life text” as a lifetime monument to himself. C. Dali overcomes his complexes by extroverting his Freudian and Nietzschean ideas. His autobiography is initially built on the principle of creating a brand, transforming into a myth about the artist. C. Dali is the embodiment of art in the age of mass media, a “show genius”.

Keywords: synthetic text; cognitive-pragmatic program; self-portraiture; introspection; self-promotion

For citation: Lukyanova S.M. “A painter's text of destiny”: literary self-portraits of Van Gogh and Salvador Dali, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 25—35.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Лукьянова Софья Михайловна — кандидат филологических наук, доцент отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, zolotoyogon@mail.ru

Lukyanova Sofya Mikhailovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, zolotoyogon@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 36—43.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 36—43.

Научная статья

УДК 82-344

DOI: 10.46726/И.2023.5.4

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ МОНОМИФА В ФЭНТЕЗИ-ФАНФИКШН

Анна Вячеславовна Матвеева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

anna_matveeva595@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается теория универсального сюжета Дж. Кэмпбелла о мономифе и её соотношение с фанфикшеном. Характеризуются функции структурных единиц мономифа и его архетипических персонажей на материале фанфика «Потерянный рай». Отмечается, что концепция, представленная Дж. Кэмпбеллом в книге «Тысячеликий герой», может быть применена для анализа фэнтези-фанфикшена. Доказывается, что архетипические мотивы путешествия героя реализуются не только на уровне внешнего действия, но и на уровне внутреннего мира персонажа. Выявляются соотношение фанатского текста с его претекстами (роман «Благие знамения» и одноимённый сериал), особенности следования канону и влияние сериала на интерпретацию романа фанфикрайтером. Из 17 стадий, выделенных Дж. Кэмпбеллом, герой проходит зов к приключениям, отказ от зова, принятие зова, обретение помощника, путь испытаний, встреча с женщиной, отказ от возвращения, спасение извне, награда. Помимо преодоления этих ступеней на уровне сюжетной динамики герой параллельно трансформируется с духовной точки зрения, и этап награды реализуется в виде обретения персонажем себя, в материальном же отношении он скорее проигрывает, потому как теряет важнейшую часть своего тела, что свидетельствует об этапе перевоплощения. В статье делается вывод о том, что схема путешествия героя, предложенная Дж. Кэмпбеллом, применима и к более статичным текстам, в которых развитие происходит на уровне внутреннего мира.

Ключевые слова: мономиф, персонажная система, фанфикшн, архетип, инвариант

Для цитирования: Матвеева А.В. Развитие структуры мономифа в фэнтези-фанфикшн // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 36—43.

Среди работ фанфикшена выделяются те, что написаны по мотивам текстов в жанре фэнтези, более того, именно на фантастических сюжетах, сохраняющих популярность до сих пор, были основаны первые фанатские работы. Принцип фанфика с очевидными культурно-историческими оговорками обнаруживают ещё у древних греков, когда драматурги заимствовали героев Гомера, помещая их в собственные тексты [Щербакова]. Само слово «фанфикшен» впервые было употреблено в 1939 году в США в качестве оскорбления любителей научной фантастики, которые придумывали продолжение книг и варьировали сюжет на свой лад, чем вызывали негативную реакцию со стороны других фанатов, не занимающихся такой деятельностью и считающих её неспособностью создать что-то новое [Плинер].

В настоящее время активнее всего работает фандом «Гарри Поттера», эта серия романов также относится к жанру фантастической литературы, что свидетельствует о неугасающем интересе к ней. В книгах Дж.К. Роулинг также присутствует множество мотивов и персонажей, позаимствованных из мифов, а потому эти тексты оправданно рассматриваются в рамках структуралистского подхода, как когда-то анализировались фольклорные, сказочные тексты.

Так, А.Н. Веселовский, рассматривая сказочные произведения, выделял в них простейшие повествовательные неразлагаемые частицы — мотивы [Веселовский], свободные в комбинациях друг с другом. В.Я. Пропп же считал, что в сказке должна быть чёткая последовательность сюжетных составляющих, и определял в качестве элементарных единиц функции действующих лиц [Пропп]. Американские исследователи М. Пэрри и А. Лорд выдвигали формульную теорию [Лорд], согласно которой традиционные формулы могут изменяться и порождать новые. Наиболее близкой фанфикшену оказалась теория Дж. Кэмпбелла о мономифе [Кэмпбелл], так как она могла влиять на фансреду не только опосредованно, но и напрямую в связи с тем, что известна более широкому кругу читателей.

В статье мы посмотрим, сохраняется ли этот сюжетно-формульный мифологический каркас, достаточно хорошо изученный на материале как фольклора, так и фэнтези, в фэнтези-фанфикшене.

Для анализа выбрана работа «Потерянный рай» [Потерянный рай], написанная по книге Т. Пратчетта и Н. Геймана «Благие знамения» [Пратчетт, Гейман] и одноимённому сериалу. Так как фанфик является фэнтезийным, то его можно рассматривать с точки зрения концепции мономифа, в самой простой формуле включающей в себя фазы: зов, инициация и возвращение. Дж. Кэмпбелл выделяет 17 стадий путешествия героя [Кэмпбелл], на которых основаны все истории ирреального характера. Однако применение всех ступеней при чём в определённом порядке вовсе не обязательно. Более того, именно в их варьировании и необычной трактовке заключается отход от инварианта, его развитие.

Фанфик «Потерянный рай» представляет собой приквел к «Благим знамениям» (действия фанфика разворачиваются в XVIII веке, а действия книги — в конце XX), позаимствовавший из канона только самих персонажей и места событий, поэтому сюжетной связи с претекстом почти нет.

С небес на Землю был послан ангел Азирафель, а из ада — демон Кроули, чтобы они следили за равновесием добра и зла в человеческом мире. Ангел благословлял людей на хорошие поступки, а демон подталкивал к плохим. Однажды Азирафель и Кроули решили подписать соглашение о взаимопомощи, не задумываясь о том, к каким последствиям это может привести. Ангел стал всё чаще выполнять адские поручения, но в один день он замечает, что некоторые его крылья начинают темнеть, что говорит о запустившемся процессе падения ангела. В связи с чем у него зарождается мысль о прерывании соглашения с Кроули, чтобы остановить превращение:

Он ведь совершенно не собирался падать. <...>

Азирафель бы не смог быть демоном. Ему не доставляло никакого удовольствия пакостить и делать злые вещи, это было уже проверено многолетним опытом. Да, возможно, он наострил за все эти годы делать это на отлично. <...> Но он совершенно, ни капельки не чувствовал, что ему это по нраву.

Решение было принято лишь спустя долгую неделю, во время которой Азирафель, как мог, старался не глядеть на собственные крылья, но запах продолжал преследовать его, не давая забыть, что он согрешил.

Соглашение пора было прервать... [Потерянный рай: Глава 1]

Эта мысль становится первым сигналом к началу путешествия героя, которое предвосхищает грядущие в его жизни перемены [Левко]. Стоит отметить, что обычно зов исход от некоего предвестника или наставника (таково, например, появление писем в «Гарри Поттере» с приглашением в Хогвартс), но в данном случае зов к странствиям исходит от самого персонажа. То есть уже на первой стадии мы сталкиваемся с несколько иной интерпретацией мотива призыва: антипод, разрушительная сила, из-за которой герой вынужден отправиться в путь, воплощена в нём самом.

Следующим пунктом является отказ от зова, герой сомневается, стоит ли что-то исправлять. Мысль, посетившая его накануне, уже отбрасывается, так как нарушение привычных дел может пагубно сказаться на его друге и на их взаимоотношениях:

— Я думаю, мы можем просто забыть об этом, — начал было Азирафель, но Кроули встрепетнулся от его слов и шагнул в сторону ангела.

— Забыть?! — вновь прошипел он, едва ли не показывая изо рта свой змеиный язык. — Ты хоть слышишь, о чем говоришь, ангел? Ты медленно, но верно падаешь вниз! Тихонько спускаешься по наклонной, если тебе будет угодно! Процесс уже пошел, он прогрессирует и его невозможно остановить!

— Стоит ли тогда впадать в истерику? — укоризненно произнес Азирафель [Потерянный рай: Глава 1].

На третьем этапе случается уже принятие зова, в анализируемом же фанфике ангел следует не изначальному порыву исправить своё положение — он отправляется в путь, чтобы найти друга, то есть цель его отнюдь не героическая или спасительная, что характерно для фантастического, сказочного повествования. Его мотивация — вернуть демона, в независимости от того, что будет с собственной судьбой:

Увы, ситуация, в которой оказался Азирафель, требовала незамедлительного и необсуждаемого участия в ней демона, а потому ангел был готов в буквальном смысле достать Кроули из-под земли. Вытащить из самого ада, если придется.

<...>

Он нашел Кроули в спальне.

<...>

— Как видишь, Кроули, — произнес ангел, возвышаясь над вжавшимся в спинку кровати демоном, который испуганно смотрел на него снизу вверх. — Проблема была не в тебе [Потерянный рай: Глава 2].

Однако с этого и начинается приключение. Тут же происходит обретение помощника (демон из разряда виновников в ангелопадении переходит в число помощников): «Кроули понимал — Азирафель не может попасть в ад. И демон просто обязан был предотвратить это, чего бы ему это ни стоило. Любой ценой. Кроули сделает все, что угодно, лишь бы только ангел оставался на земле, не падая еще ниже, как пал когда-то он сам» [Потерянный рай: Глава 3].

На следующей стадии должно произойти преодоление порога, но одной из особенностей этого фанфика является то, что действующие лица как бы и не пересекают порог вовсе: они не спускаются в другой мир (визиты в другие

миры ещё будут, но не с целью спасения), чтобы выяснить, в чём проблема, они находятся всё ещё в плоскости человеческого, немагического мира: «Собирайся, ангел, — командовал Кроули, опираясь о дверной косяк и взмахивая рукой. — Мы едем в Сан-Франциско» [Там же].

Первым испытанием героя становится само существование в таком отвратительном городе:

Он уже чувствовал, что все это место так и пропитано алчностью, жаждой наживы и власти, а ведь они еще даже до города не добрались [Потерянный рай: Глава 4].

— Ты чувствуешь это, Азирафель? — Кроули невольно облизнулся, украдкой поглядывая на ангела. — Жадность, тщеславие, гнев, похоть... [Там же].

Как мы видим, внешнего, межличностного противостояния здесь нет, но данный эпизод всё же стоит выделить как мотив инициации, и на то есть основания: во-первых, мысли самого героя демонстрируют, насколько ему претит это место, ему тут невыносимо, во-вторых, проверяются чувства и убеждения ангела — ощущает ли он до сих пор отвращение к негативным проявлениям людей. Следовательно, вместо столкновения Азирафеля с антиподом возникает противоречие в сознании героя, то есть в этот момент действия нет, динамика лишь внутренняя, персонаж уже находится в состоянии конфликта.

Следующий этап — встреча с богиней (по Дж. Кэмпбеллу), которая воплощена здесь в образе ведьмы-помощницы:

Девушка вновь одарила их улыбкой. И Кроули не понравилось, как Азирафель краснеет, глядя на эту ведьму.

— Для начала — меня зовут Агата. Я думаю, нет смысла скрывать, что я ведьма, ведь передо мной сидят ангел и демон. <...> — Чем я могу вам помочь? [Потерянный рай: Глава 4].

Дж. Кэмпбелл, обобщая положительный тип женщины в мифах, считает, что она может быть сестрой, матерью, невестой, то есть встреча с ней сулит брак, благополучие. Женщина может выражать дидактическое начало. Она возникает на пути героя, потому что он понял, что ему необходимы знания, ответы на вопросы [Кэмпбелл: 68, 72]. В этом фанфике нет романтического подтекста — женщина выступает в роли временного путеводителя, помощника. Её миссия заключается в том, чтобы указать странникам дорогу, потому что встреча с ней становится не кульминацией испытания, как отмечал Дж. Кэмпбелл, а лишь началом нового:

— Но есть у этой коробки одна особенность: иногда, если событие произойдет скоро, пророчество само ложится в руку. Поэтому я думаю, что если Агнесса написала что-то про вас, — Агата кивнула Азирафелю, — то, возможно, мы сможем его найти. <...>

Пальцы быстро нащупали ближайшую бумажку, и ангел, не желая слишком долго перебирать карты судьбы, просто вытащил то, что сразу попало ему в руки. <...>

— Боже праведный, — невольно вырвалось у Азирафеля, как только он разглядел на обороте надпись, которая гласила — «ангелу, который сбился с пути» [Потерянный рай: Глава 4].

Стоит упомянуть, что мотив пророчества является довольно типичным для жанра фэнтези. Но героя поджидает другое препятствие: «Чтобы очиститься от разъедающей тебя адской скверны, вернуться на небеса и вновь

стать полноценным ангелом, тебе всего лишь надо отречься от собственных представлений о жизни. Забудь о том, чего ты хочешь, забудь о своей любви к падшему» [Там же: Письмо]. Ему нужно отказаться от дружбы, чтобы очистить свои крылья и избавиться от появляющейся демонической ауры. С точки зрения собственных интересов это испытание он проваливает, так как выбирает не подчиняться Небесам. Таким способом обыгрывается и стадия отказа от возвращения, герой понимает, что по старым порядкам он жить не намерен: *«Если быть ангелом и иметь белые крылья означает, что мы должны лишь слепо следовать Его воле, выполнять любые приказы и не думать о том, что все это означает, тогда грош цена подобной жизни. В таком случае мне стыдно, что я так гордился тем, кто я есть. Я не собираюсь быть лишь безвольным солдатом на чужой войне. У меня есть свое мнение, и я никогда не отрекусь от него, что бы небеса ни делали со мной»* [Там же].

Борьба вновь идёт внутри героя — он понимает, что даже небесные порядки не такие справедливые, они противоречивы. Привычный дом больше не кажется ему родным и чистым, он видит в нём всё те же людские пороки. Так, факт прохождения этого испытания может иметь две трактовки. Первая состоит в том, что ангел не справляется — вместо выбора в пользу своей выгоды он решает отдать себя дружбе; если бы он поступил, как ему предложено в письме, то история на этом бы закончилась счастливо — герой обрёл, что потерял, и восстановил свою репутацию. Но этого не случилось, поэтому переходим ко второй трактовке, суть которой в ценности сохранённой дружбы. Герою удалось НЕ потерять близкого, почти родного демона, в чём и заключается победа в битве с самим собой. Уже в такой двойственности ситуации прослеживается отход от типичной модели «начало испытания — битва — победа».

За отказ принимать небесные условия к Азирафелю присылают архангела Гавриила, который должен уничтожить его. На этом этапе героя встречает ещё одно испытание — сражение с Гавриилом: *«Я пришел лишь для того, чтобы изгнать тебя из рая <...>», — и архангел бросился вперед, не давая времени сообразить, что происходит. Азирафель в последний момент увернулся от меча, и тот разрезал лишь воздух»* [Потерянный рай: Глава 5]. И тогда, в самый напряжённый момент, чудесным образом появляется фигура помощника (*«Гавриил занес меч, и Кроули обхватил Азирафеля в ответ, закрывая его своим телом и подставляясь под удар: — Если уж умирать, то только за тебя»* [Там же]), а также фигура нового защитника, которая, однако, неоднозначна, воплощена она в княгине ада Вельзевул (*«И не почувствовал удар. <...> Рядом, спиной к нему стояла Вельзевул. Земля у ее ног обуглилась и разошлась трещинами. Маленькая княгиня держала меч архангела в ладони, в то время как Гавриил совершенно растерянно смотрел на нее»* [Там же]). Примечательно, что в книге «Благие знамения» персонаж по имени Вельзевул является мужчиной, в то время как в фандоме Вельзевул часто определяют женщиной, что связано, вероятно, с одноимённым сериалом, в котором роль этого героя играла женщина, что свидетельствует о различных путях влияния на тексты фанфикшена. Двуплановость Вельзевул заключается в том, что за свои спасательные услуги она впоследствии назначит высокую цену, неоплата которой сделает из Азирафеля демона, что совершенно не соответствует его интересам. Вельзевул потребует от Кроули привести ей в Ад непостижимое количество грешных душ за краткий срок, что он не сможет сделать сам, а просить ангела помочь ему с этим он не хочет, так как тот не должен причинять людям зло или подталкивать их на смерть. Ситуация такова, что если демон

не выполнит условия, то его друга заберут в преисподню, а если Азирафель поспособствует убийствам, то и сам превратится в падшего. Следовательно, бой всё равно будет считаться проигранным, так как нужные цели не будут достигнуты.

Далее мы можем наблюдать смещение фокуса на друга ангела, что также является нетривиальным приёмом на этапе трансформации, поскольку превращение, исцеление должен претерпевать прежде всего главный герой: «— Сатана!.. — выдохнул Кроули и поднес руку к собственным перьям, но тут же одернул, боясь, что это лишь иллюзия. <...> Его крылья, взметнувшиеся вверх, защищавшие ангела, были белыми. Светлые перья нежно пушились в разные стороны, отражая в себе оставшийся в небе солнечный свет. Лишь концы их все еще оставались черными, разбавляя внезапный белый цвет приятным контрастом» [Там же].

Топос леса является одним из важнейших элементов мифологических сюжетов, необычно то, что чаща должна быть началом испытания на стойкость и мужественность, в ней скрыты опасности и препятствия, однако в этом фанфикшене она предстаёт перед читателем не больше чем просто местом на карте: «Они оказались в лесу...» [Потерянный рай: Глава 7].

В качестве следующего испытания ангелу снова предстоит убить, разница в том, что его трансформация уже началась, и он понял, что лишать кого-то жизни нужно не с целью отнять её, а с осознанием спасительной миссии в отношении других. То есть основной задачей этого поединка выступает не уничтожение врага, а защита друга:

— Так ведь все просто, Кроули, — ангел лучезарно улыбнулся, сверкнув острыми клыками, — все в нашей жизни зависит исключительно от того, чего мы хотим. И, конечно, от этого зависит то, будем ли мы страдать в муках или быть счастливыми. Нужно просто... Мы с тобой хотим того, что нас убивает, значит нужно... нужно просто пожелать чего-то другого.

— Спасти друг друга? — предположил он [Там же].

Из этого эпизода следует долгожданное решение проблемы, с которой началось странствие героя. Спасение извне, которое оказывается вовсе не извне, обыгрывается умозаключением, посетившим голову Азирафеля, оно исходит от него самого.

Этап награды также присутствует, однако в весьма неожиданном виде — ангел потерял свои крылья и благодать, получается, что изначальная цель не была выполнена. Герой потерял блага, которые имел в самом начале, но вместе с тем исцелился и обрёл свободу, что, несомненно, важнее, но в глубине души всё же остаются чувства некоторого разочарования и неудовлетворённости: «— Но знаешь, — продолжил Азирафель, — вероятно, исполнение наших желаний все же не проходит бесследно и... <...> И заплатить все же пришлось. Вероятно, без потерь и боли вообще не достигнуть желаемого» [Там же].

Характерным для фэнтези является лейтмотив борьбы добра со злом, что представлено в данном фанфикшене в качестве личных исканий героя и смены его установок. Потому сюжетная линия несколько снижается по значимости, уступая проверке убеждений одного персонажа. Это достигается путём не физических испытаний, а с помощью продолжительной рефлексии Азирафеля. Концовка закономерна исходя из внутренних трансформаций, но не последовательна для самого жанра, так как имеет двойную трактовку победы/проигрыша. Ангел потерял то, что делало его ангелом с физической точки зрения, но сохранил и укрепил в своём понимании то, что делало его ангелом с духовной.

Что касается претекста — книги «Благие знамения», в ней также есть 3 основных этапа по Дж. Кэмпбеллу: зов к приключениям (рождение Антихриста), путь испытаний (всевозможные действия для предотвращения конца света), возвращение (предотвращение конца света), но сам канон интересен количеством и сменой главных героев. Изначально их два: ангел и демон, но по ходу сюжета появляется ещё один — мальчик, из-за которого должен случиться конец света. Он становится центральным персонажем, а Азирафель и Кроули отходят на второй план. Есть моменты неглубокой саморефлексии героев, в частности мальчика Адама, который решает остаться человеком, а не выбирает, какую из противоборствующих сторон (Небеса и Ад) принять. Однако внешняя динамика здесь превалирует, в отличие от фанфика. Уход от архетипических мотивов в сторону внутреннего конфликта обусловлен спецификой жанра приквела, так как его основной задачей является раскрытие предыстории, чему способствует более глубокий психологизм, позволяющий рассмотреть персонажа канона с точки зрения его жизненного и духовного путей. Стоит учитывать, что в приквеле «Потерянный рай» финал повествования не соотносится с началом и развитием действий в «Благих знамениях» — фанфик претендует на обособленность от канонной завязки, а потому по функции он не может быть отождествлён с прологом, так как имеет характер самостоятельной истории с одноимёнными героями.

Таким образом, автор «Потерянного рая» следует структуре Дж. Кэмпбелла, но ему удаётся проинтерпретировать мифологические инварианты в незаурядной форме, где внешнее действие не имеет большого значения в отличие от конфликта внутреннего, а потому переосмысливаются функции выделяемых этапов: так, испытания нужны герою не для того, чтобы решить резко возникшую проблему и получить блага мира, а для того, чтобы разобраться в самом себе. Но даже этот факт не искажает концепцию Дж. Кэмпбелла, который в главе о стадии превращения пишет: «Как человек надевает новые одежды, сбросив старые, так и душа принимает новое тело, оставив старое и бесполезное» [Кэмпбелл: 143]. Речь идёт о том, что перерождение героя может быть не только материальным, но и духовным. Следовательно, смещение на психологический уровень не противоречит мономифу, а позволяет расширить понимание его функций и сути.

Список литературы / References

- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с. (Veselovskij A. N. Historical poetics, Moscow, 1989, 405 p. — In Russ.)
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. 230 с. (Campbell J. The Hero with a Thousand Faces, Moscow, 1997, 230 p. — In Russ.)
- Левко Е.Н. Лексические средства выражения мотива «Зов к приключениям» (на материале произведений Дж. К. Роулинг) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2010. № 3. С. 114—116. (Levko E. N. Lexical means of expressing the motive “Call for Adventure” (on the material of the works of J.K. Rowling), *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 2010, no. 3, pp. 114—116. — In Russ.)
- Лорд А.Б. Сказитель. М.: Восточная литература, РАН, 1994. 368 с. (Lord A. B. The Singer of Tales, Moscow, 1994, 368 p. — In Russ.)
- Плинер А. История возникновения фанфиков: от «Дон Кихота» до Гарри Поттера // 2x2.медиа. 2020. URL: <https://media.2x2tv.ru/chto-takoe-fanfiki/> (дата обращения: 27.01.2023).

- (Pliner A. The History of Fanfiction: From “Don Quixote” to “Harry Potter”, *media.2x2tv.ru*, 2020. — In Russ.)
 Потерянный рай // Книга фанфиков. URL:
https://ficbook.net/readfic/9638673#part_content (дата обращения: 01.02.2023).
 (Paradise Lost, *Ficbook.net*. — In Russ.)
 Праггетт Т., Гейман Н. Благие знамения. М.: Эксмо, 2019. 512 с.
 (Pratchett T., Geiman N. Good Omens, Moscow, 2019, 512 p. — In Russ.)
 Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
 (Propp V. Ja. Morphology of the fairy tale, Moscow, 1969, 168 p. — In Russ.)
 Щербаклова А. Фанфики: история, терминология и проблемы // Мир фантастики. 2016. URL: <https://www.mirf.ru/book/fanfiki-istoriya-terminologiya/> (дата обращения: 27.01.2023).
 (Shcherbakova A. Fanfiction: History, Terminology, and Problems, *World of Fiction*, 2016. — In Russ.)

THE DEVELOPMENT OF THE MONOMYTH STRUCTURE IN FANTASY FANFICTION

Anna V. Matveeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anna_matveeva595@mail.ru

Abstract. The article deals with the theory of the universal plot of J. Campbell about the monomyth and its correlation with fanfiction. The functions of the structural units of the monomyth and its archetypal characters are characterized in the material of the fanfiction “Lost heaven”. It is noted that the concept presented by J. Campbell in the book “The hero with a Thousand Faces” can be applied to the analysis of fantasy fanfiction. It is proved that the archetypal motives of the hero's journey are realized not only at the level of external action, but also at the level of the character's inner world. The ratio of the fan text with its pretexts (the novel “Good Omens” and the series of the same name), the features of following the canon and the influence of the series on the interpretation of the novel by the fic-writer are revealed. Of the 17 stages identified by J. Campbell, the hero goes through: the call to adventure, the refusal of the call, the acceptance of the call, the acquisition of a helper, the path of trials, the meeting with a woman, the refusal to return, salvation from the outside, the reward. In addition to overcoming these stages at the level of plot dynamics, the hero simultaneously transforms from a spiritual point of view, and the reward stage is realized in the form of the character gaining himself, but in material terms, he rather loses, because he loses the most important part of his body, which indicates the stage of reincarnation. The article concludes that the scheme of the hero's journey proposed by J. Campbell is also applicable to more static texts in which development takes place at the level of the inner world.

Keywords: monomyth, character system, fanfiction, archetype, invariant

For citation: Matveeva A.V. The development of the monomyth structure in fantasy fanfiction, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 36—43.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Матвеева Анна Вячеславовна — студентка, кафедра отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anna_matveeva595@mail.ru

Matveeva Anna Vyacheslavovna — student, Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anna_matveeva595@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 44—53.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 44—53.

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.46726/И.2023.5.5

РОЛЬ САСПЕНСА В НАРРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ БОРИСА ДЫШЛЕНКО (РОМАН «КОНТУРЫ И СИЛУЭТЫ»)

Елена Михайловна Тюленева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается реализация авторской нарративной стратегии в романе Бориса Дышленко «Контурсы и силуэты» (1996). Предполагается, что методологическая установка писателя на создание в тексте «порогового» пространства, в которое вовлекается читатель, и в целом актуализация идеи читательского соавторства определяет принцип наррации и набор нарративных механизмов. В качестве наиболее действенного механизма избирается саспенс, транслирующий необходимые эффекты лиминальности и генеративности. Можно говорить о нескольких функциях саспенса, характерных для романа «Контурсы и силуэты» и, возможно, всего сверхтекста Дышленко в целом: 1) удержание текста в стадии несвершающегося события, а читателя — в состоянии дрящей неопределенности; 2) обращение внимания внутрь наррации — к деталям, знакам, всматриванию-вслушиванию, предугадыванию и т. п. с последующей разработкой идеи текстовой генеративности; 3) переключение читательского восприятия с поиска финализирующего текст ответа на обнаружение причины и природы вопроса (в данном случае природы зла); 4) трансформация субъекта (персонажа и читателя) через деформацию субъектно-объектной структуры и ускользание от репрезентации. Вместе с тем возникает вопрос о способах сохранения или удержания самого саспенса (по определению стремящегося к разрешению) на протяжении всего текста, не опустошая при этом его форму и роль. Эта задача решается через деконструкцию триггеров, обретающих новые функции: ритуально-организующую (установление связей между элементами текста), исследовательскую (осознание триггера как формы, структурирующей и овеществляющей саспенс, позволяющей наблюдать его изнутри) или творческую (тревожное ожидание собственного креативного жеста субъекта) и уводящих саспенсные линии в новые сюжеты, предлагая вместо завершения — интерпретацию. Кроме того, выводя на первый план в саспенсе его технологию и работая с ней, Дышленко обнаруживает возможности иного типа высказывания — тезаурусного и, по сути, формирует его непосредственно в тексте романа.

Ключевые слова: Борис Дышленко, нарративная стратегия, нарративный принцип, порог, пороговая оптика, саспенс, триггер, тезаурусное высказывание

Для цитирования: Тюленева Е.М. Роль саспенса в нарративной стратегии Бориса Дышленко (роман «Контурсы и силуэты») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 44—53.

Творческий корпус литературных и живописных работ Бориса Дышленко выглядит весьма структурным и последовательно выстроенным: он буквально прошит многочисленными и удивительно устойчивыми на протяжении десятилетий концептуальными, мотивно-образными, сюжетно-композиционными и даже технологическими, связанными с приемами, механизмами

и литературными техниками, нитями. В этом смысле разбор одного паттерна или кейса открывает возможности для прогнозирования или вскрытия следующего. Так, предпринятые нами раньше исследования кодировки текста как рецептивной задачи в первом романе писателя [Тюленева 2021] или феномена «порога» как ядерного компонента индивидуального методологического комплекса Дышленко [Тюленева 2023] позволили говорить не только о достаточно раннем уловлении автором актуальной проблематики неосуществленной/неосуществимой репрезентации, но и о формировании «пороговой оптики» — стратегии, ориентированной на освоение «пороговости» как нарративного принципа, организующего текст; переакцентировку текста на разработку самого порогового пространства, свободного от задачи выхода или преодоления (трансценденции или трансгрессии), погружения в «пороговую» наррацию для обнаружения неразличения в связке Я — Другой через идентификацию одного в другом и узнавание-присвоение. В своих размышлениях о творчестве Борис Дышленко настойчиво актуализирует идею читательского/зрительского соавторства и видит «порог» в том числе как зону и акт инициирования этого соавторства, а задачу художника, соответственно, в воссоздании и удержании необходимого порога. Описывая авторский метод брата — художника Юрия Дышленко, он формулирует и собственные установки: «Речь шла о том, чтобы добиться такой степени разрешения, при которой зритель бесконечно блуждал бы в пространстве между двумя полюсами, пытаясь заполнить его своим воображением. Важно было, чтобы при всех его стараниях оно (воображение) не приводило его к окончательному решению, но важно было также не дать зрителю отказаться от таких попыток...» [Дышленко 2005]. Все это дает основания рассматривать как методологически адекватный ракурс исследования — авторскую нарративную стратегию, работающую с «событием самого рассказывания» [Тюпа: 8], учитывающую читательское ожидание и активизирующую модели читательского опыта.

В этом смысле в качестве порогового и катализирующего механизма, вероятно, наиболее дееспособен *caspenс*. У Дышленко его разработка начинается еще в ранних рассказах 1960 — 1970-х годов с формы *априорного страха*, на котором строится сюжет, — страха «перед непонятным и потому завораживающим действием» [Дышленко 2005]. Тогда же становится ясно, что страх этот нон-финален, он не имеет разрешения — катастрофа в тексте не происходит, а потому герои от него не освобождаются. Собственно, этот специфический *жест неразрешения* от страха становится фирменным знаком стиля Дышленко и заставляет критиков и исследователей говорить об антиутопичности [Иванов], социальной травме маленького человека [Арьев; Берг: 5] или типе «кафкианского» героя [Берг: 5], что во многом привязывает писателя к той андеграундной проблематике, в рамках которой он до сих пор рассматривался. Тогда как, думается, он разрабатывал автономные способы художественной наррации, весьма продуктивные и актуальные. И дело здесь не только в социальной или экзистенциальной подкладке текста, которые, безусловно, также считываются, но в характерной авторской установке на изучение бесконечного процесса «не только организации, но и выявления своей сути тем, что пытается организовать» [Дышленко 2005]. Иными словами, речь идет о демонстрации текста как самоорганизующейся плотности, и в этом смысле априорный страх (в том числе и читательский) предстает как ужас рождения. Ужас рождения и узнавания, вечная тревога утраты метафорической райской ситуации — стабильности, закономерности, понятности — это тот

порог, который Дышленко будет бесконечно создавать и осваивать. И не выпускать адресата-читателя за его пределы, задерживать в стадии несовершенного события, поскольку оно заведомо освобождено от задачи выхода, а напротив, сконцентрировано на себе — безостановочно пытается организоваться и осознать себя. Очевидно, стоит ожидать и особенного подхода к использованию механизма и эффекта саспенса, который, работая с читательскими реакциями, с одной стороны, собственно, и призван создавать «стратегическое откладывание» [Вагоні], а вместе с ним длительность, протяженность, проживание страха, но с другой — по определению финален, разрешаем, функционально катарсичен. И эта результирующая сторона саспенса как будто не интересна Дышленко.

Саспенс в романе «Контурсы и силуэты» (1996, опубликован в 2002) инициируется хронотопом порога (Петербург 1990-х), детективным сюжетом (серия убийств певиц), типом героя (интроверт, ведущий собственное расследование). Используется закрытый саспенс: в предощущении опасности находятся и герой-нарратор, и читатель, оба абсолютно не готовы к ней, не знают причин, обстоятельств, времени-места, последствий и проч. Выбор этого типа саспенса, более характерного для хоррора, где степень воздействия на адресата и установка на подключение его воображения максимальны, показателен. Для Дышленко это способ с первых страниц подключить читателя к увлечению возникающих «контуров и силуэтов», неопределенных и тревожных для героя-нарратора и даже для фиктивного автора, который тоже как будто не знает финала. Более того, для реципиента сопутствующим фактором, усиливающим когнитивную, а затем и психологическую нестабильность и неуверенность, становится нарративный хаос и нелинейность — текст с первых абзацев предлагает монтаж разрозненных во времени и пространстве событий, порой уже начинающихся с обрыва (зафиксированного многоточием), меняющих нарратора, точку зрения и ракурс наблюдения, включающих чужие тексты (прямые цитации) и иные способы наррации (текст плаката, рекламы, телевизионной программы) как саморазумеющиеся и органичные. Приведем без купюр начальный фрагмент текста, по необходимости длинный, но иллюстрирующий принцип и тип наррации:

«Солнечный зайчик, как пятнышко лазерного прицела, плясал на ее лице. Я подумал, что у снайпера, наверное, дрожит рука.

Камера показала лежащий в тесной прихожей труп, распластанный в луже подсыхающей крови, кусок стены, зеркало, обрызганное кровью. Повернутое к стене лицо лежащего ничком мужчины тоже было залито кровью, и я не мог его узнать.

Я попытался нарисовать психологический портрет убийцы. Кто он: патологический тип, маньяк или наемный убийца, киллер как их теперь называют? Это не садист, не джек-потрошитель или чикатило, не таганрогский насильник, заставлявший свои жертвы надевать черные колготки — за этими убийствами нет секса. Может быть, это эстетствующий маньяк, ненавидящий все, кроме классического пения или джаза? История знает и такие примеры, а во времена всеобщего безумия чувства обостряются.

... и всеобщая паника, сметающая ряды театральных кресел, и красный луч лазерного прицела, разрезающий фиолетовый пар, и паника на площади, в завихрении вокруг гранитного столба, и воздетые руки пророков над обезумевшей от страха толпой, разинутые в беззвучном крике рты искаженных

ужасом лиц, и кровь, и мигалки патрульных машин, говорящее что-то лицо комментатора, темные медленно шевелящиеся клубки рвущихся в улицы, топчущих друг друга людей, и общий план через резкий крест черного ангела на бурлящую площадь, рассеченную бледными молниями трассирующих очередей.

Когда мы встретимся в следующий раз, это буду уже не я (Телесериал “Твин Пикс”).

Комментатор на телеэкране кончил говорить и поджал губки. Электронные цифры над его левым плечом, подергиваясь, приближались к нулю» [Дышленко 2002].

Итак, читатель буквально опрокинут в монтажный текст, а нарастающая неопределенность (отрывочность сюжетных линий, бесконечный вброс новых фактов при их мнимой привязке к событию, невозможность выстраивания причинно-следственных связей) и одновременно максимальная, порой даже избыточная информированность (читатель — свидетель не только действий героя, но и его размышлений, воспоминаний, видений) вынуждают его рассчитывать на свои интеллектуальные возможности и побуждают активировать собственные креативные ресурсы. При этом заметим, что большое количество информации, которой обладает читатель, с точки зрения уликовой логики бесполезно: Дышленко засыпает его знаками и намеками, которые в равной степени убедительны и фиктивны, реально существуют и чудятся герою, закономерны и случайны — так или иначе, не могут претендовать на достоверность. А потому избыток информации скорее симулятивен, его задача не облегчить путь реципиента в расшифровке тайны преступления, а удержать в подвешенном состоянии саспенса, состоянии проживания страха, его предзаданности, неуловимости, парадоксальной притягательности.

В этом состоянии читатель, получая вместо ответов из развивающегося сюжета новые противоречивые вводные, последовательно обманываясь в собственных логических заключениях, неминуемо трансформируется в своей роли: из наблюдателя за раскрытием преступления переходит в соавтора нарратора-детектива, а возможно, и убийцы. Это он вынужден складывать пазл из уловленных знаков, контуров и силуэтов, и от него зависит степень и качество рецепции текста: окажется ли преступник идентифицированным, станет ли им герой или обнаружится более важная проблема природы преступления и его неискоренимости. Из поля саспенсной неопределенности в романе масса выходов. И в этом концептуальная функция саспенса у Дышленко.

Но не менее важна роль саспенса в формировании типа субъекта — как художественного образа, так и рецептивного адресата. Длительность тревоги и овеществление ее в умножающихся доказательствах и подтверждениях предстоящего убийства (а далее становится понятно — ожидается серия убийств, что в свою очередь не дается саспенсу завершиться) приводит к деформациям субъектной фактуры: герой меняется местами с персонажами; персонажи метонимически замещаются маркирующими их предметами (шляпа, плащ, поднятый воротник) и изображениями (игральная карта, лицо на плакате или телевизионном экране, в зеркале, в отражении); постоянно меняется угол зрения на действующих лиц — как физический (из окна, из-за угла, в уходящей перспективе, сверху с чердака и др.), так и символический (в абстрактной пустоте, в толпе, на телевизионном экране, в смоделированной сцене: за карточным столом, в театральном зале, в офисе и др.) — фактуризация геометрии у Дышленко как художника поистине изобразительная.

Персонаж ускользает и от объективизации — определения его роли в событиях (персонаж или герой, случайный участник или всезнающий нарратор, свидетель или соучастник, детектив или убийца), и от субъективизации — идентификации и выявления индивидуально-человеческих качеств (друг или враг, сторонник или противник, защитник или предатель, активный борец с насилием или киллер). Эмоциональное вовлечение читателя, сопереживание герою, сближение позиций, точек зрения (здесь и буквальных точек/углов зрения — читатель видит глазами героя-повествователя) развивается одновременно в двух разнонаправленных аспектах: с одной стороны, череда неразличений стирает границу Я — Другой, но с другой стороны — как герой боится возможности обнаружить убийцу в себе, так и читатель аффектирован сочувствием возможному убийце. Связка герой — читатель даже не двойничит, а рассеивается, теряя границы и очертания, превращаясь в те самые контуры и силуэты, лейтмотивно образующие текст. Деконструируется образ двойника и одновременно объективная реальность — то и другое одинаково ненадежно.

Собственно эту обнаруженную симулятивность поддерживает введение вторичной (телевизионной, массмедийной) реальности. Напомним, текст пишется в 1990-е годы, а потому многочисленные варианты взаимодействия реальностей, их десубъективирующий и одновременно порождающий потенциал выглядят еще свежими, тонкими и проблемными: реальность и телевизионный сюжет меняются местами, подменяют друг друга; герой вдруг узнает себя в персонаже фильма или телепередачи; телевизионный комментатор предсказывает реальные события или сам их создает, имитируя событие, мнение, факты; персонажи переходят из одной реальности в другую и т. д. Так или иначе именно сюжет провоцирует появление персонажа, он генерируется из совпадений и смутных очертаний: человек — это силуэт, созданный окружающими его предметами, формами, пространствами, событиями, людьми: *«До сих пор мало что зависело от телезрителя, но когда вялотекущий детективный сюжет, развивающийся в телевизоре, постепенно набирает скорость и становится твоим сюжетом, ты не ищешь себе места в этом пространстве, но в какой-то момент замечаешь, что занял его. <...> Вообще, это сначала было ничто, дыра, имеющая очертания человека, ... ложный силуэт, образованный другими фигурами, но ты можешь придать ему смысл, изначально ему не свойственный, ... менять форму, очертания, пока эти предметы, силуэт, образованный ими, а следовательно, и ты в нем, не станут равноценны и равнозначны, и ты уже влияешь на них так же, как они на тебя. Здесь начинает проявляться твоя воля, телезритель, лови момент»**.

Исчезновение, слом, размытие фактуры субъекта вызывает соответствующую личностную и мировоззренческую неустойчивость. Можно говорить об ускользании субъекта — будь то герой, персонаж или читатель. Но ускользании не экзистенциальном, так любимом литературой, а ускользании от репрезентации. И как следствие — невозможности самоидентификации героя и растерянности читателя, утрачивающего бинарные маркировки и ориентацию в тексте. Здесь возникает новый читательский или сопутствующий текстовый страх потери координат и контроля ситуации, который усложняет первичную детективную саспенсность и, вводя этот новый поворот, вновь удерживает саспенс от завершения.

---

* Здесь и далее текст романа цитируется по: [Дышленко 2002].

Третий значимый момент в использовании саспенса — это работа с триггерами, коих в тексте масса. Это и конкретные предметы-объекты, постоянно встречающиеся герою и запускающие страх или ожидание, предчувствие трагического события (рекламный плакат, экран телевизора, визитная карточка, морщинки на лице старика, берет, черная лестница), и внезапные события/действия, сопровождающиеся аудиальными/визуальными эффектами (звонок телефона; стук дождя, открывшийся со звуком выстрела зонт; стекающая по забору краска, превращающая буквы имени певца в кровавые подтеки), и определенные пространственные формы — замкнутые (чердак, парадная), лиминальные (окно, лестница, переход, перекресток), и определенные места в городе, попадание в которые провоцирует событие (Васильевский остров и в особенности зона пересечения Среднего проспекта и 6-7 линий; площадь Восстания перед Московским вокзалом; перекресток Лиговского и улицы Жуковского; Дворцовая площадь и выход на нее из дворов Капеллы), и флэшбеками всплывающие персонажи из прошлого (полковник неназванной службы и его подчиненные), а также многочисленные факультативные персонажи, данные штрихами, — их роль непонятна, но они вновь и вновь возникают на пути героя, как постоянно прирастают детали их облика, но он так и не улавливается в целом. Функцию триггеров выполняют и настойчиво повторяющиеся текстовые фрагменты — либо тавтологичные, либо буквальные самоцитаты, вплоть до фиксации этого нарративного состояния самим героем: «У меня было такое впечатление, что я уже видел эту сцену» (и это не дежавю, сцена действительно повторяется, как и другие фрагменты текста).

Затяжной, нефинализирующийся саспенс предположительно должен научить избавляться от триггеров. Но этот возникающий психологический эффект, вероятно, стоит считать сопутствующим. Цель Дышленко скорее в выявлении природы триггера и его механизмов, которые можно использовать для эффекта бесконечной генерации. Потому триггеры у Дышленко амбивалентны: провоцируют саспенс и одновременно устанавливают связи между фрагментами текста. Они выступают в роли мотивов и выполняют ритуально-организующую функцию, парадоксально гармонизируя и проясняя текст, восстанавливая логику, выявляя линии и пересечения в дополнение к контурам и силуэтам. Есть ощущение, что уловление такого рода знаков может стать самостоятельным удовольствием читателя — это его способ собрать текст и связать расходящиеся нарративные линии. Но тревожность и страх у Дышленко по большей части не интенциональны, они не связаны с конкретными объектами или ситуациями, а потому игра в поиск знаков замещается их дублированием, умножением, метонимизацией и, как следствие, деконструируется — знаком и триггером может стать все, что угодно, или, напротив, ничто им не является.

Размывание контуров образа-триггера не столько нейтрализует его, сколько замещает новой неожиданной и здоровой интерпретацией — чаще всего исследовательской или творческой. Исследование начинается с осознания триггера как формы, структурирующей и овеществляющей саспенс, позволяющей наблюдать его изнутри. В том числе здесь можно вновь говорить о живописной логике текста, остраивающей триггер через обращение к его фигуративной (геометрической, пространственно-композиционной, фактурной, цветовой) стороне, меняющей регистры его восприятия и освобождающей от предзаданности читательских страхов. Далее субъект (герой-нарратор и читатель-реципиент) переключается от слежения за непосредственным повествованием в сферу мерцающих смыслов-переносов: разговор с собой, узнавание

себя, узнавание себя в другом выводят на более абстрактные когнитивные и/или культурные жесты: предчувствие, эхо, припоминание — предтворческую стадию еще не проявленных образов. Триггер запускает уже не страх перед наступающим событием, а тревожное ожидание собственного креативного жеста субъекта: собирая попадающиеся ему знаки, он восстанавливает нечто как будто уже известное ему, уже существующее, только не оформленное, не озвученное. По сути, это страх озвучивания себя. Поэтому через саспенс осваивается механизм работы с собственным сознанием: *«Однако вечером что-то вдруг вспоминается вам, что-то начинает беспокоить. Что-то в этот день было не так. Может быть, вы что-то забыли сделать, что-то упустили? Как будто нет. Перебираете в памяти события, встречи этого дня. Может быть, чье-то неприятное слово, просто неодобрение? А может быть, сознание греха? Нет, не то. ... Кажется, что-то беспокоило уже там, на углу, а может быть, еще раньше»* и выясняется принцип моделирования тревоги как поэтапного приращения непроявленных знаков. Так через несколько метонимических переносов страх субъекта оформляется как страх сюжета, со всеми вероятными вариантами: страх жизни как сюжета; страх попадания в сюжет как схему, модель; страх попасть под власть/влияние сюжета; страх неподлинности; страх предзаданности; наконец — страх неотвратимого долга (*«ты берешь на себя эту роль для того, чтобы сюжет развился, чтобы спектакль состоялся. Это не твоя роль, ты бы охотно отдал ее кому-нибудь другому, но тебе нет замены, и ты берешь ее на себя»*). А ряд триггеров пополняется теперь еще «сюжетом» и «сценарием».

Осуществляется новая деконструкция условно центральной детективной линии — на этот раз она трансформируется в креативную, где главным оказывается бесконечное рождение наррации, формируется ли она автором, героем или читателем — уже не столь важно. Именно наррация — это потенциальная опасность, она непредсказуема и неостановима, потому эти ее свойства обнажаются и настойчиво демонстрируются через длительность, процессуальность, повторяемость/зацикленность (*«А если это еще не результат? Если это как раз и есть действие, и оно продолжает происходить?»*). Тревожит само попадание в наррацию, как некое несоответствие, которое лейтмотивно присутствует, подчеркивается и всегда ощущается и нарратором, и читателем. Одной из многочисленных фактурных форм этого несоответствия предстает соотношение фона и переднего плана, которые постоянно меняются местами, подменяют друг друга, доходят до неразличения к финалу, когда герой сливается со своим изображением на плакате, но снова разрываются в знаке-намек: герой сжимает в кулаке ключ, и читатель вспоминает мерцающие в тексте указания, что именно ключом выцарапан глаз на плакатах потенциальных жертв, в том числе на последнем — с фотографией человека, «похожего на героя». *«Ты сжимаешь в кармане этот ключик, и в твоей власти принять решение»* — это обещание нового поворота (или здесь — переворота) сюжета взрывает наррацию, которая вновь и вновь распадается на серии, формирующиеся вокруг знаков-триггеров, оставляя после себя лишь символические контуры и силуэты. *«Я зажал ключ в кармане плаща и стал пробиваться в толпе чёрту навстречу»*, — заявляет герой, и читатель в очередной раз оказывается в зоне пороговой нестабильности: не свершается не только ожидаемый детективный сюжет, но и — как будто наконец уловленный — метатекстовый. Однако именно здесь, в череде неразличений и потери ориентации, осуществляется искомое погружение реципиента в текст, а в нашем случае — в полном смысле

в стихию текста с массой уже знакомых читателю и освоенных, но только что признанных симулятивными координат. Предстоящее пересечение этого порога сопровождается новой волной страха, и хотя герой гордо идет навстречу новым демонам, для читателя начинается свой саспенс: *«Попытайтесь увидеть себя со стороны, в зеркале или на экране — это будете не вы. И ваша биография тоже не будет правдой. Перечтите ее, и вы убедитесь, что описали кого-то другого, из толпы, взяли с улицы, “раскрутили”»*.

Не случайно роман не заканчивается с выходом из него героя. Дышленко длит текст и здесь, умножая финальные микро-линии, оставляя слово уже абстрактному нарратору и как будто рассеивая финал. С одной стороны, это создает эффект закольцовывания наррации и замыкания текста на себе, что решает главную проблему удержания саспенса от разрешения: все начинается с начала, и читательская тревога тоже. Но с другой — в финальных размышлениях нарратора метафора контуров и силуэтов концептуализируется, и отчетливо формулируется необходимость другого типа высказывания, где вопрос завершения не стоит в принципе: *«из разрозненных кусков, обрывков, частей своих прогулок, наблюдений, замечаний ... можно собрать себя или, вернее, образоваться, возникнуть между вещами и смыслами, стать напряжением, вольтовой дугой или эхом еще не случившегося крика... Ведь это чистый пред-рассудок, что события располагаются в хронологическом порядке <...> События располагаются в соответствии с их значением, но не по убывающей или возрастающей, а группируются в определенном порядке: события мелкие и средние и почти не события — вокруг крупных, узловых, некоторые, как мелкие, так и большие, стоят особняком, для кого-то они имеют свой смысл. Вот так следует писать историю, только так она будет правдива»*. Речь идет о том, что сейчас называется тезаурусным высказыванием, строящимся не линейно, а концентрическими кругами, а потому освобождающим текст от необходимости выхода и способным удерживать его на пороге — избытка и недостатка, своего и чужого, фона и переднего плана и, вероятно, в новом свете объяснить текстовое чувство неотрефлексированной тревоги и страха, занимающее Дышленко. Вряд ли писатель размышлял в категориях тезаурусного подхода, но тот факт, что концептуально и стилистически он двигался в этом направлении, несомненен. А разработка саспенса в его не катарсической, а механистической составляющей, катализирующей текстовое движение и специфическую читательскую реакцию, дает Борису Дышленко возможность непосредственно в тексте, в процессе письма сформулировать, уловить и проявить этот искомый им принцип высказывания.

Список литературы / References

- Арьев А. Рид Грачев и «Миф о Сизифе» // Звезда. 2020. № 5. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3791> (дата обращения: 10.05.2023). (Ariev A. Reed Grachev and “The Myth of Sisyphus”, Zvezda, 2020, no. 5. — In Russ.)
- Берг М. Воспоминания о будущем // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1970-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 3—20. (Berg M. Memories of the future, Collection: St. Petersburg prose (Leningrad period). 1970s, St. Petersburg, 2003, pp. 3—20. — In Russ.)
- Дышленко Б. Контур и силуэты: Роман. СПб.: ДЕАН, 2002. 256 с. URL: <https://coollib.com/b/443010-boris-ivanovich-dyishlenko-konturyi-i-siluetyi/read> (дата обращения: 10.05.2023). (Dyshlenko B. Contours and silhouettes: A novel, St. Petersburg, 2002, 256 p. — In Russ.)

- Дышленко Б. Порог // Звезда. 2005. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/11/porog.html> (дата обращения: 10.05.2023).
(Dyshlenko B. Threshold, Zvezda, 2005, no. 11. — In Russ.)
- Иванов Б. На закате империи // Часы. 1976. Том № 1. URL: https://samizdat.wiki/images/7/7f/ЧАСЫ1_-_9_-_Иванов.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
(Ivanov B. At the end of the empire, CHasy, 1976, vol. 1. — In Russ.)
- Тюленева Е.М. «Пороговость» как нарративный принцип в романе Бориса Дышленко «Контурсы и силуэты» // ФИЛОЛОГОС. 2023. Вып. 2 (57). С. 57—65.
(Tyuleneva E.M. “Threshold” as a narrative principle in Boris Dyshlenko’s novel “Contours and Silhouettes”, FILOLOGOS, 2023, iss. 2 (57), pp. 57—65. — In Russ.)
- Тюленева Е.М. Пушкинский код в романе Бориса Дышленко «Созвездие Близнецов» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4. С. 69—78.
(Tyuleneva E.M. Pushkin’s code in the novel “Constellation of the Twins” by Boris Dyshlenko, Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2021, iss. 4, pp. 69—78. — In Russ.)
- Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 23—24.
(Tyupa V.I. Narrative strategy of the novel, New Philological Bulletin, 2011, no. 3 (18), pp. 23—24. — In Russ.)
- Baroni R. Tension narrative, curiosité et suspense: les deux niveaux de la séquence narrative, Conférence au CRAL: La narratologie aujourd’hui, le 6 janvier 2004. URL: <http://www.vox-poetica.org/t/lna/baronilna.html> (дата обращения: 25.05.2023).
(Baroni R. Narrative tension, curiosity and suspense: the two levels of the narrative sequence, Conference at CRAL: Narratology today, January 6, 2004. — In French.)

THE ROLE OF SUSPENSE IN BORIS DYSHLENKO’S NARRATIVE STRATEGY (NOVEL “CONTOURS AND SILHOUETTES”)

Elena M. Tyuleneva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Abstract. The article deals with the realization of the author's narrative strategy in Boris Dyshlenko's novel “Contours and Silhouettes” (1996). It is assumed that the writer's methodological attitude to the creation of a “threshold” space in the text, in which the reader is involved (and, in general, the actualization of the idea of reader's co-authorship), determines the principle of narration and a set of narrative mechanisms. The most effective mechanism is suspense, which transmits the necessary effects of liminality and generativity. We can speak of several functions of suspense characteristic of the novel “Contours and Silhouettes” and, perhaps, of the whole corpus of Dyshlenko's texts: 1) keeping the text in the stage of an unfinished event and the reader — in a state of lingering uncertainty; 2) turning attention inside the narrative — to details, signs, looking and listening, anticipating, etc. with the subsequent development of the idea of textual generativity; 3) switching a reader's perception from the search for an answer finalizing the text to the discovery of the cause and nature of the question (in this case, the nature of evil); 4) transformation of the subject (character and reader) through deformation of the subject-object structure and escaping from representation. At the same time, the question arises as to how to preserve or retain suspense itself (by definition striving for resolution) throughout the text without emptying its form and role. This task is solved through the deconstruction of triggers, which acquire new functions: ritual-organizing (establishing connections between the elements of the text), exploratory (awareness of the trigger as a form that structures and objectifies the suspense, allowing us to observe it from within) or creative (anxious anticipation of the subject's own creative gesture) and take the suspense lines into new plots, offering

interpretation instead of completion. In addition, by bringing its technology of suspense and working with it, Dyshlenko discovers the possibilities of another type of utterance — thesaurus and, in fact, forms it directly in the text of the novel.

Keywords: Boris Dyshlenko, narrative strategy, narrative principle, threshold, threshold optics, suspense, trigger, thesaurus utterance

For citation: Tyuleneva E.M. The role of suspense in Boris Dyshlenko's narrative strategy (novel "Contours and silhouettes"), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 44—53.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 12.08.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленева Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Tyuleneva Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 54—58.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 54—58.

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.46726/И.2023.5.6

ГЛАГОЛ *WILL*: СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. Большинство людей, когда-либо изучавших английский язык и его грамматику, склонны отождествлять глагол *will* с выражением будущего времени. Сам вопрос о наличии специального времени/времен, выражающих будущее время, а также маркеров такого времени, считаем дискуссионным. При этом в грамматических пособиях (школьных и вузовских) зачастую полностью игнорируются другие аспекты функционирования глагола *will*, не связанные собственно с выражением будущего.

Ключевые слова: глаголы *will/would*, повторяющееся, привычное поведение, общегерманское значение *will*, выражение уверенности при помощи *will*

Для цитирования: Григорян А.А. Глагол *will*: сфера функционирования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 54—58.

В курсе школьной и вузовской грамматики сфера применения глагола *will* чаще всего четко связана/ассоциируется с будущим. По крайней мере, таков нередко «сухой остаток» знаний об этом глаголе у учащихся. Нельзя сказать, что такое представление о *will* лишено оснований. Конечно, нет. Например, при изучении системы времен английского глагола традиционно выделяется время *The Future Simple Tense*, которое, как известно, образуется при помощи глагола *will*. В рамках этого времени грамматисты нередко говорят о способности *will* выражать будущее, как бы предсказывая его. Проиллюстрируем сказанное:

“She is not at all what is called a hard-working student. She will fail her exams, I’m afraid”.

Если к уже упомянутому добавить, как минимум, еще два частотных случая передачи глаголом *will* будущего (речь идет о *will* в главных частях сложно-подчиненных предложений с определенными типами придаточных — “I’ll go

to the cinema with you if you invite me”, а также о применении will + infinitive, свидетельствующем о спонтанном/незапланированном принятии решения говорящим — “Don’t worry: I’ll carry your suitcase for you”), все сомнения в обоснованности прочного сопряжения will и будущего пропадают.

Вместе с тем, представляется, что сфера функционирования этого глагола гораздо шире и интереснее. Причем многие случаи применения will оказываются никак с будущим не связаны. Дальнейшее изложение посвящено именно таким случаям, которым, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания в пособиях по грамматике.

Начнем с того, что глагол will довольно часто используется носителями языка для описания повторяющихся, привычных действий. Отнюдь не всегда, но все же довольно часто will в подобных контекстах — кроме идеи о привычности тех или иных действий — передает еще и некоторую долю негативного к таким действиям отношения. Проиллюстрируем сказанное:

“The government has increased tax on cars again! That’s crazy!” — “Yes, I know. They’ll do that”.

Заметим, что фразы типа “they’ll do that, he’ll do that, she’ll do that” являются довольно широко распространенными и даже типичными, когда носителю языка хочется передать приблизительно следующую идею: “I know, but that’s their habit, that’s the way they are. It is not surprising if you know them. It’s what they do!” Как видим, в этом использовании will никак не связан с идеей будущего. Речь здесь идет о передаче действий, выражающих нечто устоявшееся, часто происходящее, то, что можно по-английски назвать ‘general habits’.

Еще одной иллюстрацией к сказанному выше может служить следующее предложение:

“The crane will often travel more than a thousand miles in order to give birth in the habitual climate and environment”.

Это действие — перелеты журавлей — ежегодно совершаются не по какому-то заранее продуманному плану, а в силу привычки. Так просто, в данном случае, устроено природой в силу определенных причин. Итак, нечто происходит регулярно и в силу привычки. В таком случае, естественным кажется следующий вопрос: почему бы в подобных контекстах не прибегнуть к так называемому простому настоящему времени (the Present Simple Tense), которое как будто специально предназначено для передачи подобных действий (repeated customary actions)? На самом деле, в данном случае мы, конечно, можем использовать простое настоящее время, и предложение, приведенное выше, по смыслу равнозначно следующему: “The crane often travels more than a thousand miles in order to give birth in the habitual climate and environment”. Однако следует не забывать о том, что предложения с will, передающие повторяющиеся в силу привычки действия не могут служить в качестве полного аналога предложениям в простом настоящем времени. Иными словами, они не всегда взаимозаменяемы. Причина неполной взаимозаменяемости кроется в том, что глагол will используется только для описания привычных действий и не используется при описании действий, передающих состояние. Так, например, предложение “Peter is from St. Petersburg” звучит абсолютно корректно, а вот “Peter will be from St. Petersburg”, конечно, нет.

Следующее — второе по счету — не совсем обычное использование глагола will логически связано с первым, которое, как уже говорилось выше, заключается в возможности и естественности употребления will для передачи повторяющихся в силу привычки действий в настоящем времени (present habits). Речь

здесь идет о том, что формой прошедшего времени от глагола *will* является *would*. Вполне естественным выглядит предположение о том, что форма *would* может быть использована — наряду с *the Past Simple* и конструкцией *used to + infinitive* — для передачи повторяющихся в силу привычки действий в прошедшем времени, так называемых *past habits*. Проиллюстрируем сказанное:

“When I was a schoolboy we’d go to a small stadium near the river bank and play football there every Saturday”.

Это предложение звучит естественно: глагол *will*, который служил для передачи повторяющихся действий в настоящем, просто превратился в *would*, который служит для передачи действий аналогичного характера в прошлом. Представляется уместным еще раз обратить внимание на невозможность употребления как *will*, так и *would* для передачи состояний. Иными словами, в то время как *“I used to like ABBA”* является корректным высказыванием, если речь идет о человеке, которому когда-то нравилась знаменитая шведская группа, фраза *“I would like ABBA”* для передачи того же содержания в прошлом не подходит.

Рассмотрим еще один особый случай функционирования глагола *would*. Речь пойдет о его использовании в конструкции, описывающей поведение человека, после выражений типа *“I wish”* и *“if only”*. Например, *“I wish you’d stop listening to music all the time! You’re simply wasting such a lot of valuable time!”* Из курса грамматики известно, что использование словосочетаний *“I wish”* или *“if only”* приводит к тому, что во второй части высказывания, начатого этими фразами, используется прошедшее время. Это прошедшее время, думается, маркирует разницу между реальным состоянием дел и желаемым. Если, например, очень хорошенькая девушка смотрится утром в зеркало, то она может констатировать тот факт, что она хороша собой: *“I’m so pretty”*. Если отражение в зеркале не слишком ей понравится, то она может произнести что-нибудь вроде *“I wish I were prettier...”*. Давайте обратимся к рассмотрению следующей ситуации: *“The moon is coming out”*. Руководствуясь приведенным выше правилом, это предложение, видимо, можно трансформировать в *“I wish the moon was coming out”*. Так, наверное, можно сказать. Однако, как кажется, более естественно будет звучать вариант с *would*: *“I wish the moon would come out”*. Сформулируем здесь маленькое рабочее правило, с учетом которого становится понятной большая естественность этого глагола: *would* употребляется с выражениями *I wish...* и *if only...* в тех случаях, когда подлежащее предложения / человек ведет себя каким-то особым образом, не так, как обычно. Иными словами, если ваш друг — просто потому, что ему в данный момент так захотелось, — строит рожицы или громко кричит, можно сказать ему примерно следующее: *“I wish you would stop doing that! You’re scaring the cat!”* Приведем еще один пример: *“I do wish she would stop talking about her wonderful children! It’s so boring!”* Подобное использование *would* не имеет отношения к будущему. Скорее, здесь можно говорить об общегерманском значении *will* — «хотеть». Это значение, кстати, сохранилось в немецком языке (*Ich will...*). Иными словами, здесь речь следует вести о желании управлять каким-то процессом, о принятии решения делать или прекратить делать что-то. При этом нельзя забывать, что над какими-то процессами — а точнее, состояниями — мы не властны, мы не вольны ими управлять. Следовательно, предложения типа *“I wish you wouldn’t be so tall”* или *“I wish the mountain wouldn’t be that high!”* звучат странно и неприемлемы.

И, наконец, еще один нетипичный случай функционирования *will*. Как говорят сами англичане: *“The last but not at all the least”*. Речь пойдет о тех

случаях употребления глагола *will*, когда говорящий стремится показать, что он сумел что-то заранее просчитать и вычислить. Для того чтобы лучше понять эту особенность функционирования *will*, давайте представим, что среди приглашенных к определенному часу на вашу вечеринку гостей, есть человек (назовем его Питер), который всегда приходит на час раньше оговоренного времени. Этому нет каких-то логических объяснений. Просто, наверное, так бывает, так уж он устроен. И вот, посреди ваших последних приготовлений к вечеринке, ровно за час до начала вечеринки раздается звонок в дверь. Бросив взгляд на часы, вы вполне можете сказать следующее: “*That will be Peter*”. Безусловно, в этой же ситуации вполне уместными были бы и другие варианты: “*That must/could be Peter*”. Выбор в пользу варианта с *will* продиктован двумя обстоятельствами: а) вы уверены, что это именно Питер; б) ваша уверенность в том, что это именно он, проистекает из того, что вы смогли это как-то просчитать, вычислить. На самом деле, вариант с *will* очень близок по смыслу варианту с *must*. Отличаются они лишь чуть большей степенью уверенности в происходящем, передаваемой вариантом с *will*. Выбирая вариант с *will*, человек как будто утверждает: «Мои расчеты верны... как обычно!». Следует заметить, что при использовании любого другого глагола (кроме глагола *to be*), эта конструкция используется в так называемом продолженном времени. Проиллюстрируем сказанное:

“Peter will be starting on his daily afternoon walks right now”.

Представляется, что в современном английском языке относительно времени *the Future Continuous* можно вывести следующее рабочее правило: это время следует использовать не только для действия, которое будет иметь какую-то протяженность в будущем (напр.: “*I’ll be playing football tomorrow from 5 till 7*”), но и главным образом для обозначения действия, которое будет происходить вследствие нормального, естественного хода событий (напр.: “*The trees will be losing their leaves soon. It’s autumn*”). Причем эту «нормальность и естественность» здесь следует понимать достаточно широко. Можно, наверное, в каком-то смысле говорить, что действия происходят по своеобразному «расписанию», характерному как для природы, так и для человека. В каком-то смысле эти действия предсказуемы и могут быть просчитаны. Это в одинаковой степени справедливо как для природных явлений, так и для действий/поступков людей, даже таких эксцентричных, как Питер. Приведем еще пару примеров, иллюстрирующих сказанное:

“Don’t call him at 7 p.m. He will be having his dinner then. He hates to be disturbed during dinner”;

“Oh, it’s raining again. I am glad we did not accept Peter’s offer to go to the stadium. He’ll be just sitting there waiting for the rain to stop”.

Таким образом, глагол *will* (и форма его прошедшего времени — *would*), могут, как минимум в четырех разных случаях своего функционирования, не быть связанными с выражением будущего времени. Такое положение дел может, на первый взгляд, показаться странным. В любом случае представляется, что оно заслуживает большего внимания в курсах грамматики английского языка на специальных факультетах и кафедрах.

Список литературы / References

- Swan M. *Practical English Usage*, Oxford: Oxford University Press, 2002, 658 p.
The New Fowler’s *Modern English Usage*, Oxford: Clarendon Press, 1996, 864 p.

WILL AS A VERB: SPHERE OF FUNCTIONING**Ashot A. Grigoryan**

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. Most of school-leavers and university graduates would predictably connect the verb will with the idea of expressing something in future. While the question of existence a special tense focusing exclusively on the future, remains arbitrary and to be seen to, there definitely exist other uses of 'will' which are not directly connected with the idea of future.

Keywords: verbs will/would, habitual, typical behavior, common for all Germanic languages meaning of 'will', expressing certainty using 'will'

For citation: Grigoryan A.A. Will as a verb: sphere of functioning, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 54—58.

Статья поступила в редакцию 07.09.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 07.09.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 59—67.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 59—67.

Научная статья

УДК 811.111'374

DOI: 10.46726/И.2023.5.7

НОВЫЕ ОНОМАСТИКОНЫ КАК РЕАЛЬНОСТЬ ШЕКСПИРОВСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XXI ВЕКА

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
olga.m.karпова@mail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию новых тенденций в ономастической шекспировской лексикографии, которая составляет значительную часть толково-энциклопедических словарей к произведениям Шекспира. Истоками новых ономастиков являются *Dictionaries of Characters and Place names* и *Who is Who in Shakespeare*, которые традиционно регистрировали и обрабатывали имена собственные из сочинений драматурга: имена современников, родственников, постановщиков пьес, а также героев произведений Шекспира. В настоящее время в связи с изменением научной лексикографической парадигмы шекспировские ономастики представлены в печатном и электронном формате, а также цифровыми аналогами. Все рассмотренные в статье ономастики нового поколения имеют тематический характер, объектом лексикографического описания которых являются имена женщин, детских персонажей из произведений Шекспира (мальчиков и девочек), а также отрицательных героев, магических и мифических существ. Словари представлены на специальных сайтах, а новые технические возможности дают возможность пользователю получить развернутую вербальную, а также богатую графическую и мультимедийную информацию о каждом имени, описанном на справочном ресурсе. Мега-, макро- и микроструктура новых шекспировских ономастиков отличается новизной наполнения контентом и лексикографического описания, полученных из новых международных исследований шекспироведов XXI в., которые значительно расширили круг пользователей от студентов и переводчиков до постановщиков театральных постановок Шекспира, позволяя всесторонне раскрыть лингвокультурный мир героев произведений великого драматурга.

Ключевые слова: Шекспир, тематический ономастикон, мега-, макро-, микроструктура, антропоним, имя собственное

Для цитирования: Карпова О.М. Новые ономастики как реальность шекспировской лексикографии XXI века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 59—67.

Введение

Лексикография культурного наследия (*cultural heritage lexicography*), объединяющая в своем репертуаре лингвокультурные, лингвострановедческие, писательские и другие типы толково-энциклопедических словарей всегда имела высокий спрос у пользователя, поскольку словари культурного наследия изначально отражали культурный код нации, историю, литературу и языковые изменения [Алхастова, Карпова]. В XXI в. наблюдается новый всплеск интереса к составлению таких справочников, среди которых выделяются словари языка англоязычных писателей и особенно Шекспира [Карпова 2019: 8—14].

© Карпова О.М., 2023

Необходимо отметить, что представители лексикографической школы Ивановского государственного университета внесли весомый вклад в изучение английской и американской писательской лексикографии: Дж. Чосера, Ч. Диккенса, Ск. Фитцджеральда, Дж. Гришема и других известных художников слова различных эпох и направлений. Среди них отметим диссертационные исследования, посвященные изучению принципов построения английских толково-энциклопедических словарей на материале словарей цитат и словарей языка писателей [Коробейникова], лексикографическому описанию юридической терминологии в неспециальной сфере использования на материале произведений Дж. Гришема [Лутцева], анализу словарей языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии [Меленьтева] и другие работы.

В области актуальных проблем писательской лексикографии наряду с анализом принципов построения различных типов справочников выделяется вопрос о регистрации и лексикографической разработке имен собственных в словарях языка писателей. Так, в диссертации «Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей» обсуждается проблема источников, формата и составления мега-, макро-, а также микроструктуры ономастических писательских словарей [Горбунов]. В исследовании Н.С. Уткиной «Современная картина английской авторской лексикографии (на материале справочников тематики фэнтези)» анализируются принципы построения ономастиконов к произведениям жанра фэнтези [Уткина], а в диссертации Э.Х. Эльжероковой «Лексикографическая разработка топонимов в словарях английского языка» [Эльжерокова] описываются способы фиксации и обработки различных типов имен собственных в общих и специальных словарях, включая ономастиконы к произведениям известных английских писателей.

С каждым новым этапом развития английской писательской лексикографии создаются оригинальные типы ономастических словарей, которые по-новому регистрируют и описывают антропонимы, топонимы и другие типы имен собственных, встречающихся в сочинениях писателей. Среди них следует особо упомянуть изданный в 2018 г. ономастикон *Big Ideas: the Little Book of Shakespeare* [Big] и совсем новый топонимический словарь *Shakespeare and London* из известной серии *Shakespeare Arden Dictionaries* произведениям Шекспира [Dustagheer]. Необходимо отметить, что современные шекспировские ономастиконы характеризуется, в первую очередь, изменениями современной научной лексикографической парадигмы [Карпова 2021: 41—47]. Эти изменения выражаются прежде всего в интеграции различных лексикографических форм (глоссария, конкорданса, тезауруса и т. п.), комбинированных форматов (печатного и цифрового) и отличаются инновационными способами организации мега-, макро- и микроструктуры, значительно обогащая лексикографическое описание ономастического материала дополнительными вербальными и мультимедийными сведениями.

Толково-энциклопедические словари Шекспира

К ономастическим словарям Шекспира нового поколения относятся тематические энциклопедии, регистрирующие и обрабатывающие определенные слои лексики, включая имена собственные, например, *Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries* [Ciambella], *Shakespeare and Animals* [Raber, Edwards]. К этому ряду толково-энциклопедических справочников можно отнести и появившиеся в последнее время шекспировские научные энциклопедии,

которые посвящены планетам и проблемам окружающей среды, встречающимся в творчестве Шекспира: *Shakespeare and the Environment* [Chiari, Clark], а также иллюстративные словари с богатым набором графических иллюстраций: фотографий, гравюр, репродукций картин и т. д. [Карпова 2022b: 147—157]. Среди новых лексикографических продуктов следует отметить и иллюстративный писательский словарь *Oxford Illustrated Shakespeare Dictionary*, который направлен на юношескую аудиторию и имеет явную учебную направленность [Crystal].

Необходимо отметить, что в ряду перечисленных выше новых типов словарей языка Шекспира особое место занимают терминологические словари из серии *Shakespeare Arden Dictionaries*, которые описывают термины из различных предметных областей, в которых Шекспир является общепризнанным профессионалом. Это словари медицинских терминов (*Shakespeare's Medical Language*), экономических (*Shakespeare's Political and Economic Language*), политических (*Class and Society in Shakespeare*), музыкальных (*Music in Shakespeare*) и других терминов, в макроструктуру которых включены и некоторые имена собственные [Карпова: 241—254].

В новых толково-энциклопедических справочниках, направленных на раскрытие лингвокультурного мира Шекспира, отражаются не только сведения, накопленные за всю историю международного шекспироведения, но и исследования современных ученых [Карпова 2022a: 102—111]. Следует отметить, что в традиционных ономастиконах к произведениям Шекспира, как, например, широко известном в кругах шекспироведов толково-энциклопедическом справочнике *The Everything Shakespeare Book: A Comprehensive Guide to Understanding the Comedies, Tragedies and Sonnets of the Bard* [Rubie], собраны все антропонимы и топонимы, встречающиеся на страницах шекспировских произведений, с цитатами и указанием точных адресов словоупотребления в пьесах. Внесли свой вклад в развитие ономастического шекспироведения и авторы многочисленных справочников под названиями *Dictionaries of Characters and Place names* и *Who is Who in Shakespeare*, которые фиксировали и по-разному (в зависимости от лексикографической формы словаря) описывали имена собственные из сочинений великого драматурга.

В век цифровизации шекспировские ономастиконы, как и другие типы писательских справочников, претерпели ряд технических изменений, когда традиционные печатные словари либо перевели в цифровую форму (предложив пользователю их цифровые аналоги), либо представили ономастический материал на специальных сайтах, как, например, широко востребованные читателями справочные ресурсы *Shakespeare Characters* и *Shakespeare's Characters: A to Z*, где собраны имена всех персонажей Шекспира. Для удобства пользователя все антропонимы организованы в алфавитном и тематическом порядке по жанрам произведений (комедиям, трагедиям и т. д.).

Новые тематические ономастиконы к произведениям Шекспира

Среди современных тематических ономастиконов необходимо отметить, словарь *Women in Shakespeare: A Dictionary* из известной серии *Arden Shakespeare Dictionary Series* [Findlay]. Он содержит все типы имен собственных: реальные, вымышленные, исторические, мифологические антропонимы, обозначающие социальный статус женщин (*queen, dutchess, countess, empress, hostess, lady*), их роль в семье (*wife, mother, daughter*), а также презрительные обращения к женщинам (*mistress, whore, gossip*). Большинство женских имен описывается в словаре чрезвычайно подробно и занимает по несколько

страниц словаря, где пользователь найдет и пересказ сюжета, и этимологию имени, и все цитаты с антропонимом с точным адресом в пьесах драматурга, и другую подробную информацию [Карпова 2022b: 147—157].

Однако все статьи строятся по-разному. Главным образом, микроструктура включает заголовок, название произведения, где встречается имя собственное, и цитату с этим антропонимом с указанием их места в произведении драматурга, например: **The weird sisters with beards in *Macbeth* collect ingredients and ‘in the cauldron boil and bake’ ‘hell-broth’ (Mac. 4.1.13 and 19)**. К сожалению, некоторые входные имена не снабжаются цитатами из текстов, а содержат только дефиницию: **Charybdis, a whirlpool between Italy and Sicily, personified as a female monster, eager to drown ships and devour sailors**. Большим достоинством этого тематического ономастикона является приложение с индексом всех женских имен, зафиксированных в словнике, которые снабжены названием пьесы и дают возможность пользователю легко находить необходимый материал в корпусе словаря. В ближайшем будущем авторы справочника планируют создать цифровой аналог справочника с удобной маршрутизацией информационного поиска для быстрого нахождения запрашиваемой справки.

Наряду с рассмотренным выше ономастиконам особое внимание пользователей привлекают **тематические сайты**, где собраны и другие группы имен собственных. Это прежде всего, имена детских персонажей, организованные по гендерному признаку (имена мальчиков и девочек отдельно): *Shakespeare Baby Names For Boys* и *Shakespeare Baby Names For Girls*.

Рассмотрим их более подробно. Как известно, Шекспир использовал 125 имен для мальчиков и юношей (принцев, воинов, героев и т. п. персонажей) в 35 пьесах, среди них: *Aaron* (*Titus Andronicus*), *Abram* (*Romeo and Juliet*), *Achilles* (*Troilus and Cressida*), *Adam* (*As You Like It*) *Adrian* (*Coriolanus*, *The Tempest*) и другие.

В то же время драматург использовал 75 имен девочек в 37 пьесах, обозначающих молодых героинь: *Shakespeare Baby Names For Girls: Adrian* (*Coriolanus*, *The Tempest*), *Adriana* (*The Comedy of Errors*), *Albany* (*King Lear*), *Alexas* (*Antony and Cleopatra*), *Alice* (*Henry V*), *Aliena* (*As You Like It*) и т. д. Все антропонимы имеют только отсылку к названию пьесы и не содержат каких-либо дефиниций или цитат, что представляется не совсем удобным для пользователя, который, несомненно, ожидает получить более подробные сведения, обычно предлагаемые авторами печатных ономастиконов.

Более информативным представляется справочный ресурс *Top Shakespeare Villains*, который включает главных злодеев шекспировских пьес с объяснением их роли в произведении:

1. **Iago**. Driven by an overpowering lust for evil rivaled only by Satan, Iago grabs the title as worst Shakespeare villain hands down. As the critic William Robertson Turnbull once pointed out, “Iago is an unbeliever in, and denier of, all things spiritual, who only acknowledges God, like Satan, to defy him” (*Othello: A Critical Study* 269). Please click here to read a full character analysis of Iago;

2. **Richard III**. The tyrannical, morally vacuous Richard III orders his own brother's execution and the murder of two innocent children because they are obstacles to his kingly ambition. Luckily, Richard's horrific acts come to an end when he is slain by Richmond at the battle of Bosworth Field и другие.

Однако в словарной статье также отсутствуют ссылки на цитаты из произведений Шекспира, которые сам пользователь должен находить

в тексте произведения. Читатель вынужден довольствоваться лишь описанием роли злодея в пьесе:

Aaron the Moor. Among other vile crimes, Aaron the Moor, servant and lover to Tamora, masterminds the brutal rape of Titus Andronicus's daughter, Lavinia. When, at the end of the play, Titus's son Lucius decides that Aaron should be buried to the neck in sand and starved, Aaron, defiant to the end, tells Lucius that "If one good deed in all my life I did/I do repent it from my very soul" (5.3.188-9).

Учитывая недостатки перечисленных выше ресурсов и опыт создания печатных ономастических источников, составитель следующего тематического ресурса, в котором собраны все мифические и фантастические существа, действующие в пьесах Шекспира, *Creatures created by Shakespeare*, значительно усовершенствовал маршрутизацию информационного поиска в своем ресурсе.

На главной странице сайта собраны фотографии этих существ из различных театральных постановок. Нажав на любое фото персонажа, например, на фото **Witches in Macbeth**, пользователь получает доступ к развернутой информации о данном имени: **the Witches** are the trio of Scottish witches, who delivered prophecies to General Macbeth and Banquo... Далее можно получить развернутую информацию о сюжете всей пьесы, ее героях, их внешности, внутреннему миру и т. д. Иными словами, возможности цифровизации открывают для составителя новые горизонты исследования языкового материала, который привлекает все большее внимание читателя в связи с возрастающей хронологической удаленностью произведений Шекспира от современного студента, школьника, исследователя и других целевых групп пользователей.

Следует отметить, что в наше время наблюдается все больший интерес к созданию различного рода тематических справочников, посвященных героям произведений драматурга, представленных в различных форматах. Безусловно, заслуживают внимания: новый ономастикон *Shakespeare's Demonology: A Dictionary*, посвященный магическим и мистическим героям [Gibson, Esra], а также справочный ресурс *Shakespeare's Best and Worst Couples*. Автор последнего из упомянутых ресурсов впервые собрал группу *лучших пар* в шекспировском творчестве:

Beatrice and Benedick, *Much Ado About Nothing's*;
Hotspur and Lady Percy, *Henry IV, Part 1*;
Viola and Orsino, Sebastian and Olivia, *Twelfth Night's* и др.

А среди *худших пар* у Шекспира авторы ресурса назвали:

Macbeth and Lady Macbet, *Macbeth*;
Richard III and Lady Anne, *Richard III*.

Добиваясь признания у международного пользователя, авторы ресурса ввели новые опции, например, викторины для читателей и обсуждение материала, что стало типичной чертой многих новых цифровых ресурсов в эпоху пандемии, когда авторы справочных сайтов стараются вовлечь пользователя в творческий процесс наполнения их интересным и необычным содержанием. Так, например, в 2023 г. ресурс *лучших пар* почитатели творчества Шекспира использовали в День святого Валентина!

Не менее интересным в условиях повышенного внимания к расовой проблеме в мире стал тематический ономастикон *White People in Shakespeare*, где собраны справочные материалы по этническим, культурным и расовым проблемам Елизаветинской эпохи, затронутым в творчестве драматурга [Little], который опубликован в 2023 г. в серии *Arden Shakespeare*. Создание таких

необычных по тематике справочников в печатном и цифровом форматах позволяет надеяться на продолжение развития шекспировской лексикографии, а цифровое будущее словарей культурного наследия будет обеспечено новыми и оригинальными исследованиями [Карпова 2020: 128—138].

Заключение

XXI век — это время *тематических словарей*, регистрирующих и обрабатывающих имена собственные из сочинений Шекспира. Применение новых информационных технологий позволяет по-новому представить и описать имена собственные в печатных и цифровых ономастиконах к сочинениям Шекспира, благодаря использованию результатов новых исследований международного шекспироведения.

Включение в микроструктуру словарей современных источников: видео- и киноматериалов, фрагментов из современных театральных постановок шекспировских пьес в различных театрах мира делает новые словари и справочные ресурсы более привлекательными для многих групп пользователей (студентов, переводчиков, режиссеров, актеров и т. д.).

Пополнение репертуара шекспировских ономастиконов сегодня осуществляется не только за счет создания новых типов печатных тематических справочников, но и их цифровых аналогов, а также инновационных справочных ресурсов с элементами игрового и занимательного характера, что позволяет значительно расширить круг пользователей и привлечь в ряды почитателей великого драматурга молодое поколение.

Список источников

- Creatures created by Shakespeare. URL: https://non-aliencreatures.fandom.com/wiki/Category:Creatures_Created_by_William_Shakespeare (accessed: 15.04.2023).
 Shakespeare Baby Names For Boys. URL: <https://nosweatshakespeare.com/blog/shakespeare-baby-names-boys/> (accessed: 16.04.2023).
 Shakespeare Baby Names For Girls. URL: <https://nosweatshakespeare.com/blog/shakespeare-baby-names-girls/> (accessed: 16.04.2023).
 Top Shakespeare villains. URL: <http://www.shakespeare-online.com/plays/shakespearevillains.html> (accessed: 16.04.2023).
 Shakespeare's Characters: A to Z. URL: <http://www.shakespeare-online.com/plays/characters/charactermain.html> (accessed: 12.04.2023).
 Shakespeare Characters. URL: <https://nosweatshakespeare.com/characters/> (accessed: 12.04.2023).
 Shakespeare's Best and Worst Couples. URL: <https://www.folger.edu/blogs/shakespeare-and-beyond/shakespeare-best-worst-couples/> (accessed: 12.04.2023).

Список литературы/References

- Алхастова З.Р., Карпова О.М. Лексикография культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц): монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. 170 с.
 (Alhastova Z.R., Karpova O. M. Dictionaries of cultural heritage with special reference to dictionaries of English writers, quotations and proverbs. Ivanovo, Ivanovo State University, 2020, 172 p. — In Russ.)
 Горбунов М.В. Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.
 (Gorbunov M.V. Principles of registration and lexicographical description of proper names in English dictionaries for general and special purposes: diss ... Candidate of Sciences (Philology), Ivanovo, 2011, 191 p. — In Russ.)

- Карпова О.М. Английская лексикография культурного наследия в электронно-цифровую эпоху (на материале словарей языка писателей) // Вестник Восточного государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 41—47.
- (Karpova O.M. English lexicography of cultural heritage, *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 41—47. — In Russ.)
- Карпова О.М. Лингвокультурный мир Шекспира в лексикографическом отражении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022а. № 4. С. 102—111.
- (Karpova O.M. Linguocultural world of Shakespeare as viewed lexicographically, *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022a, no. 4, pp. 102—111. — In Russ.)
- Карпова О.М. Лингвокультурное пространство писателя в новых словарях Шекспира // Топология филологического поиска: сборник научных статей, посвященный юбилею доктора филологических наук Л.В. Полубиченко / ред.-сост. О.Н. Козлова. М.: КДУ; Добросвет, 2022b. С. 147—157.
- (Karpova O.M. Linguocultural space of the writer in new Shakespeare dictionaries, *Proceedings of the papers "Topology of Philological Research", devoted to the jubilee of doctor of philology L.V. Polubichenko, ed. by O.N. Kozlova*, 2022b, pp. 147—157. — In Russ.)
- Карпова О.М. Шекспировские словари нового поколения (на материале специальных словарей) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 8—14.
- (Karpova O.M. Shakespeare dictionaries of new generation with reference to specialized dictionaries, *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 2, pp. 8—14. — In Russ.)
- Карпова О.М. Цифровое будущее лексикографии культурного наследия // Язык vs. социум: XXI век: коллективная монография: к 75-летию проф. В.Т. Малыгина. Владимир: Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ; Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. С. 128—138.
- (Karpova O.M. Digital future of cultural heritage lexicography, *Language vs. Society. Collective Monograph: devoted to the 75 jubilee of V.T. Malygin*, Vladimir, 2020, pp.128—138. — In Russ.)
- Коробейникова О.В. Принципы построения английских толково-энциклопедических словарей (на материале словарей цитат и словарей языка писателей): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007.
- (Korobeinikova O.V. Principles of English encyclopedic dictionaries (with special reference to dictionaries of quotations and authors): diss ... Candidate of Sciences (Philology), Ivanovo, 2007, 176 p. — In Russ.)
- Лутцева М.В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатистическое исследование на материале произведений Дж. Гришема): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008.
- (Lutseva M.V. Lexicographic description of law terminology in non-special sphere (linguistic research with special referfne to John Grisham's works): diss ... Candidate of Sciences (Philology), Yaroslavl, 2008, 280 p. — In Russ.)
- Мелентьева О.А. Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014.
- (Melentjeva O.A. Chaucer dictionaries in the paradigm of English author lexicography: diss...Candidate of Science (Philology), Nizhny Novgorod, 2014, 290 p. — In Russ.)
- Уткина Н.С. Современная картина английской авторской лексикографии (на материале справочников тематики фэнтези): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2012.

- (Utkina N.S. Modern scene of English author lexicography (with special reference to reference works of fantasy): diss ... Candidate of Sciences (Philology). Ivanovo, 2012, 188 p. — In Russ.)
- Эльжерокова Э.Х. Лексикографическая разработка топонимов в словарях английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018.
- (Elzherokova E.X. Lexicographic treatment of toponyms in English dictionaries: diss ... Candidate of Sciences (Philology), Nizhny Novgorod, 2018, 191 p. — In Russ.)
- Big Ideas: The Little Book of Shakespeare, New York: DK Publishing, 2018, 280 p.
- Chiari S., Clark S. Shakespeare and the Environment: A Dictionary. Arden Shakespeare Dictionaries, London: Bloomsbury Publishing PLC, 2022, 456 p.
- Ciambella F. Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries. A Corpus Based Approach, London and New York: Routledge, 2021, 158 p.
- Crystal D., Crystal B. Oxford Illustrated Shakespeare Dictionary, Oxford: Oxford University Press, 2015, 352 p.
- Dustagheer S. Shakespeare and London: A Dictionary. Shakespeare Arden Dictionaries, London and New York: Bloomsbury Arden, 2021, 144 p.
- Findlay A. Women in Shakespeare: A Dictionary. Arden Shakespeare Dictionary Series, London and New York: Bloomsbury Arden, 2014, 546 p.
- Gibson M., Esra J.A. Shakespeare's Demonology: A Dictionary. Shakespeare Arden Dictionaries, London and New York: Bloomsbury Arden, 2016, 248 p.
- Karpova Olga M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries), *Lexicographica*, 2020, vol. 36 "Metalexicography, dictionaries and culture", pp. 241—254.
- Little A. (ed). White People in Shakespeare. Essays on Race, Culture and the Elite. The Arden Shakespeare, London and New York: Bloomsbury Publishing, 2023, 320 p.
- Raber K., Edwards K. Shakespeare and Animals: A Dictionary, London and New York: Bloomsbury Arden, 2022, 520 p.
- Rubie P. The Everything Shakespeare Book: A Comprehensive Guide to Understanding the Comedies, Tragedies and Sonnets of the Bard, New York: Simon & Schuster, 2002, 309 p.

NEW ONOMASTICONS AS REALITY OF THE XXI-ST CENTURY SHAKESPEARE LEXICOGRAPHY

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.com

Abstract. The article is devoted to the description of new tendencies in onomastic Shakespeare lexicography, which represents the biggest part of encyclopedic dictionaries to the works of Shakespeare. *Dictionaries of Characters and Place names* and *Who is Who in Shakespeare* reference works, traditionally registering and describing proper names from Shakespeare's texts: names of his contemporaries, relatives, theater producers and characters from his works, created the basis for modern onomasticons. Nowadays in connection with changing of the scientific lexicographic paradigm, Shakespeare onomasticons are presented in printed and electronic formats, as well as their digital counterparts. All new onomastins described in this paper are of the thematic character, their objects being women's, baby names (boys' and girls'), names of villains, magic, mystical characters and creatures. The dictionaries are presented on special web sites, and their new technical procedures offer users vast verbal, rich graphic and multimedia information about each proper name from the reference resources. Mega-, macro- and microstructure of new Shakespeare onomasticons have new content and innovative lexicographic descriptions, taken from new Shakespeare scholarly

sources of the XXI c., which contribute to widening the circle of dictionaries target users' groups from students and translators to the theatre producers, enabling to enrich the perception of great playwright's linguacultural world.

Keywords: Shakespeare, thematic onomasticon, mega-, macro-, microstructure, antroponym, proper name

For citation: Karpova O.M. New onomasticons as reality of the XXI-st century Shakespeare lexicography, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 59—67.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, руководитель научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Science (Philology), Head of the Scientific and Educational Center “Modern Russian and European Lexicography”, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 68—74.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 68—74.

Научная статья

УДК 81'221:791.43-2

DOI: 10.46726/И.2023.5.8

СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

**(На материале американских фильмов
«Крестный отец» и «Дом Гуччи»)**

Фаина Иосифовна Карташкова, Арина Дмитриевна Каменкова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

kartashkova@rambler.ru, rnkmnkv@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению видов невербального поведения участников бизнес-коммуникации при использовании ими определенных тактик. Анализу подвергнуты такие типы невербальных компонентов коммуникации, как жестовые, мимические, миремические и пантомимические. Показано, что доминирование, манипуляция и маскировка истинных эмоций являются характерными чертами бизнес-коммуникации в определенных стратах американского общества. Интерпретация невербальных компонентов коммуникации осуществлялась на основе подхода, согласно которому значение каждого из них может быть определено только в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации.

Ключевые слова: невербальные компоненты коммуникации, коммуникативно-прагматическая ситуация, доминирование, манипуляция, маскировка

Для цитирования: Карташкова Ф.И., Каменкова А.Д. Специфика невербального поведения участников бизнес-коммуникации:(на материале американских фильмов «Крестный отец» и «Дом Гуччи») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 68—74.

Деловое общение является, как известно, предметно-целевой деятельностью и направлено на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной деятельности [Журавлева]. Под термином «деловое общение» понимается коммуникация в сфере бизнеса и менеджмента, цель которой заключается в достижении определенной цели во взаимодействии с партнерами. В психологии под деловым общением понимается форма социального взаимодействия, основанного на принципах, правилах и формах делового этикета. Понятие «деловое общение» — очень широкое. Различают несколько форм деловых коммуникаций, которые соответствуют определенным требованиям профессиональных ситуаций. К ним относят: деловую переписку, беседу, совещание, переговоры, публичное выступление, пресс-конференцию и спор. В рамках делового общения можно выделить такой сегмент, как бизнес-общение, или бизнес-коммуникация. Бизнес-коммуникация понимается как взаимодействие субъектов коммуникации для достижения определенных интересов и целей. В отечественной науке бизнес-коммуникация определяется как совокупность коммуникативных актов, направленных на решение любых задач, стоящих перед

организацией [Большаков, Потолокова: 5]. Схожую трактовку бизнес-коммуникации находим и у зарубежных авторов. Так, Дж. Лэйхофф и Дж. Пенроуз определяют бизнес-коммуникацию как такой способ трансляции информации для получателя, который способствует его целенаправленным действиям [Лэйхофф, Пенроуз].

Вообще говоря, литература по деловому общению и бизнес-коммуникации как ее сегмента достаточно обширна. И хотя основное внимание в этих работах уделяется вопросам речевой коммуникации, проблема невербального поведения человека также нашла отражение в ряде работ [Крейдлин, Журавлева, Гаталова], в которых авторы выделяют типичные виды невербальных действий в ситуациях бизнес-коммуникации, причем тому или иному невербальному компоненту коммуникации (далее НВК) предидируется определенное значение. В настоящей статье рассматриваемые НВК анализируются в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации, что позволяет устанавливать их значение, детерминируемое условиями протекания коммуникативного акта.

Материалом исследования послужили американские фильмы «Крестный отец» и «Дом Гуччи» известных режиссеров Фрэнка Копполы и Ридли Скота соответственно. Выбор материала обусловлен привязанностью российского зрителя, прежде всего представителей деловых кругов, к просмотру фильмов производства американских компаний, о чем свидетельствуют данные прокатной статистики.

В настоящей статье предпринимается попытка установить (в рамках анализируемого материала), какие типы невербальных компонентов коммуникации чаще всего эксплуатируются участниками бизнес-коммуникации при использовании ими тактик доминирования и манипуляции и каково их значение в той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Выбор указанных тактик обусловлен социальным статусом участников коммуникации, которые стремятся к обогащению любыми, порой жестокими, средствами, а достижение этой цели и есть маркер успеха в американском социуме. Именно доминирование, манипуляция и маскировка истинных эмоций являются характерными чертами бизнес-коммуникации в определенных стратах американского общества.

Начнем с роли жестовых НВК — важнейших при анализе невербальной коммуникации. Жестовые НВК позволяют говорящему акцентировать внимание на определённых моментах речи, сделать ее выразительнее и утвердить собственную позицию. Рассмотрим жестовые НВК, эксплуатируемые в ситуациях доминирования. Выйдя на предполагаемого предателя, один из главных героев фильма «Крестный отец», Майкл, встречает его, сложив руки за спиной. Сложенные за спиной руки маркируют контроль над ситуацией, уверенность, обозначают доминантную позицию говорящего. Майкл уверен в виновности адресата и готов расправиться с ним, поэтому данный жест выражает, прежде всего, доминирование Майкла над бывшим союзником. Кроме того, данный НВК позволяет маскировать истинную эмоцию Майкла по отношению к бывшему союзнику, которому ошибочно доверял — злость.

Доминирование Майкла в данной ситуации маркирует и другой жестовый НВК. В обсуждаемом фрагменте фильма Майкл кладет руки в карманы. Данный жест выражает нежелание общаться с адресатом, маркирует негативное отношение к нему, которое Майкл пытается скрыть. В приведенных примерах жесты носят негативный характер и направлены на маскировку истинных эмоций и намерений.

Подобную функцию жестовых НВК наблюдаем и в другом фрагменте фильма. В сцене встречи представителей главных мафиозных семей, Вито Корлеоне рассчитывает прийти к соглашению, которое будет выгодным для всех. Однако его ожидания не оправдываются, и он пытается скрыть свое

негативное отношение к происходящему, держа пальцы рук крепко сжатыми в замок. Данный жест выражает неудовлетворенность Вито итогом встречи, являясь, по сути, маркером косвенного коммуникативного акта.

Жестовые НВК могут также демонстрировать власть и уверенность в себе, контроль ситуации. Речь идет еще об одном положении рук, которое принадлежит главе одной из мафиозных семей, который держит пальцы рук, сложенные перед собой в подобие треугольника. Данный жест квалифицируют как «ромб власти».

Можно отметить в анализируемом материале и жестовые НВК положительного вектора. Так, принося клятву или делая обещание, Вито Корлеоне каждый раз подносит правую руку ладонью вниз к груди. Этот жест выражает демонстративную искренность. Данный жест нацелен на то, чтобы убедить окружающих в том, что говорящий честен. Вито стремится не только к благополучию своей семьи, но и к урегулированию конфликтов, возникших на почве войны между мафиями и их семьями. Данный вид НВК имеет положительное значение и эксплицирует искренность героя, его уверенность в собственных словах.

Анализируемые жесты позволяют говорить о стохастичности их значения. Так, одним из самых распространенных жестов в общении главного героя фильма «Дом Гуччи», Маурицио, является жест выставленных перед собой рук. По мнению Алана Пиза, данный жест обозначает открытость, доверительность и искренность, используя его, говорящий с большей долей вероятности способен расположить собеседника к себе [Пиза: 25—26]. Однако при общении с отцом в ситуации конфликта, Маурицио, не желая разделить мнение отца относительно выбора партнера, выставляет обе руки перед собой. В данной ситуации жест обозначает демонстрацию силы характера. Таким образом, привычное положительное значение жеста меняется на противоположное, негативное по своему характеру значение.

Мимические НВК также являются значимыми при анализе невербального поведения коммуникантов в ситуации бизнес-общения. Данный вид невербального поведения может сопровождать различные эмоциональные реакции коммуникантов. Понятно, что такой вид мимических НВК, как улыбка ассоциируется прежде всего с положительными эмоциями. Улыбку как НВК положительного вектора наблюдаем в эпизоде фильма, в котором Вито Корлеоне и его клиент приходят к компромиссу. Данный НВК имеет положительное значение и эксплицирует благоприятный настрой коммуникантов по отношению друг к другу.

Однако в бизнес-общении данный вид НВК зачастую имеет негативное значение. Так, коммуниканты в споре (эпизод переговоров Тома Хагена, адвоката семьи Корлеоне и известного режиссера фильма) не находят компромисса, разговор заканчивается коммуникативной неудачей. Том в ответ на негодование режиссера молча улыбается и уходит. Улыбка в данной ситуации выражает ироничное отношение Тома к будущей судьбе режиссера, а также эксплицирует доминантную позицию Тома.

В сцене переговоров по спонсированию наркоторговли, Вито Корлеоне настроен негативно и предвзят. Находясь в доминирующем положении, он не стремится скрыть свое осуждение по отношению к собеседнику: в диалоге он часто поднимает брови и ухмыляется. Ухмылка в данной ситуации выражает насмешку над собеседником, что маркирует ироничное отношение говорящего к нему.

В другом эпизоде мимика Вито (брови сдвинуты, уголки рта опущены, челюсть сжата) маркирует гнев по отношению к коммуниканту, который самонадеянно рассчитывал на помощь Вито. Данный НВК говорит о неодобрении происходящего и о негативном отношении к собеседнику: сжатые

челюсти свидетельствуют об агрессивном настроении героя, опущенные уголки рта эксплицируют осуждение и злость на собеседника. Мимика Вито говорит о его доминирующей позиции и об осуждении собеседника за его нежелание решать свои проблемы.

Перейдем к анализу употребления тактильных НВК в бизнес-общении. Правильное использование тактильных НВК в ситуации данного вида общения способно вызвать доверие и расположение собеседника. Особо важен в использовании тактильных НВК учет контекста ситуации, отношений между коммуникантами и их различий в возрасте и положении. Тактильные НВК фильма «Крестный отец» главным образом конгруэнтны испытываемым эмоциям коммуникантов. В эпизодах данного фильма всех входящих с просьбой или с делом Вито встречает сдержанным объятием. Объятия в данных фрагментах эксплицируют дружественный настрой коммуникантов, желание избежать конфликтов и прийти к общему решению. Данный НВК имеет положительное значение и в данной ситуации обозначает благоприятный настрой обоих коммуникантов.

Объятия Майкла демонстрируют разное значение в разных коммуникативно-прагматических ситуациях. Так, при встрече с другом Майкл при объятии всем телом прижимается к нему, и тот в ответ крепко обнимает Майкла. Здесь имеет место отсутствие субординации между персонажами: они друзья, давно знакомы и доверяют друг другу. Данный НВК имеет положительное значение, выражая дружественный настрой и полное доверие с обеих сторон.

Однако наиболее характерно для бизнес-общения эксплуатирование тактильных НВК, которые акцентируют доминирование одного из коммуникантов. Так, для Майкла Корлионе типичен тактильный НВК, при котором он кладет руку на плечо своим подчиненным. В эпизоде, когда один из них просит Майкла о помощи, он пытается убедить своего подчиненного в том, как следует поступить, и кладет руку на плечо адресата, озвучивая свою позицию. Данный НВК является жестом доминирования, четко обозначая их статусно-ролевые отношения.

Доминирование эксплицирует и такой вид тактильного НВК, как поцелуй руки. Гости семьи Корлеоне разными способами выражают уважительное отношение к главе семьи. Инициальным НВК, с которого начинается общение, является поцелуй руки главы семейства, маркирующий доминанта и подчиненного.

В определенных коммуникативно-прагматических ситуациях объятия выражают фиктивное дружелюбие, не являясь жестом открытости и доверия к собеседнику. Так, в одном из эпизодов фильма «Дом Гуччи» персонаж по имени Родольфо приезжает к племяннику Паоло, к которому он относится с предубеждением и, в известной мере, с презрением. Родольфо не испытывает теплых чувств, но пытается исполнить роль хорошего дяди. Он пытается маскировать свое неодобрительное отношение дружескими объятиями, однако пантомимические НВК (корпусом Родольфо прижимается к племяннику, а нижняя часть тела находится на расстоянии) выдают его истинное отношение к Паоло. Таким образом, очевидно, что Родольфо не испытывает теплых чувств к коммуниканту и стремится лишь создать образ дружелюбно настроенного родственника.

Миремические НВК являются значимыми проявлениями невербального поведения в бизнес-общении и помогают точнее выявить отношение говорящего к собеседнику или предмету разговора. Долгий зрительный контакт является неотъемлемой частью в общении главы семьи Вито Корлеоне, что демонстрирует рассудительность героя, его способность анализировать происходящее. Он может подолгу рассматривать собеседника, при этом молчать и рассуждать про себя, в чем может быть полезен этот человек и какую

роль можно будет отвести ему в будущем. Вито использует данный вид НВК как способ доминирования и манипулирования: пристальный взгляд заставляет усомниться собеседников в правильности линии их поведения.

Зрительный контакт Майкла, преемника главы мафии, маркирует доминирование и маскировку истинных эмоций. Майкл стремится, чтобы его дальнейшие планы не узнали недоброжелатели, поэтому он внимательно наблюдает за каждым. Его пытливый взгляд давит на собеседника, заставляет сомневаться в своей безопасности. В сочетании с молчанием, которое сопровождает долгий зрительный контакт, данный НВК становится еще более выразительным, подчеркивающим рассудительность. На похоронах отца, куда пришли, в том числе его враги, он анализирует их поведение, чтобы вычислить предателя, подолгу рассматривая приглашенных. Долгий зрительный контакт имплицитно в данной ситуации осторожность, раздумье и стремление определить предателя. Отметим, что миремический НВК носит негативный характер в ситуациях общения с незнакомыми или малознакомыми людьми; с близкими людьми персонажи-доминанты ведут себя менее настороженно и их зрительный контакт не имеет специфических отличий.

Пантомимические НВК служат маркерами настроения и эмоционального состояния коммуникантов. Позы способны выдать волнение, нежелание взаимодействовать, желание уйти от разговора. Рассмотрим пример пантомимического НВК, когда поза выражает закрытость и волнение. Поза Майкла на похоронах отца сдержана: его плечи расправлены, руки лежат на коленях, голова слегка наклонена вбок. Майкл считает приглашенных возможными предателями и испытывает к ним враждебность. Пантомимический НВК в данной ситуации имеет отрицательный вектор, он выражает нежелание взаимодействовать с окружающими.

Позы Тома Хагена, адвоката семьи Корлеоне, эксплицируют доминирующую позицию. В эпизоде, когда обсуждается вражда мафиозных кланов, поза Тома расслаблена: руки лежат на подлокотниках, а корпус прислонен к спине кресла. Такая поза говорит о его спокойствии героя. Однако это напускное спокойствие: персонаж старается выглядеть увереннее, хотя на самом деле он находится в напряжении. Здесь имеет место маскировка эмоций. Том в данной сцене принимает позу, которая является маркером уверенности и доминирования, однако его истинную эмоцию (волнение) выдают другие НВК: тихий голос (фонациональный НВК), «бегающий» взгляд, постоянно направленный вниз (миремический НВК), и прерывистое дыхание (респираторный НВК).

Анализируя значение поз в бизнес-общении, приведем пример доминирующей позы из фильма «Дом Гуччи», где Маурицио — наследник богатого основателя бренда. Невербальное поведение персонажей не только подчеркивает их статус, но и сигнализирует об их настроении и намерениях, их взаимоотношениях. Так, в одном из эпизодов фильма «Дом Гуччи» Родольфо навещает своего племянника (Паоло), к которому он, как и все остальные члены семьи, относится с пренебрежением. Разговаривая с Паоло, Родольфо занимает доминирующую позу: его корпус откинут назад, руки лежат на подлокотниках кресла. Данная поза подчеркивает превосходство Родольфо над племянником.

Рассмотрим ситуации, в которых та или иная поза позволяет коммуниканту скрыть свое эмоциональное состояние, в частности, неуверенность. Так, Маурицио, став главой компании «Гуччи», стремится к маскировке своей неуверенности с помощью пантомимических НВК. В эпизоде фильма, в котором Маурицио ведет деловой диалог с начинающим дизайнером Томом Фордом (еще неизвестным модельером, но готовым работать с модным домом Гуччи),

он занимает доминантную позицию, однако положение ног Маурицио (одна нога заведена за другую) выдает его напряжение. По мнению Алана Пиза, такая поза свидетельствует о взволнованном состоянии, сдержанной или защитной позиции. В данном случае эта поза говорит о том, что Маурицио маскирует собственную неуверенность, он лишь пытается играть роль уверенного и успешного бизнесмена, на самом деле не являясь таковым.

Подведем итоги исследования. Установлено, какие типы невербальных компонентов коммуникации (в рамках анализируемого материала), чаще всего эксплуатируются участниками бизнес-коммуникации. Это прежде всего жестовые, мимические, миремические и пантомимические НВК, эксплуатируемые коммуникантами при использовании ими тактик доминирования и манипуляции, а также в ситуациях маскировки истинного эмоционального состояния коммуниканта. Показано, что доминирование, манипуляция и маскировка истинных эмоций являются характерными чертами бизнес-коммуникации в определенных стратах американского общества. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что значение того или иного НВК следует определять в каждой конкретной коммуникативно-прагматической ситуации.

Список литературы / References

- Большаков С.Н., Потолокова М.О. Бизнес-коммуникация: учеб. пособие. СПб, 2012. 137 с.
(Bolshakov S.N., Potolokova M.O. Business communication. Tutorial, St. Petersburg, 2012, 137 p. — In Russ.)
- Гаталова М.А. Специфика коммуникативного поведения американского делового человека (гендерный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2019. 179 с.
(Gatalova M.A. Specifics of the communicative behavior of an American business person (gender aspect): diss. ... Candidate. of Sciences (Philology), 2019, 179 p. — In Russ.)
- Журавлева И.А. Деловые коммуникации. Учебное пособие. Иркутск, 2016. 122 с.
(Zhuravleva I.A. Business communications, Irkutsk, 2016, 122 p. — In Russ.)
- Крейдли Г.Е. Невербальное поведение людей в деловом общении.
URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kreidlin/> (дата обращения: 15.06.2023).
(Kreidlin G.E. Non-verbal behavior of people in business communication. — In Russ.)
- Лейхофф Дж., Пенроуз Дж. Бизнес-коммуникация. СПб: Питер, 2000. 686 с.
(Leikhoff J., Penrose J. Business communication, St. Petersburg, 2000, 686 p. — In Russ.)
- Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам. М.: Эксмо, 2003. 158 с.
(Pease A. Body language. How to read the thoughts of others by their gestures, Moscow, 2003. 158 p. — In Russ.)

NON-VERBAL BEHAVIOR OF BUSINESS COMMUNICATION PARTICIPANTS (BASED ON AMERICAN MOVIES “THE GODFATHER” AND “HOUSE OF GUCCI”)

Faina I. Kartashkova, Arina D. Kamenkova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kartashkova@rambler.ru, rnkmnkv@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of non-verbal behavior of those involved in business communication and using certain tactics. Such types of non-verbal behavior as gestures, mimics, miremics and pantomimics are discussed. Dominating, manipulating and

concealing real emotions are shown to be characteristic features of certain layers of American society. The analysis of non-verbal components of communication is delivered on the assumption that the meaning of this or that type of non-verbal behavior may be determined only in a certain episode of communication.

Keywords: non-verbal behavior gestures, mimics, miremics and pantomimics, dominating, concealing real feelings

For citation: Kartashkova F.I., Kamenkova A.D. Non-verbal behavior of business communication participants (Based on american movies “The Godfather” and “House of Gucci”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 68—74.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 6.06.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 6.06.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Карташкова Фаина Иосифовна — доктор филологической наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kartashkova@rambler.ru

Kartashkova Faina Iosifovna — Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kartashkova@rambler.ru

Каменкова Арина Дмитриевна — магистрант кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, rnkmnkv@gmail.com

Kamenkova Arina Dmitrievna — master’s student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, rnkmnkv@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 75—82.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 75—82.

Научная статья

УДК 81'27:2-1

DOI: 10.46726/И.2023.5.9

ИМЕНОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПРАЗДНИКА ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ (Лингвокультурологический аспект)

Наталья Владимировна Суворова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Аннотация. Неотъемлемую часть языковой картины мира каждого народа составляют именованья праздничных дат (геортонимы). Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу русских официальных и неофициальных (народных) номинаций христианского праздника *Преображение Господне*. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые определяется специфика структуры данных образований, устанавливаются особенности их семантики на основе выделения мотивационного признака. В результате сопоставления вариантов названий праздника *Преображение Господне* были установлены сходства в компонентном составе официальных и народных геортонимов, а также выявлены различия в механизме их номинации. Предпринятый лингвокультурологический анализ различных по сфере функционирования наименований религиозного праздника *Преображение Господне* дает возможность проследить эволюцию русского народного сознания, обусловленную тесным переплетением языческих верований славян и христианских традиций православной церкви.

Ключевые слова: геортоним, номинация, семантика, структура, официальные и народные названия, лингвокультурология, языковая картина мира

Для цитирования: Суворова Н.В. Именованья христианского праздника *Преображение Господне*: (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 75—82.

Как известно, язык является уникальным средством отражения национального сознания, важнейшим способом сохранения и передачи универсального и специфического представления о мире каждого народа. В нем, как фокусе, аккумулируются все аспекты человеческого бытия, связанные с различными видами деятельности, а также с непродолжительными отрезками времени ее отсутствия — праздниками, которые, по справедливому замечанию выдающегося русского философа и культуролога М.М. Бахтина, являются «очень важной первичной формой человеческой культуры» [Бахтин: 11].

Наибольший интерес для многих отечественных лингвистов, историков и этнографов представляют церковные праздники, так как, возникнув на Руси с принятием христианства, они сохраняются и сегодня, а их названия наглядно показывают уникальную трансформацию народного сознания (изначально являющегося «продуктом» языческих верований) под влиянием религиозных учений.

Особое место среди церковных памятных дат занимают двенадцатые праздники, посвященные Богородице и Господу. Одним из важнейших

© Суворова Н.В., 2023

Господних праздников является *Преображение Господне*. Его полное официальное название — *Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* — представляет собой кальку с греческого языка (Μεταμόρφωσις τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ). В русской православной традиции этот праздник связан с преображением Господа Бога перед своими апостолами Петром, Иаковом и Иоанном на горе Фавор: «лицо Его просияло, как солнце, одежды же сделались ослепительно белыми, как свет» [Славянские древности 4: 258]. Эти метаморфозы были свидетельством того, что предстоит совершить Иисусу Христу: «пострадать за людей, умереть на Кресте и в третий день воскреснуть» [Там же], чтобы стать спасителем мира.

С точки зрения структуры геортоним *Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* является самым сложным вариантом названия данного церковного праздника, состоящим из восьми компонентов. Ядром номинации, отражающим ее суть, выступает существительное *Преображение*, обозначающее действие по глаголу *преобразиться* в значении «становиться кем-, чем-либо, превращаться в кого-, что-либо» [Словарь современного... 11: 249]. Этот компонент является сигнификатором, своеобразным знаком, используемым и в других сокращенных полуофициальных названиях. Речь идет о двукомпонентном именовании *Преображение Господне* и однокомпонентном именовании *Преображение*, где лексема *Преображение* служит для выделения рассматриваемой памятной даты среди геортонимов, обозначающих другие Господние праздники, со схожей структурой (*Крещение Господне / Крещение*, *Сретение Господне / Сретение*).

Пять лексем, входящих в полный вариант названия праздника, называют лицо, с которым связано обозначенное выше событие: *Господь Бог*, *Спас наш* и *Иисус Христос*. Именно в такой последовательности показана центральная фигура христианского вероучения и в названиях других Господних праздников: *Рождество по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*, *По плоти обрезание Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа*, *Вознесение Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа*. Можно предположить, что такое расположение имен подчинено определенной закономерности, отражающей последовательный переход лица от одного состояния к другому. Следует отметить, что этот переход выстроен в порядке ослабления смысловой значимости не случайно. Это так называемая нисходящая градация (или антиклимакс), т. е. стилистическая фигура, характерная в целом для древнееврейской поэзии, а также сохранившаяся в официальных названиях других религиозных праздников, являющихся кальками с греческого языка (например, *Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии* — Εὐαγγελισμὸς τῆς Ὑπεραγίας Θεοτοκῆς ἡμῶν Θεοτόκου καὶ Ἀειπαρθένου Μαρίας). Наименование высокого статуса *Господь Бог*, которое получил сын Бога и земной девы Марии, стоит в сочетании первым среди других имен, называющем лицо, т. к. это имя является самым главным для Иисуса Христа.

Следует сказать несколько слов и о сочетании *Спас наш*, которое занимает промежуточное место среди имен лица в геортониме *Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*. Лексема *Спас* является усеченной формой от существительного *спаситель* в значении «искупитель грехов человечества, одно из названий Христа» [Словарь русского языка 4: 218] и употребляется уже в Остромировом евангелии 1057 г.: «Вздрадовася доухъ мой о Бозѣ *спасѣ* моемъ» (Лук. I, 47. Остр. ев., 217) [Словарь русского языка XI—XVII вв. 27: 12]. Это слово образовано от глагола *спасати*, которое в древнерусский период имело значение «о спасении

человека для вечной жизни, избавление от вечных мук» [Там же]. Усеченная форма *Спас*, стоящая между номинациями, которые называют лицо, *Господь Бог* и *Иисус Христос*, становится ключевой, т. к. именно с ней связан момент перехода от человеческого к божественному.

Судя по словарным материалам, уже в старорусский период, в XVI веке, в памятниках народно-литературного типа языка встречается неофициальное трансформированное название праздника *Преображение Господне*, содержащее лексему *Спас* в указанном выше значении, — *Спасъ день*: «Бысть знамение в Вороначе: от иконы святого Николы из леваго ока, из суха дрѣва истече кровь напрасно, на заутреню, в *Спасъ день*» (Псков. лет. II, 133.) [Там же]. Общим для полного и сокращенного вариантов, содержащих лексему *Спасъ*, является то, что в структуре обоих геортонимов есть слово, не только указывающее на лицо, с которым связано важнейшее религиозное событие, но и конкретизирующее его (Иисуса Христа) роль, для исполнения которой он был отправлен в этот мир Богом Отцом — принести себя в жертву, спасти человечество. В неофициальном названии *Спасъ день* слово *Преображение* заменяется существительным *день* в значении «дата праздника, памяти или почитания какого-либо евангельского события или святого» [Там же 4: 217], которое используется и в неофициальных названиях других церковных праздников (например, *Велик день* — Пасха). Вероятно, в этом случае вся смысловая нагрузка ложится на существительное *Спас*.

Преображение Господне восточные славяне, знакомые с церковными канонами, иногда называли *Спас на горе*. Это словосочетание, построенное на основе управления, кроме одного из имен Христа, включает существительное, обозначающее место, где происходило преобразование. Интересно, что точное название горы, на которой Господь преобразился, до сих пор не установлено. Ни в одном из евангелий нет указания на конкретное место. Долгое время было принято считать, что явление «Божественного величия и славы» Иисуса Христа произошло недалеко от израильского города Назарет на горе Фавор. Именно там в IV веке царицей Еленой, матерью римского императора Константина Великого, был построен храм в честь Христа и его учеников, ставших свидетелями чудесного преобразования. Вероятно, поэтому традиционно в текстах праздничных песнопений, посвященных *Преображению Господню*, упоминается гора Фавор. Однако некоторые современные исследователи в области богословия полагают, что величайшее для христианского мира событие произошло на горе Ермон (Палестина). Один из аргументов связан с высотой гор: Фавор — 588 м, а Ермон — 2743 м. Несмотря на то, что вопрос об установлении местонахождения святой горы не решен, многие церкви строились и продолжают строиться именно на возвышенностях во всех странах, где проповедуется христианство. Так, на Руси в честь *Преображения Господня* уже в XI веке были возведены Спасо-Преображенские храмы в Чернигове, Полоцке и Муроме.

Среди неофициальных наименований *Преображения Господня* особое место занимают геортонимы, отражающие тесное переплетение христианского взгляда на мир и народных верований, берущих начало в язычестве. На Руси этот праздник имел много разнообразных названий: *Второй Спас*, *Великий Спас*, *Средний Спас*, *Праздник первых плодов*, *Горохов день*, *Яблочный спас*, *Первая встреча осени*, *Первые осенины*. *Осенины*. Большая часть этих геортонимов включает существительное *Спас*. Однако в отличие от рассмотренных выше неофициальных вариантов оно имеет иное значение: «название трех церковных праздников в августе и сентябре»

[Словарь современного... 14: 473], т. е. в народных названиях праздника отсутствует компонент, называющий лицо, с которым связана памятная дата. Существительное *Спас* в народных именовании только опосредованно указывает на событие, которому посвящен праздник.

Геортонимы *Второй Спас* и *Средний Спас* включают определения (порядковое числительное и прилагательное соответственно), указывающие на место данного праздника среди других Спасов, праздников, отмечаемых в конце лета. *Первый Спас* (14 августа по новому стилю) и *Третий Спас* (29 августа по новому стилю) тоже связаны с церковными праздниками (день памяти трёх святых: *Животворящего Креста Господня*, образа *Спасителя* и иконы *Владимирской Божьей Матери* и день *Перенесения нерукотворного образа Спасителя* соответственно), но по рангу стоящими ниже, чем *Преображение*. В пользу того, что *Второй Спас* является очень большим праздником для верующих свидетельствует двукомпонентный геортоним *Великий Спас*, в структуре которого содержится то же образное определение, что и в народном названии торжества торжеств, т. е. празднике, стоящим выше двенадцатых церковных праздников, — *Пасха (Великий день)*.

Праздник *Преображения Господня* в народе часто называют *Яблочным Спасом*. Данное именование является русским по своему происхождению, об этом, в частности, говорит начальная буква «я», которая в отличие от старославянской «а» (аблоко) была характерна для языка восточных славян. Кроме того, в отличие от южных христианских государств (Израиль, Греция), где на *Преображение* для освящения в церковь несли плоды винограда, в большинстве славянских земель — яблоки. Сладкие плоды нового урожая нужно было обязательно освятить в храме, и только потом разрешалось их есть и обязательно угощать других, подавать тем, кто стоял на паперти: «*На Второго Спаса и нищий яблочко съест*». До *Преображения Господня* употреблять созревшие в этом году фрукты было нельзя. Строгий запрет предписывал воздержаться от яблок всем, но прежде всего матерям, которые потеряли младенцев. Объяснялось это так: ребенок, чьи родители нарушили запрет, не сможет съесть золотых райских яблочек. Существовало и другое поверье, связанное с Библией: «Адам-Ева согрешили, змей их яблоком обманул, а не ведено было, от греха! А Христос возшел на гору и освятил. С того и стали остерегаться. А который до окропенья поест, у того в животе червь заведется, и холера бывает. А как окроплено, то безо вреда» [Шмелев: 125]. В данном толковании праздника нашло отражение так называемое бытовое крестьянское православие, соединившее в себе элементы христианской религии с народными представлениями о мире.

Геортоним *Горохов день* так же, как и *Яблочный Спас*, является исконно русским, т. к. в его составе есть прилагательное, содержащее древнерусскую примету — полногласие (в старославянском языке — *грахъ*). Однако в отличие от наименования *Яблочный Спас* не был распространен на Руси повсеместно. Судя по данным народных говоров, геортоним *Горохов день* характерен для севернорусских областей России, например, Архангельской и Вологодской. Как отмечает А.Ф. Некрылова в своей книге «Русский традиционный календарь: на каждый день и для каждого дома», в праздник *Преображения Господня* деревенские юноши и девушки в нарядных одеждах после молебна шли на гороховое поле и пели песни:

Станемте, робятушки, горошек сеяти, да!
Ты горох мой, горох,

Зеленый, молодой,
 Со гороховиною горох!
 Станемте, робята, горошек молотить, да!
 Как бы нам, робята, горошек помолоть, да!
 Станемте, робятушки, шаньги творить,
 Станемте, робята, шаньги пекчи.
 Честным-то господам — всё по шанежке,
 Молодым-то молодцам — шаньги с маслицем,
 Красным-то девицам — с медом, с сахаром,
 Старым-то старушкам — с пресным молоком! [Некрылова: 402]

По всей вероятности, *Горохов день* был ранее языческим праздником. Горох как пищевой продукт использовался еще до нашей эры, был широко распространен и на Руси. Из этой бобовой культуры наши предки готовили похлебки, пекли пироги (*гороховики*) и печенье (*гороховины*) и даже делали настойку (*гороховку*). О древности гороха свидетельствует поговорка: *Давно, когда царь горохъ съ грибами воевал* [Даль 1:382]). В современных фразеологических словарях она представлена в усеченном виде: *при царе Горохе* — «очень давно, в незапамятные времена» [Бирих: 609]. По вопросу о происхождении имени легендарного царя, который упоминается в данных устойчивых оборотах, есть разные точки зрения. Согласно одной из них, Горох — это имя табу языческого бога грома Перуна. Известным собирателем русских народных сказок А. Афанасьевым оно объясняется общностью слов *грохотать* и *грохот*, которые восходят к *gorch [Кондратьева: 40—41]. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что *Горохов день*, который отмечали сельские жители, еще будучи язычниками, с принятием христианства совпал с православным праздником *Преображение Господне*, сохранив обряд приношения (жертвования) плодов гороха с последующим их освящением в церкви.

Среди народных наименований *Преображения Господня*, содержащих лексемы, которые обозначают плоды (*Яблочный Спас*, *Гороховый день*) есть геортоним, находящийся с ними в гиперо-гипонимических отношениях: *Праздник первых плодов*, т. к. в этом сочетании не называется конкретный предмет, который становится атрибутом праздника. Данное трехкомпонентное наименование не содержит ни одной лексемы, указывающей на религиозный характер памятной даты. Тем не менее благодаря сочетанию, включающему порядковое числительное *первый* и существительное *плод*, становится понятно, что это наименование праздника, имеющее более абстрактный характер, чем наименования *Яблочный Спас*, *Гороховый день*, связано с ними. Согласно церковным канонам, только с 6 августа (по старому стилю) разрешалось есть плоды нового урожая. И хотя *Преображение Господне* приходилось на один из строжайших постов (Успенский пост) в этот праздник можно было есть не только свежие овощи, фрукты, но и рыбу: «*Спасовка — лакомка, а Петровка — голодовка*». До этого дня у народов, принявших христианство, существовал строжайший запрет на употребление в пищу винограда, яблок, моркови, брюквы, гороха, картофеля и других овощей. Одна из русских поговорок гласит: «*До Второго Спаса не едят никаких плодов, кроме огурцов*». Тот, кто нарушал этот запрет, должен был отказаться от употребления плодов нового урожая в течение всего августа. В *Преображение Господне* освящали в церкви и колосья ржи, пшеницы, ячменя. Их приносили в храмы в виде маленьких снопов и вместе с семенами других культур окропляли святой водой, чтобы земледельцы могли использовать их впоследствии для выращивания нового

урожая. Славяне искренне верили, что благодаря проведению такого ритуала голод им не грозит. По всей вероятности, этот обряд уходит корнями в язычество.

Преображение Господне в народном календаре славян — это не только *Первый праздник урожая*, но и время, когда заканчиваются сельскохозяйственные работы, лето подходит к концу, приближается осень и начинается угасание природы. Этот важный для крестьянина-земледелца момент нашел отражение в таких названиях праздника, как *Первая встреча осени*, *Осенины*, *Первые Осенины*. Все перечисленные геортонимы включают лексему с восточнославянским видом корня *осень* (у южных и части западных славян находим соответствующий корень *есень*), обозначающую следующий после лета природный цикл. В структуре народных названий *Первая встреча осени*, *Первые Осенины*, представляющих собой многокомпонентные сочетания, содержится порядковое числительное *первый*, которое является знаком того, что это только начальный период нового сезона. В аграрном календаре славян находим и другие геортонимы, отражающие в своих номинациях последующие хронологические этапы развития осени как особого времени для земледельца: *Вторые осенины* (*Вторая встреча осени*), *Третьи осенины* (*Третья встреча осени*). Каждая из этих дат соответствует и определенному религиозному празднику: *Вторые осенины* (21 сентября по новому стилю) — *Рождеству Пресвятой Богородицы*, *Третьи осенины* (27 сентября по новому стилю) — *Воздвижению Креста Господня*, входящему, как и *Преображение Господне*, в число важнейших двенадцатых праздников. Все эти памятные даты в народе могли называться и одним словом *Осенины*, без хронологической конкретизации. Интересно, что лексема *Осенины*, являющаяся существительным *pluralia tantum*, построена по модели слов, обозначающих какой-либо обряд (*крестины*, *смотрины*) или какую-либо памятную дату (*именины*, *сороковины*), т. е. имен, которые имеют церковную семантику.

Первые осенины знаменовали собой разные виды сельскохозяйственной деятельности: уборку яровых и посев озимых, для которых и использовались освященные на *Преображение* семена. Крестьяне начинали готовиться к суровой зиме: *Пришли Спасы — готовь запасы*, *Второй Спас всему час — шубу припас*, *Пришел Спас — бери рукавицы про запас*. В этих поговорках преимущественно в форме императива отражена народная мудрость, предписывающая заблаговременно до холодов позаботиться о себе и своей семье. Такое видение мира, отражающее народный практицизм, присутствует и в других пословицах, например: *Готовь сани летом, а телегу — зимой*.

Начиная с дня, когда отмечался праздник *Преображения Господня*, происходили важнейшие изменения и в природе, которые подмечал народ: прекращался комариный писк (*Как придет Спас, так комарам урвется час*), оводы переставали жалить скотину, появлялись осенние мухи (*До Спасовки мухи на пана работают, а в Спасовку — на себя*). В это же время птицы отправлялись в теплые страны. По наблюдениям крестьян, с наступлением холодных утренников после *Преображения Господня* журавли и лебеди стаями улетают на юг: *Кто как хочет, а журавль со Спаса; Лебедь на хвосте несет зиму*.

Лингвокультурологический анализ именовании религиозного праздника *Преображение Господне* позволил выявить структурные и семантические особенности его официальных и неофициальных вариантов. Полное официальное название памятной даты по сравнению с другими включает самое большое число (восемь) компонентов, указывающих на событие, важное для христианской церкви, и несколько имен лица, с которым оно связано. Среди неофициальных вариантов

рассмотренной памятной даты есть геортонимы, в которых прослеживается религиозная тематика за счет лексем, называющих одно из имен Христа (Господь, Спас), места, где произошло его преображение (*Спас на горе*), или само действие (усеченный вариант официального названия *Преображение*). Особый интерес, безусловно, представляют народные названия праздника *Преображение Господне*, семантика которых достаточно разнообразна. Внутренняя форма большинства таких геортонимов не содержит мотивационных признаков, свидетельствующих о религиозном характере даты (*Горохов день*, *Праздник первых плодов*, *Первый праздник урожая*, *Первая встреча осени*, *Осенины*, *Первые Осенины*), т.к. эти именованья имеют, по всей вероятности, языческие корни. В них прослеживается «связь с миром природы, который был, безусловно, важен для древних славян, так как составлял основу их жизни и деятельности» [Суворова: 80]. Незначительная часть народных названий (*Второй Спас*, *Великий Спас*, *Средний Спас*, *Яблочный спас*) прямо или опосредованно (благодаря лексеме «спас») указывает на определенный христианский праздник.

Таким образом, геортонимы, будучи важнейшим элементом языковой картины мира, позволяют увидеть способность русского народа не только сохранить свою культуру, но и обогатить ее лучшими традициями христианства.

Список источников

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998.
 Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Межд. отношения, 2009.
 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л., 1948—1965.
 Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М.: Наука, 1975—2011.
 Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985—1988.
 Шмелев И.С. Лето Господне. М.: Издание Сретенского монастыря, 1998. 622 с.

Список литературы / Reference

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
 (Bakhtin M.M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow, 1990, 543 p. — In Russ.)
 Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени. Казань, 1983. 110 с.
 (Kondratieva T.N. Metamorphoses of own name, Kazan, 1983, 110 p. — In Russ.)
 Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь: на каждый день и для каждого дома. СПб.: Азбука-классика, 2007. 765 с.
 (Nekrylova A.F. Russian traditional calendar: for every day and for every home, St. Petersburg, 2007, 765 p. — In Russ.)
 Суворова Н.В. Русские и польские именованья христианского праздника Благовещение Пресвятой Богородицы (Лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 73—81. — In Russ.)
 (Suvorova N.V. Russian and Polish Names of the Christian holiday of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary (Linguoculturological aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 73—81. — In Russ.)

NAMES OF THE CHRISTIAN HOLIDAY OF THE TRANSFORMATION LORD (LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT)

Natalia V. Suvorova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Abstract. An integral part of the linguistic picture of the world of each nation is the naming of holiday dates (georthonyms). This article is devoted to the linguocultural and logical analysis of Russian official and folk nomination of Christian holiday of the *Transfiguration of the Lord*. The novelty of the work lies in the fact that for the first time it defines the specifics of the structure of these formations, establishes the features of their semantics based on the selection of a motivational attribute. As a result of comparing the variants of the names of the *Transfiguration of the Lord*, similarities were established in the component composition of official and folk georthonyms, as well as differences in the mechanism of their nomination. The linguocultural analysis of the names of the of Christian holiday of the *Transfiguration of the Lord*, different in the sphere of functioning, makes it possible to trace the evolution of the Russian peoples consciousness, duo to the close interweaving of the pagan beliefs of the Slavs and the Christian tradition of the Orhodox Church.

Keywords: georthonym, nomination, semantics, structure, official and folk nomination, linguoculturology, linguistic picture of the world

For citation: Suvorova N.V. Names of the Christian holiday of the *Transformation Lord* (Linguoculturological aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 75—82.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 29.08.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 15.08.2023; approved after reviewing 29.08.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Наталья Владимировна — доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Suvorova Natalia Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 83—94.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 83—94.

Научная статья

УДК 81'27

DOI: 10.46726/И.2023.5.10

КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Фения Фарвасовна Фархутдинова, Киеу Ань Ву

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

fenfar@mail.ru, anhv.u.bk@yandex.com

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов проблемы *Язык и культура*: способность значимых единиц языка, в первую очередь, слов и фразеологизмов хранить и транслировать культурную информацию от поколения к поколению или от одного социума другому. Культурная информация — подвижная часть семантики языковых единиц. Она реализуется не только в словарных дефинициях, но и в текстах, где она по-разному интерпретируется и наполняется различными культурными смыслами. Культурные смыслы обусловлены характером текстов, в которых реализуются языковые единицы, ситуацией их употребления, личностями коммуникантов, их целевыми установками, а также степенью их владения культурным фоном, их фоновыми знаниями. Культурная информация связана с местом языковой единицы в языковой картине мира. Это особенно отчетливо проявляется при анализе слов-эквивалентов в разных языках, таких как русский и вьетнамский, или при сравнении слов и устойчивых оборотов (приметы, проклятья, божба или формулы речевого этикета), выполняющих одну и ту же функцию в системе языка.

Ключевые слова: культурная информация, культурные смыслы, культурный фон, семантика языковых единиц

Для цитирования: Фархутдинова Ф.Ф., Киеу Ань Ву. Культурная информация и культурные смыслы в семантике слова и фразеологизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 83—94.

Единицы лексико-фразеологической системы языка — слова и фразеологизмы — издавна используются для изучения истории и культуры народа в силу того, что обладают значением, имеют историю бытования в текстах (ярким примером являются материалы электронного онлайн-корпуса русских текстов — Rus.corpora.ru) и фиксацию в словарях. Уже в работах российских ученых XIX века есть разнообразные материалы о значениях слов-историзмов — названиях существовавших в прежние времена предметов, явлений человеческой жизни, общественных институтов и др., которые становились дополнительным источником сведений о материальной и духовной культуре прошлого. Такой подход к словам и выражениям можно видеть в работах И.И. Срезневского [Срезневский: 15—103], Ф.И. Буслаева [Буслаев: 292—339], И.М. Снегирева [Русские...], В.И. Даля [Даль 1993]. Деятельность этих ученых и их последователей показала, что язык является социально-культурным феноменом, отражающим быт, нравы, обычаи и воззрения народа-носителя, а также хранителем познанной народом информации о мире. Это верно даже в том случае, если в ходе

© Фархутдинова Ф.Ф., Киеу Ань Ву, 2023

общественно-исторического развития отдельного народа и человечества в целом в содержательной стороне языковых единиц происходит обновление уже имеющихся знаний (пополнение либо уточнение и конкретизация) или же их частичная либо полная утрата, что отражается в семантике языковых единиц. По-видимому, это постоянный процесс, что подтверждается исследованиями словаря (словарного состава языка) в его диахронии и синхронии, а также данными словарей культуры, например, таких, как «Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова. Словарь в этом случае становится частью культуры народа, его «своеобразной исторической памятью» [Телия: 226]. Не случайно современные ученые-лингвокультурологи в содержательной стороне слов и фразеологизмов (в их значении) выявляют культурную информацию в виде универсальных квантов знания, этнически маркированные культурные смыслы, а также культурную коннотацию. Дифференциация данных понятий опирается на различие значения и смысла: значение рассматривается как закрепленное в содержании языкового знака коллективное символическое «освоение того или иного фрагмента действительности», а смысл — как выделение «лично-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира» [Карасик: 5]. В современной науке говорят о наличии культурных смыслов в ментальных единицах — в концептах, представлениях, культурных установках, идеологемах, обыденных понятиях, стереотипах [Токарев], а также в любой из сфер человеческого бытия — в физкультуре и спорте [Шапинская; Моченов], в основном и дополнительном образовании [Пружинин, Щедрина; Васильев], в архитектуре и градостроительстве [Куприянов; Пермиловская], в религии [Камедина; Шарифи, Бешорати, Абдоллахи] или в философии [Микайлова].

Культурные смыслы могут включаться в семантику слова и фразеологизма. Считается, что в этом случае они проявляются в виде *культурной информации*, которая находит отражение в толкованиях языковых единиц, то есть она включается в текст словарной статьи. При этом известно, что значения слова *информация* сегодня в обиходном употреблении и в языке науки не совпадают. Если изначально (в XIX веке) информацию понимали как «сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. д.), то с XX века оно получило статус общенаучного понятия и развило терминологическое значение: «знания о предметах, фактах, идеях и т. д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста», «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации» [Словарь...]. В работах многих лингвистов нет сведений о том, какое понимание информации они имеют в виду — обиходное или общенаучное. Отчасти это объясняет, почему словосочетание *культурная информация* получает разное наполнение. С одной стороны, культурная информация — это информация культурологического, в том числе и идеологического плана (не лингвистическая информация), представленная в лексикографических толкованиях [Купина: 7; Чернова]. С другой стороны, к культурной информации относят, например, почерпнутые из художественных произведений сведения «о быте народа на определенном этапе его развития, орудиях труда, предметах религиозного культа, народных праздниках и приметах», о «профессиях и социальных слоях» определенного исторического периода, «о связанных с каждой профессией орудиях труда, предметов одежды и т. п., об отношении общества к представителям данной профессии или носителю определенного качества», о животных (героях басен), чьи

образы основаны на «древнейших тотемных верованиях народа-создателя басни и мифологических преданиях» [Микова: 6]. Существует и третья точка зрения, согласно которой все слова и фразеологизмы, в которых проявляется национально-культурное своеобразие языка (безэквивалентная лексика, топонимы и онимы, формы обращения в ситуации речевого этикета и др.) передают национально-культурную информацию [Журавлева]. С нашей точки зрения, культурная информация закреплена в языковых единицах и разнообразных текстах, она позволяет формировать, транслировать и реализовывать языковую картину мира, в которой отражается уникальное и универсальное во взгляде народа-носителя языка на мир и свое место в нём.

Анализ культурной информации и культурных смыслов в семантике слов и устойчивых оборотов позволяет рассмотреть словарный состав языка не только как определенным образом организованную систему языка, но и как вербализованную систему знаний и ценностных ориентиров, которой руководствуется в повседневности отдельный человек, социум или общество в целом. Словарный состав — внешний слой языковой системы, наиболее подверженный изменениям по причине его открытости миру — может быть представлен также и в виде языковой картины мира, в которой фрагменты действительности представлены с разной степенью глубины. Культурная информация и культурные смыслы слова, как и его место в языковой картине мира, во многом объясняются его историей, сохранившейся или утерянной внутренней формой, а также его связями с другими словами лексико-фразеологической системы. Слово живет в определенном социально-историческом контексте, который задает культурные смыслы и общественно значимые культурные коннотации. Это справедливо для многих языков и культур. Считается, что имеющаяся культурная информация может получать разные культурные смыслы, и эта интерпретация напрямую зависит либо от действующих культурных установок и/или стереотипов этноса [Токарев], либо от лингвокультурных компетенций лица, интерпретирующего факты в соответствующей культуре. Чтобы проиллюстрировать эти положения, обратимся к отдельным культурно-языковым фактам.

Известно, что на начальном этапе человеческой истории слово и вещь часто отождествлялись: слово, обладавшее, с точки зрения людей, магической силой, управляло вещью, поведением человека и даже его жизнью и смертью. О древней магии слова пишет И.П. Меркулов, разрабатывающий концепцию информационного контроля окружающей среды в аспекте когнитивной эволюции. Под магией слова ученый понимает «отождествление слов как упорядоченных звуковых символов и того, что они (через образы и сценарии) репрезентируют — соответствующих вещей и событий. В этом случае смыслы образов (и сценариев), содержащаяся в них пропозициональная информация должны были обретать здесь абсолютно достоверную и эмоционально значимую для людей вербально-символьную форму репрезентации» [Меркулов: 48—49]. Как предполагает исследователь, магическую функцию слово стало выполнять уже во времена первобытного строя, а симптомы частичного разрушения этой магии он относит к XII—XIII векам [Там же: 83—84]. Но эта функция сохранилась за словами и в более поздние исторические периоды. Реликты этой функции проявляются в словах-благопожеланиях, которые служили изначально своего рода оберегами и дожили до нашего времени, но стали выполнять иную функцию, например, контактоустанавливающую. В русском языке эта функция реализуется в этикетных словах *спасибо*, *здравствуйте*. То же самое можно сказать о русских оборотах *храни вас бог*; *тьфу-тьфу*,

чтоб не сглазить; будь здоров / будьте здоровы! и о вьетнамской формуле *hau ăn chóng lớn* ([хай ан чонг лон], которую дословно можно перевести так: «много кушай и быстрее расти (взрослей)»). Эту фразу используют, когда ребенок чихнул. Некогда бывшие словесными оберегами, такие выражения сегодня выполняют в основном регулятивную или фатическую функции, которые нацелены «на создание, поддержание и регулирование отношений в человеческих микроколлективах» [Норман]. Вьетнамский речевой этикет содержит много благопожеланий, включающих в свой состав слова-обереги. Тем, кто отправляется в дальнюю дорогу, вьетнамцы говорят: «*Thượng lộ bình an!*» ([тхьонг ло бинь ан], что дословно означает «пусть в дороге не будет опасностей») [Словарь вьетнамского языка: 405]. Благодаря двуязычию образованных вьетнамцев выражение было заимствовано во вьетнамский язык и сохранило форму китайского оригинала — лексическое наполнение оборота и его образность: 一路平安 (дословно: «один, единый», «дорога, путь», «ровный, благополучный, мирный», «спокойный, безопасный»), т. е. это пожелание *благополучия на всем пути* следования. Это выражение обычно переводится с помощью русского оборота *доброго пути!* Другое благопожелание отправлявшимся в дорогу — *chân cứng đá mềm* ([чан кынг да мем], дословно «твёрдые ноги, мягкие камни» [Словарь вьетнамского языка: 141]. Это пожелание удачи и легкого пути, в котором путешественник, торговец или крестьянин сохранит свои ноги здоровыми, сильными, потому что на дороге не будет острых камней. В настоящее время выражение используют не только как благопожелание перед трудной дорогой, но, главным образом, как пожелание удачи в начинаниях — в новом или трудном деле.

Противопоставлены словам-оберегам слова-проклятья, выполняющие регулятивную и фатическую функцию языка [Норман], позволяя выразить переживания человека и его эмоциональное состояние — раздражение, гнев и др. К числу таких оборотов может быть отнесен русский фразеологизм *ни дна ни покрывки*. «Словарь русской фразеологии» так описывает этимологию этого устойчивого словосочетания: «Выражение связано с погребальными ритуалами, которые в древности считались обязательными настолько, что в них не отказывали даже врагу. Поэтому самым страшным наказанием был запрет на обряд погребения кого-л. На Руси, как и в Древней Греции (Спарте, Афинах), так наказывали лишь предателей родины, святотатцев и самоубийц. Страшное пожелание <...> — значит «Быть похороненным без гроба», т. е. его неотъемлемых принадлежностей — деревянного дна, крышки и покрова (т.е. покрывала), а в переносном смысле — без отпевания и без соблюдения христианского обряда погребения» [Бирих, Мокиенко, Никитина: 161]. В обороте *чтоб тебе пусто было* сохраняется культурная информация о «пожелании неудачи в каких-то делах и начинаниях», а также возможность «выразить свою злобу и досаду, пожелать другому человеку провала». С точки зрения Ю.А. Гвоздарева, данный оборот связан «с суеверной приметой, что встретить человека с пустыми ведрами означает неудачу», а форма фразеологизма отражает веру «в единство слова и обозначаемого им явления» [Гвоздарев: 75] Как представляется, в семантике этих и подобных оборотов культурная информация присутствует не только во внутренней форме, но и в их интонационном рисунке оборотов: интонация позволяет реализовать состояние недовольства, недоброжелательности, открыто высказать злобу или досаду в адрес другого человека. И эта культурная информация правильно оценивается коммуникантами.

Особо можно выделить слова и выражения, в которых люди божатся, т. е. клянутся именем Бога (*ей-богу, Богом клянусь* и др.) или клянутся в чем-либо очень ценным и важным для человеческой личности (*Христом-богом клянусь, мамой клянусь, клянусь страшной клятвой; век свободы не видать*). В этих и других выражениях слово выполняет некоторую ритуальную функцию, обычно используется для подтверждения правдивости сказанного говорящим.

Естественно, что знания о культуре народа позволяют объяснить происхождение отдельных слов и выражений, а также дают возможность понять ситуативность их использования, причины возникновения, а значит, и выполняемую выражениями функцию в речевом общении. Например, вьетнамские выражения *ơn trời* ([он чой], дословно «благодаря небу»); *các cụ phù hộ* ([как ку фу хо], дословно «предки помогают») содержат глагол *phù hộ*, который называет акт защиты от сверхъестественных сил [Словарь вьетнамского языка: 788]. Сами выражения используются в ситуации, когда говорят о большом везении: проливной дождь начался в тот самый момент, когда крестьянин сумел прийти с поля домой и войти внутрь помещения. В противном случае он мог остаться на рисовом поле и промокнуть до нитки, но *ông trời* (дословно «Дедушка-Небо», то есть Бог) или предки помогли ему вовремя уйти с поля и сохранить одежду сухой. Эти выражения имеют шуточный характер и именно через шутку дают представление об удаче, сопутствующей человеку.

В конфликтных ситуациях, когда один вьетнамец сердится на другого и хочет показать свои чувства по отношению к нему, то использует выражение *đồ trời đánh* [до чой дань] (дословно «Небо тебя ударило (стукнуло)» или «Молния тебя ударила»). При этом фраза *đồ trời đánh* связана с верой в то, что плохого человека небо накажет именно ударом молнии. При этом в использовании оборота *đồ trời đánh* есть этикетные и этические ограничения: она может быть произнесена только внутри одной семьи старшими по отношению к младшим (родители, старшие братья и сестры применяют выражение для угрозы или устрашения озорного ребёнка). В ситуациях с чужими людьми используется оборот *đồ trời đánh không chết* [до чой дань кхонг чет] (буквально «получает (получит, получил) удар с неба (от молнии), но не умирает (не умер, не умрет)»). В этом выражении «удар с неба» означает ухудшение ситуации, в которой оказался человек, совершивший преступление или неблагоприятный поступок: он будет обязательно сурово наказан [Там же: 1045].

Культурная информация представлена и в текстах примет. В приметы, как известно, верили не только древние люди, но и наши современники. Под приметами понимаются «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Тонкова: 3]. Считается, что в примете объединяются кумулятивная и прагматическая функции языка, а совокупность примет народа составляет «базу данных, структурирующую многовековой опыт народного прогнозирования, передаваемый из поколения в поколение» [Никитина: 3]. Одни приметы связаны с наблюдениями над погодой и природой, другие — с суевериями, хотя сегодня спектр функционирования примет расширился [Там же: 4—6]. Приметы могут быть вербализованными и фиксироваться в языке в виде устойчивых образований — текстов (паремий): *рассыпалась соль и через плечо бросить щепотку, тогда неприятности обойдут стороной; Одежду стоит надевать с правого рукава, тогда примечено, жизнь выдастся спокойной и счастливой; Нельзя подбирать мелочь на дороге — потерять свои деньги*

и чужую бедность себе забрать; В Новый год и Рождество (7 января) нельзя из дома ничего давать — отдашь хорошее, придет плохое; В понедельник деньги отдавать — всю неделю расходы [Там же].

Приведенные выше примеры были стремлением показать, что культурная информация хранится в разных единицах языка (словах, фразеологизмах, интонации), а культурные смыслы реализуются в определенных речевых ситуациях при выполнении этими единицами определенных функций. Но и в том случае, если слово называет что-либо в реальном или идеальном мире, оно способно хранить культурные смыслы, в которых проявляются этнические подходы к принципам и правилам жизни.

Рассмотрим это на примере двух слов — русского *алтарь* и его вьетнамского эквивалента *bàn thờ*.

Слово *алтарь* было заимствовано русским языком в древнерусский период (имело графический вид *олтарь*) и вошло в оборот уже в XI веке. Оно пришло из латинского языка через позднегреческий. Согласно материалам «Этимологического словаря русского языка» А.В. Семёнова, в латинском языке-источнике словами *altare*, *altar* называли место, где возносились жертвы (жертвенник). Отличительная черта жертвенника — его расположение: он располагался на высоте, на возвышении, на что указывает его связь со словом *altus* — «высокий», «возвышенный», «расположенный на высоте». Данный источник обращает внимание на возникновение новых значений у слова *алтарь* в русском языке, где оно стало обозначать «стол, престол», а также «главную, восточную часть православного храма, отделенную иконостасом и предназначенную для совершения христианского таинства» [Семенов]. Оба значения слова зафиксированы в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, в «Словаре русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой, в «Большом толковом словаре русского языка», гл. ред. С.А. Кузнецов.

В большинстве текстов слово *алтарь* выполняет номинативную функцию и является стилистически нейтральным, либо обозначая место, где возносятся жертвы языческим богам, либо главную часть православного храма. В качестве примеров можно привести следующие словоупотребления: к первому значению — «*Полутемный алтарь возвышался над всем храмом, и в глубине его тускло блестели золотом стены святилища, скрывавшего изображения Изиды*» (Куприн. Суламифь); ко второму значению — «*У алтаря лысогорской церкви была часовня над могилой маленькой княгини, и в часовне был поставлен привезенный из Италии мраморный памятник, изображавший ангела, расправившего крылья и готовящегося подняться на небо*» (Толстой. Война и мир). Но словари отмечают и наличие стилистических коннотаций у слова *алтарь* (книжн., поэт.), что можно видеть на примере следующего словоупотребления, в основе которого лежит метафорическое использование слова *алтарь*: «*Мы знаем, что любовь он похоронил еще в московском доме графини Нелидовой, и над разрушенным алтарем этого божества построил себе храм честолюбия и восторженного поклонения царственной женищине*» (Гейнце. Князь Тавриды).

Сфера первичного бытования слова *алтарь*, связанная с религией (язычеством и христианством), обусловила его синтагматическую сочетаемость в русском языке. Обратимся к материалам сайта КАРТАСЛОВ.РУ (kartaslov.ru): с одной стороны, слово сочетается со словами-атрибутивами, дающими характеристику алтаря: размеры (*большой, огромный, небольшой, маленький*), материал, из которого изготовлен (*каменный, мраморный, золотой*), назначение и местоположение (*домашний, переносной*), время изготовления (*древний, новый*), цвет (*черный,*

темный, золотой) и др. С другой стороны, соединяясь с существительными в функции зависимого слова, *алтарь* расширяет свои характеристики, становясь обозначением пространственных координат: *в сторону алтаря, у подножия алтаря, по бокам алтаря* и др. То же самое наблюдаем при анализе сочетаемости с глаголами, когда слово выступает в функции аргумента (*приблизиться к алтарю, посмотреть на алтарь, разрушить алтарь*). В функции субъекта (*алтарь опустел*) появляется семантика количества.

Включенное в метафору (*на алтарь отечества, любви, победы, науки, служения, свободы, искусства, борьбы, революции*), слово *алтарь* реализует семантику жертвенности человека (людей), связанного с какой-либо деятельностью: защитой родины, преобразованием общества, наукой или искусством. Метафорическое значение на первый план выдвигает именно человека, концентрирует внимание на жертвенности поведения людей, что-либо возносящих на алтарь. Однако нельзя не сказать об амбивалентности оценочных сем, связанных с представлениями о жертвенности: оценка может быть как положительной (*Наш народ положил 25 млн жизней на алтарь Победы¹*), так и отрицательной (*Но класть свой ум на алтарь тупорылой скромности, может, считать себя умнее других, втайне радоваться их идиотизму²*). Очевидно, что словоформа *на алтарь*, погружаясь в контекст, приобретает не только разную оценочность (она задается словами окружения), но и возвращает читателя к первообразу, когда алтарь воспринимается как языческий жертвенник, политый кровью жертвы: *Теперь она талдычила, что мир полон хищных людей, справедливости нет, совести тоже нет, нет и элементарной порядочности, а также ещё каких-то важных моральных категорий — я пропустил мимо ушей, — но деваться ей всё равно некуда, и пусть уж последнюю свою кровь она выльет на алтарь любви к золотому мальчику Степаше...³; Буш, может, и готов возложить себя на алтарь Отечества, но чтобы представить, как на тот же алтарь бодро возлагают Чейни и Рамсфельд — хотя бы даже и в компании красавицы Кондолизы, — для этого никакой фантазии не хватит⁴* (примеры отобраны с помощью Национального корпуса русского языка).

Таким образом, в русском языке *алтарь* сохраняет культурную информацию, связанную с религией, и транслирует культурные смыслы, связанные с идеей жертвенности во благо чего-либо.

Вьетнамское слово *bàn thờ* ([бан тхò]) переводится на русский язык словом *алтарь*. *Bàn thờ* (алтарь) связан с культом предков, существующим в культуре современного Вьетнама. Вьетнамцы считают, что души предков находятся рядом с ними в их доме. Место их бытования — *bàn thờ* (алтарь) — одно из самых важных мест дома или жилища. Важность заключается, например, в том, что на украшение алтаря тратятся большие средства, потому что внешний вид *bàn thờ* создает репутацию о семье. По убранству *bàn thờ* и по его чистоте (ухоженности) приходящие в дом люди делают вывод о том, как глубоко семья почитает предков, насколько семья материально благополучна. Именно поэтому *алтарь предков* (*bàn thờ*) устанавливается на самом видном и почетном месте в доме. Он выполняет особую функцию: помогает связываться с духами предков через ритуал общения с ними. Любое событие,

¹ Горбачев М., Архангельский А. «Надо изменить атмосферу» // Огонек. 2015.

² Сальников А.Б. Отдел // Волга. 2015.

³ Волос А. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001.

⁴ Соколов М. 21.IX — 27.IX // Известия. 2002.09.27.

происходящее в семье (рождение детей, свадьба) или дело, которое является важным для семьи (открытие нового бизнеса или отправка сына или дочери на учебу за границу), обязательно предполагает обращение к предкам. Вьетнамец (обычно это глава семьи) зажигает три ароматические палочки (huong), называет повод для обращения, называет того, кто обращается и просит предков о помощи. Палочки сжигаются в чаше для риса (bat huong), стоящей на алтаре. Даже если жизнь проходит без изменений и ничего необычного не происходит в семье, ароматические палочки huong всё равно раз в месяц нужно зажигать. Такое сжигание благовоний-палочек символизирует уважение и любовь (kính trong) к своим предкам, непрерывность жизни и связь нескольких поколений семьи. Обратим внимание на словосочетание kính trong. Словари дают ему следующее толкование: «уважать; уважение; чтить; почтение; почтительность; почитать; почесть; почёт; жаловать; уважаемый; достойный; достопочтенный». Но главное в чувстве kính trong — это любовь, соединенная с почитанием. Во вьетнамском языке словосочетание kính trong используется только для обозначения любви к тем людям, кого считают особо уважаемыми и почитаемыми, в первую очередь, к учителям и наставникам. Если же речь идёт о простых, обычных людях, то для обозначения своих чувств используется слово *quý* [куи] — «считать дорогим для себя» [Словарь вьетнамского языка: 814]. Именно поэтому среди вьетнамцев-христиан для обозначения любви к богу используется словосочетание kính trong. Так культ предков как ведущая религия Вьетнама и христианство стали использовать одно и то же понятие для называния своего отношения к обожествляемому.

Однако в современной культуре Вьетнама слово *bàn thờ* получает новые культурные смыслы, сохраняя известную всем культурную информацию. На его основе образован фразеологизм *tốc độ bàn thờ* [ток до бан тхо] (дословно «скорость алтаря»). Можно предположить, что это нулевая скорость, исходя из того, что *bàn thờ* стоит на месте и никуда не движется. Но это предположение ошибочно. *Tốc độ bàn thờ* обозначает слишком высокую скорость. Вьетнамские юноши любят быстро ездить (*гонять*) на мотоцикле. Оценивая такую езду, сопровождающуюся нарушением правил, люди полагают, что эти мотоциклисты торопятся на тот свет и хотят быстрее оказаться на алтаре и приобщиться к своим предкам. Таким образом, в современном вьетнамском языке фразеологизм *со скоростью алтаря* означает «очень быстро». Но «очень быстро» можно не только ездить, но и осуществлять продажи, набирать сотрудников. Для характеристики этой быстроты тоже используется оборот *со скоростью алтаря*. Еще один оборот, связанный с образом алтаря — *lên nóc tủ* ([лен нок ту] (дословно «подниматься на крышу шкафа»). У этого оборота прозрачная внутренняя форма. Во многих современных домах алтарь *bàn thờ* располагается наверху шкафа. *Подняться на верх шкафа* означает «умереть». В этом фразеологизме присутствует эмоциональная сема, которую можно обозначить как *шутливая*. Данный фразеологизм может встречаться в сопровождении других оборотов, связанных с поминальной трапезой: *ăn chuối cả nải* ([ан чуй ка най] (дословно «чтобы съесть целую гроздь бананов»), *ngắm gà khỏa thân* ([нгам га кхоа тхан] (дословно «чтобы посмотреть на голую курицу» т. е. очищенную от перьев и отваренную курицу). Смысл этих оборотов станет понятным, если мы будем знать, что на алтаре устанавливают фотографии предков. Предки с фотографий смотрят на те блюда, которые поедают живые во время трапезы. Но в любом случае вьетнамское понятие *bàn thờ* связано с представлениями о смерти.

Таким образом, культурные смыслы слов *алтарь* и *bàn thờ* имеют некоторые общие черты, но культурная информация обоих слов различается, что объясняется культурой каждого из народов.

Представленные в статье материалы показывают, что в значимых единицах языка — словах, фразеологизмах, а также в разнообразных предложениях типа примет можно выявить культурную информацию — сведения о культуре, идеологии, воззрениях, эмоциях и чувствах народа-носителя языка. Культурная информация, по-видимому, не может быть сведена только к лексикографической составляющей — она намного шире, поскольку может передаваться и интерпретироваться практически любым носителем языка — даже теми, кто никогда в жизни не пользовался словарями. Культурная информация по-разному интерпретируется и наполняется культурными смыслами, характер которых обусловлен ситуацией употребления языковых единиц, личностями коммуникантов, их целевыми установками, а также, как можно предположить, степенью их владения культурным фоном.

Список источников

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
- КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 18.04.2023).
- Никитина Т.Г. Большой словарь примет / сост. Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. Иванова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
- Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: Юнвес, 2003. 704 с. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 18.04.2023).
- Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981—1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01/ma103312.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 09.03.2023).
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
- Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/01/us102818.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 18.04.2023).
- Từ điển tiếng Việt. Chủ biên Hoàng Phê. Tái bản lần thứ 9. Đà Nẵng: «Nhà xuất bản Đà Nẵng», 2003. 1221 trang.
- (Словарь вьетнамского языка / гл. ред. Хоанг Фэ. 9-е издание. Дананг, 2003. 1221 с.)
- Từ điển bách khoa Việt Nam : trọn bộ 4 tập. Tập 1 (A-Đ). Hà Nội: Trung tâm biên soạn từ điển bách khoa Việt Nam, 1995. 964 trang.
- (Вьетнамский энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 1 (А-Đ). Ханой: Центр составления вьетнамского энциклопедического словаря, 1995. 964 с.)

Список литературы / References

- Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
- (Buslaev F.I. Teaching of the national language: Textbook for students of pedagogical institute, M., 1992, 512 p. — In Russ.)
- Васильев И.Г. Культурные смыслы переоценки дополнительного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы 14-й междунар. конф. 2016. С. 385—390.
- (Vasiliev I.G. Cultural meanings of revaluation of additional education, *Education through Life: Continuing education for Sustainable Development: Materials of the 14th International Conference*, 2016, pp. 385— 390. — In Russ.)

- Гвоздарев Ю.А. Пусть связь речений далека... Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1982. 206 с.
(Gvozdarev Yu. A. Let the connection of utterances be far away..., Rostov-na-Donu, 1982, 206 p. — In Russ.)
- Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М.: Русская книга, 1993. Т. I. С. 5—52.
(Dal V.I. Naputnoe, *Dahl V.I. Proverbs of the Russian people: Collection: In 3 volumes*, M., 1993, vol. I, pp. 5—52. — In Russ.)
- Журавлева Е. В. Испанский газетный текст как источник национально-культурной информации (на материале пиренейского и колумбийского национальных вариантов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 22 с.
(Zhuravliova E.V. Spanish Newspaper Language as a Source of National-Cultural Information (based on the Pyrenean and Columbian National Variant of the Spanish language), abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), 2022. — In Russ.)
- Камедина Л. В. Культурные смыслы православия в университетской среде (на примере Забайкальского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 39. С. 109—117.
(Kamedina L. V. Cultural meanings of Orthodoxy in the university environment (on the example of the Trans-Baikal State University), *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, 2021, vol. 39, pp. 109—117. — In Russ.)
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
(Karasik V.I. Linguistic crystallization of meaning. Moscow, 2010, 351 p. — In Russ.)
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: УрГУ, 1995. 144 с.
(Kupina N.A. Totalitarian language: vocabulary and speech reactions. Yekaterinburg; Perm: USU, 1995. 144 p. — In Russ.)
- Куприянов П.С. Два Зарядья: визуальные образы и культурные смыслы городского пространства // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 65—100.
(Kupriyanov P.S. Two Zaryadye: visual images and cultural meanings of urban space, *Cultural and humanitarian geography*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 65—100. — In Russ.)
- Меркулов И.П. Древняя «магия слова» и эволюция искусства аргументации // Философия науки. Вып. 9. Эволюция творческого мышления. М., 2003. С. 43—88.
(Merkulov I.P. Ancient “magic of the word” and the evolution of the art of argumentation, *Philosophy of science*, iss. 9, Moscow, 2003, pp. 43—88. — In Russ.)
- Микайлова И.Г. Культурные смыслы и культурные идеалы в воспроизводстве системной целостности субъектов сознания // Мир психологии. 2020. № 4 (104). С. 146—160.
(Mikaylova I.G. Cultural meanings and cultural ideals in the reproduction of the systemic integrity of subjects of consciousness, *The world of psychology*, 2020, no. 4 (104), pp. 146—160. — In Russ.)
- Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни (диахронический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 18 с.
(Mikova S.S. Linguistic means Reflecting Cultural Information in Russian Fables in Diachronic Aspect), abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 2011, 18 p. — In Russ.)
- Моченов В.П. Социальные факторы и культурные смыслы современного спорта // Национальные программы формирования здорового образа жизни. Международный научно-практич. конгресс. 2014. С. 514—521.

- (Mochenov V.P. Social factors and cultural meanings of modern sports, *National programs for the formation of a healthy lifestyle. International Scientific and Practical Congress*, 2014, pp. 514—521. — In Russ.)
- Норман Б. Основы языкознания. Функции языка // Русский язык. 2001. № 45. URL: <https://rus.lsept.ru/article.php?ID=200104508> (дата обращения: 09.03.2023).
- (Norman B. Fundamentals of Linguistics. Language functions, *Russian language*, 2001, no. 45. — In Russ.)
- Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1. С. 291—297.
- (Permilovskaya A. B. Cultural meanings of folk architecture of the Russian North, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, no. 2. vol. 1, pp. 291—297. — In Russ.)
- Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Культурные смыслы образования и медиамир // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 98—102.
- (Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. Cultural meanings of education and media world, *Questions of Philosophy*, 2020, no. 5, pp. 98—102. — In Russ.)
- Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / [Соч.] И. Снегирева. Кн. 1—4. М.: Университетская типография, 1831—1834. Т. 4.
- (The Russians in their proverbs: Reasoning and Research on domestic proverbs and sayings, ed. I. Snegirev, books 1—4, Moscow, 1831—1834, vols. 4. — In Russ.)
- Срезневский И.И. Русское слово: Избр. труды: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н.А. Кондрашов. М.: Просвещение, 1986. 176 с.
- (Sreznevsky I.I. Russian word: Selected works: Textbook for students of pedagogical institute, Moscow, 1986, 176 p. — In Russ.)
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа Языка русской культуры, 1996. 288 с.
- (Telia V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow, 1996, 288 p. — In Russ.)
- Токарев Г.В. Лингвокультурология: учеб. пособие. Тула: изд-во ТГПУ, 2009. 135 с.
- (Tokarev G.V. Linguoculturology: studies. Stipend, Tula, 2009, 135 p. — In Russ.)
- Тонкова Е.Е. Народная примета с позиции лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 18 с.
- (Tonkova E.E. Folk omen from the position of linguocognitivism and linguoculturology, abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), 2007, 18 p. — In Russ.)
- Чернова О.Е. Культурная информация в толковых словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. Вып. 3 (33). С. 547—550.
- (Chernova O.E. Cultural information in explanatory dictionaries, *Problems of history, philology, culturology*, 2011, iss. 3 (33), pp. 547—550. — In Russ.)
- Шапинская Е. Н. Спортивная символика: культурные смыслы и новые технологии // Фундаментальные и прикладные исследования физической культуры, спорта, олимпизма: традиции и инновации: материалы I Всеросс. науч.-практич. конф. М., 2017. С. 176—180.
- (Shapinskaya E. N. Sports symbols: cultural meanings and new technologies, *Fundamental and applied research of physical culture, sports, Olympism: traditions and innovations. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference*, Moscow, 2017, pp. 176—180. — In Russ.)
- Шарифи А., Бешарати З., Абдоллахи М. Культурно-религиозные смыслы числа «тысяча» в Коране // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4 (50). С. 102—115.
- (Sharifi A., Besharati Z., Abdollahi M. Cultural and religious meanings of the number “thousand” in the Quran, *Islamic studies*, 2021, vol. 12, no. 4 (50), pp. 102—115. — In Russ.)

CULTURAL MEANINGS AND CULTURAL INFORMATION IN THE SEMANTICS OF WORDS AND PHRASEOLOGY

Feniya F. Farkhutdinova, Kieu Anh Vu

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
fenfar@mail.ru, anhvu.bk@yandex.com

Abstract. The article considers one of the aspects of the problem Language and culture: the ability of significant units of language, primarily words and phraseological units, to store and transmit cultural information intergenerationally. Cultural information is a moving part of the semantics of linguistic units. It is realized not only in dictionary definitions, but also in texts, where it is interpreted in different ways and filled with different cultural meanings. Cultural meanings are determined by the nature of the texts in which language units are implemented, the situation of their use, the personalities of the communicants, their target settings, as well as the degree of their knowledge of the cultural background. Cultural information is related to the place of a linguistic unit in the linguistic picture of the world. This is especially evident when analyzing equivalent words in different languages, such as Russian and Vietnamese, or when comparing words that perform the same function in the language system.

Keywords: cultural information, cultural meanings, cultural background, semantics of language units

For citation: Farkhutdinova F. F., Kieu Anh Vu Cultural meanings and cultural information in the semantics of words and phraseology, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 83—94.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Фархутдинова Фения Фарвасовна — доктор филологических наук, профессор центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, fenfar@mail.ru

Farkhutdinova Feniya Farvasovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Center for Russian Studies and International Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, fenfar@mail.ru

Киеу Ань Ву — аспирант центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anhvu.bk@yandex.com

Kieu Anh Vu — postgraduate student of the Center for Russian Studies and International Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anhvu.bk@yandex.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 95—103.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 95—103.

Научная статья

УДК 81'373/374

DOI: 10.46726/И.2023.5.11

**«У ВСЯКОГО СВОЙ ВКУС: ОДИН ЛЮБИТ АРБУЗ,
А ДРУГОЙ — СВИНОЙ ХРЯЩИК»
(О смысловом наполнении понятия «бесприданница»
в пьесе А.Н. Островского)**

Хуснутдинов Арсен Александрович

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, arsen1418@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является установление особенностей реализации понятийного содержания слова в художественном тексте на материале пьесы А.Н. Островского «Бесприданница». С этой целью анализируется смысловое наполнение понятия «бесприданница» в пьесе А.Н. Островского применительно к представлениям ее главных героев. Основываясь на содержащемся в тексте пьесы указании «сколько приданых, столько и женихов», автор статьи устанавливает, какое именно «приданое» Ларисы Огудаловой оказывается ценным для основных героев пьесы и почему именно это «приданое» она не в состоянии им принести. Это позволяет многое объяснить в особенностях построения пьесы, развитии в ней конфликта, выборе персонажей и их роли в развитии сюжета, а также взглянуть на героев пьесы не только как на представителей определенных социальных групп с типичными для них чертами, но и как на индивидуальные личности. В статье делается вывод о важности исследования текста художественного произведения в данном аспекте. Указывается и один из путей, позволяющих решить эту задачу: создание авторского словаря отдельного произведения, в котором каждое слово, использованное автором в тексте, получает всестороннюю лексикографическую разработку, включая в себя и разнообразные сведения исторического, литературоведческого и энциклопедического характера. Такого рода словари, по мнению автора статьи, могли бы быть ценным пособием для изучения художественных произведений в высших и средних учебных заведениях и хорошим подспорьем для читателя.

Ключевые слова: язык личности, слово, понятие, смысл, слово в языке и речи, авторское употребление слова

Для цитирования: Хуснутдинов А.А. «У всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик»: (о смысловом наполнении понятия «бесприданница» в пьесе А.Н. Островского) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 95—103.

В «Словаре языка А.Н. Островского» слово **бесприданница** определяется как ‘девушка-невеста, не имеющая приданого’ [Словарь языка А.Н. Островского 1: 116]. Аналогично, только с пометами «устар.» и «разг.», подается это слово и в «Большом академическом словаре русского языка»: «**БЕСПРИДАННИЦА**, ы, ж. *Устар.* и *разг.* Девушка-невеста, не имеющая приданого. <...>» [БАС 1: 591]. Практически так же определяется это слово и в «Словаре к пьесам А.Н. Островского»: «**БЕСПРИДАННИЦА** — девушка, которая при выходе замуж не имеет приданого» [Ашукин и др.: 15]. Приведенные здесь

© Хуснутдинов А.А., 2023

2023. Специальный выпуск •

дефиниции отражают общеупотребительное значение слова **бесприданница** (в том числе и в «Словаре языка А.Н. Островского», так как именно в этом значении слово употребляется в текстах русского драматурга).

Однако общеизвестные слова, даже если они использованы в общеупотребительных формах, значениях и др. известных носителям языка свойствах, могут в определенных контекстуальных условиях приобретать особые смыслы. Эти смыслы могут быть в потенции заключены в содержании самого слова и в эксплицитном виде представляться в тексте или могут вкладываться автором в содержание слова как вероятностные, допустимые, возможные, что ведет к особому — авторскому — употреблению слова.

Определение и описание всех смыслов, вкладываемых русским драматургом в содержание каждого слова во всех его употреблениях, не входило в задачи «Словаря языка А.Н. Островского» (см. предисловие к словарю). Словарь ставил задачей описать весь лексикон писателя и показать его соотношение с русским языком XIX—XX веков как с точки зрения состава лексических единиц, так и с точки зрения их употребления в художественных и нехудожественных текстах, составляющих творческое наследие А.Н. Островского. Соответственно, описание всех смыслов, которые вкладываются в содержание входящих в лексикон автора слов и выражений и которые оказываются важными для читательского и зрительского восприятия конкретного произведения, составляет особую задачу. Эта задача, на наш взгляд, может быть решена при составлении словаря языка одного произведения, в котором будет представлена самая разная информация, имеющая отношение к данному тексту. (Заметим, что словари-энциклопедии, в том числе и энциклопедия А.Н. Островского [А.Н. Островский. Энциклопедия], не могут в полном объеме выполнить эту задачу в силу специфики словаря данного типа.) Основной целью данной статьи является выявление смыслов, вкладываемых А.Н. Островским в содержание понятия «бесприданница» в его пьесе, названной этим словом.

В названии пьесы слово *бесприданница* использовано в изолированном виде и, следовательно, употребляется в значении, известном носителям русского языка. Для определения содержания данного слова и стоящего за ним понятия («девушка-невеста, не имеющая приданого») необходимо установить содержание понятий «девушка-невеста» и «приданое». Если содержание понятия «девушка-невеста» не вызывает особых сложностей («девушка, достигшая возраста, когда она может выйти замуж»), то содержание понятия «приданое» требует более подробных комментариев.

Слово *приданое* в общепринятом значении определяется следующим образом: «**ПРИДАНОЕ**, ого, ср. 1. Имущество (деньги, вещи, недвижимость), дававшееся невесте ее родителями или родственниками при выходе ее замуж. <...>» [БАС 20: 169–170]. Дополнительные сведения находим в Словаре В.И. Даля: «**ПРИДАВАТЬ**, <...> *Приданое* ср. богатство невесты, что за нею идет по наследству, или в дар от родных; женино имущество. *Мужу передается роспись приданому, за подписью отца молодой. Подруги собираются к невесте шить приданое. Роспись приданому, тебе, молодцу удалому. Верь приданому после свадьбы. В приданом печь топить, а в своем в церковь ходить. Придавок* м. *придавки* мн. иск. *твр.* Придача, особн. товаром, придаток. *Приданка* ж. кал. Овца, отдаваемая, в крестьянстве, в приданое за дочерью, с тем, чтобы только приплод женск. пола принадлежал молодым. *Приданница* ж. невеста с богатым приданым; *бесприданницей* зовут, впохвалу, невесту, которую берут безо всего. *Приданницы*, девушки, шьющая приданое.

Приданницы пришли. Приданниками назывались дворовые, прислуга, отдаваемые за дочерью, в числе приданого. *Приданный* сщ. м. *пск.* свадебный поезжанин. <...> [Даль III: 410]. Ср. также: «ПРИДАНОЕ — имущество, которое получала девушка от своих родителей при выходе замуж. Для передачи приданого составлялась роспись или рядная <...>» [Ашукин и др.: 166]; «РОСПИСЬ — точная и подробная опись приданого с указанием стоимости каждой вещи. Роспись тщательно рассматривалась родителями жениха и нередко бывала поводом их споров с родителями невесты» [Там же: 180]; «РЯДНАЯ ЗАПИСЬ — точная опись приданого» [Там же: 182].

Из этих сведений мы можем вывести следующие заключения, имеющие отношение к задачам данной статьи: 1) в понимании русского человека бесприданница — девушка-невеста, не имеющая приданого в виде денег, имущества, вещей и т. п., т. е. в виде чего-либо материального, что может рассматриваться как имущество, богатство и т. д., которое в той или иной степени может обеспечить повышение благосостояния создающейся семьи; 2) в качестве приданого может быть то, что нужно для быта (белье личное, постельное, кухонное, посуда и т. д.), движимое и недвижимое имущество (включая людей — крепостных крестьян, дворовых), деньги, драгоценности и т. п.; 3) предполагается, что человеку, согласившемуся взять в жены девушку без приданого, необходима, ценна, желанна эта женщина сама по себе, как человек, как личность, с которой он готов прожить всю жизнь, что называется, «и в радости, и в горе». Ради такой женщины мужчина готов отказаться от того, что определяется как приданое. (Обратим внимание в этой связи на указание Даля — «впохвалу» — в цитате выше: «*Приданница* ж. невеста с богатым приданым; *бесприданницей* зовут, впохвалу, невесту, которую берут безо всего». Ср. также: «[Кнуров:] *Бесприданницы-то и находят женихов хороших*».)

«Бесприданница» Лариса Дмитриевна Огудалова в пьесе представлена как личность, обладающая качествами, которые позволяют характеризовать ее как женщину, созданную «для роскоши» и достойную соответствующего отношения: «барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное», «не глупа, а хитрости нет», «дорогой бриллиант», требующий, по замечанию Кнурова, «ювелира-художника» и т. д. Высказывания, действия и поступки Ларисы так же характеризуют ее как женщину умную, прекрасно осознающую свое положение, чуткую, самоотверженную, а вместе с тем и способную на решительный поступок. Даже стрелявшего в нее Карандышева она старается оградить от уголовного преследования, говоря, что это она сделала сама, что никто не виноват. Жизнь в «цыганском таборе» ей невыносима, она соглашается даже выйти замуж за первого, кто посватается, но для окружающих ясно, что ее надежды на тихую семейную жизнь в деревне не оправдаются. Лариса в пьесе представлена женщиной с такими качествами, которые сами составляют особое богатство, так что ее можно было бы взять в жены без какой-либо материальной «придачи» (в отличие, например, от невесты Паратова, которую, по Далю, можно назвать «приданницей», так как она, образно говоря, сама «придается» к золотым приискам). Но действительно ли Лариса «бесприданница» только в этом смысле? Каким еще «приданным», ценным в глазах главных героев пьесы, она обладает?

Начнем с Юлия Капитоныча Карандышева, «небогатого чиновника», который долго добивался руки Ларисы и по стечению обстоятельств оказался ее женихом. Действия и поступки Карандышева, характеризующие его личность, определяют главные герои пьесы и он сам, ср.: «[Вожеватов:] <...> *Ему бы жениться*

поскорей да уехать в свое именъишко, пока разговоры утихнут,— так и Огудаловым хотелось,— а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того и гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял: прежде и не слышать его было, а теперь все “я да я, я хочу, я желаю”»; «[Вожеватов:] Квартиру свою вздумал отделявать, — вот чудит-то. В кабинете ковер грошовый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тацит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь: человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюдето Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: “Прикажи подавать мой экипаж!”»; «[Огудалова:] До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: из ничего, да в люди попал»; «[Карандышев:] <...> Я рад, я счастлив... дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения! [Огудалова:] Повеличься. [Карандышев:] Да, повеличься, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличься» и др.

Карандышев всеми силами старается попасть в круг избранных людей города (хотя об этом обществе и о каждом из его членов он отзывается весьма негативно). Более того, Карандышев не просто хочет попасть в круг людей, составляющих лучшее в городе общество, но и пытается указать на свое превосходство перед ними, в частности на то, что он обладает более высокими качествами, чем они, причем не скрывает и того, что желает отплатить им за то их отношение к нему, которое он считает для себя унижительным и задевающим его самолюбие, ср.: «[Карандышев:] Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними»; «[Карандышев:] Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну. <...> Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны — то, господа... <...> То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного... <...> Она меня поняла, оценила и предпочла всем».

Таким образом, для Карандышева «приданным» являются не достоинства самой Ларисы как личности (чувства и мысли невесты его совершенно не интересуют), а возможность через нее войти в круг тех людей, которых — независимо от личных качеств человека — повсюду ждет почет и уважение, почтительное отношение и желание услужить. Но Лариса в этом смысле оказывается «бесприданницей», так как именно такого «приданого» она не хочет ему дать; наоборот, она постоянно просит Карандышева увезти ее из города как можно скорее.

Василий Данилыч Вожеватов, «очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы», с детства общается с Ларисой, («выросли вместе», как она говорит). В качестве друга дома и, вероятно, потенциального жениха он часто бывает у Огудаловых и хорошо осведомлен о положении и делах этой семьи.

Вожеватов еще молод, но уже богат и стремится воспользоваться всеми преимуществами своего положения, которое позволяет ему оплачивать любые желания и «удовольствия»: *[Кнуров:] Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится. [Вожеватов:] Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что ж делать! За удовольствия платить надо, они даром не даются, а бывать у них в доме — большое удовольствие». Он готов платить за развлечения, но всегда соразмерно получаемому удовольствию: *[Вожеватов:] Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я очень молод, а не зарвусь, лишнего не передам». Вожеватов не собирается жениться на Ларисе, не только потому, что он вообще не чувствует в себе того, что «любовью называют», но и потому, что действия и поступки человека, по его мнению, определяются «расчетом», т. е. соображением, нацеленным на получение какой-либо выгоды. Поэтому он женится только «подумавши», хотя к Ларисе его «тянет».**

Однако Лариса Вожеватову нужна, и нужна она ему не только для приятного проведения времени в обществе этой девушки. Для полного «удовольствия» Вожеватову не хватает роскошной любовницы, находящейся на его содержании и, соответственно, в полной его власти. Поэтому он не просто ходит к Огудаловым, а исподволь готовит Ларису к роли содержанки: *[Вожеватов:] Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы возю, которых девушкам читать не дают. [Кнуров:] Развращаете, значит, понемножку. [Вожеватов:] Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей — не опекун». Ради этого он готов потягаться даже с такими соперниками, как Кнуров, хотя в конце концов он предлагает просто бросить жребий. Но и проигрыш его не расстраивает: *[Вожеватов:] <...> Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше».**

Таким образом, «приданным» Ларисы для Вожеватова является ее роль в качестве роскошной любовницы — «дорогого бриллианта в дорогой оправе» у «хорошего ювелира». Лариса в этой роли должна была бы не только удовлетворять потребности Вожеватова в удовольствиях, но и демонстрировать всем его блестящее положение, а его самого представлять как состоятельного и преуспевающего человека. Для достижения этой цели он готов действовать, нести расходы и т. д., хотя и до определенных пределов, ибо «всякому товару своя цена есть». Однако у Ларисы даже мысли нет о такой ее роли, о чем сам Вожеватов говорит с сожалением: *[Вожеватов:] Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч. <...> Не таких правил люди: мало ли случает-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж». Поэтому и для Вожеватова Лариса Огудалова оказывается «бесприданницей».*

Сергей Сергеич Паратов, «блестящий барин», судохозяин. Паратов живет «с шиком», хотя для этого ему приходится продавать свои баржи и пароходы. Определение Островского — «блестящий барин» — очень точно характеризует этого героя. Паратов хочет «блистать» в любом окружении, он делает все, чтобы все вокруг него им восхищались, ему поклонялись, угождали, даже любили его, причем не по принуждению и «арифметике», а «по душе». Он общителен, легко (в отличие, например, от Кнурова) входит в контакт с людьми разного круга, щедр, способен на экстраординарные поступки. Поэтому его встречают выстрелом из пушки, четверней специально подобранных иноходцев, приберегают для него ананасы и т. д. (Вожеватову, стремящемуся получить от жизни максимум удовольствий, есть чему поучиться у Паратова.

Некоторые реплики Вожеватова настолько в духе Паратова, что можно легко увидеть, с кого он берет пример: «*[Вожеватов:] Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет; а за недостачу ответишь*» и др. И с Ларисой он поступает так же, как и Паратов: «*[Лариса:] Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!* *[Вожеватов:] Не могу, ничего не могу. [Лариса:] И у тебя тоже цепи? [Вожеватов:] Кандалы, Лариса Дмитриевна».*)

Паратов ясно понимает, кто есть кто, и в общении с людьми ведет себя в соответствии с «табелью о рангах»: с Кнуровым — уважительно и на равных, с «тетенькой» Огудаловой — снисходительно, с цыганами и слугами — панибратски и т. д. И конечно, он не потерпит нарушения правила, выраженного пословицей «Всяк сверчок знай свой шесток», не простит и «казнь придумает» тому, кто «забываться станет», «петушиться вздумает». Не может стерпеть Паратов и поведения Карандышева на обеде: если в качестве «казни» он задумал сначала только подпойть Карандышева, то уже во время обеда решает увезти от него невесту, что будет позором для жениха.

Паратову важно быть в центре внимания, быть окруженным поклонниками и теми, кто его ублажает и развлекает. Именно такая жизнь по душе Паратову, и для такой жизни Паратову ничего (и — добавим — никого) не жаль: «*[Паратов:] Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно*». И возможность жениться на Ларисе он отвергает с самого начала: «*[Паратов:] Ведь я было чуть не женился на Ларисе, — вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака*». Для Паратова Лариса — в ряду тех, кто его обожает, ублажает, исполняет его прихоти, причем делает это не «по обязанности», а «по душе». По сути, это и есть «приданое» Ларисы для Паратова: она должна делать для него все, что он хочет, довольствоваться тем положением, которое он для нее определил, и при этом не предъявлять к нему каких-либо претензий. Но Лариса не может дать Паратову такого «приданого»: она требует от Паратова исполнения обязательств, которые, по ее мнению, он взял на себя, увозя ее от жениха накануне свадьбы. Судьба Ларисы как человека Паратова мало интересует, ему важна «его собственная гордость»: «*[Паратов:] Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело*». Поэтому Паратов легко оставляет Ларису, нисколько не задумываясь о ее чувствах, положении и т. д.

Совсем иное отношение к Ларисе мы наблюдаем у Мокия Парменыча Кнурова, который в пьесе определяется как человек с «громдным» состоянием, «один из крупных дельцов последнего времени». Кнуров образован (читает французскую газету), в годах, женат. Но можно предположить, что у него нет особой привязанности к жене, так как он всюду один. Вероятно, есть еще причины, которые не позволяют Кнурову открыто демонстрировать свое внимание к Ларисе, хотя он сам признается, что общаться с ней для него «действительно удовольствие». Однако реплики Кнурова и его поведение позволяют очень четко отличать его отношение к Ларисе от отношения к ней других героев: он не просто «получает удовольствие», находясь в обществе Ларисы, как Вожеватов и другие, а, понимая ее положение, переживает за нее и думает о том, как обеспечить ей достойную жизнь, ср.: «*[Кнуров:] Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль*»; «*[Кнуров:] <...> Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует*»; ср. также реакцию Кнурова и Вожеватова

на события: «[Кнуров:] Кажется, драма начинается. [Вожеватов:] Похоже. [Кнуров:] Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел. [Вожеватов:] Да ведь у них дешево. [Кнуров:] Как хотите, а положение ее незавидное. [Вожеватов:] Дело обойдется как-нибудь. [Кнуров:] Ну, едва ли. [Вожеватов:] Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет. [Кнуров:] Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергееч приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергееча; иначе зачем он ей! [Вожеватов:] Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее? [Кнуров:] Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее! [Вожеватов:] Мудреного нет; Сергей Сергееч ни над чем не задумается: человек смелый. [Кнуров:] Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет. [Вожеватов:] Еще бы! что за расчет! [Кнуров:] Так посудите, каково ей, бедной!»). Он знает, что Лариса особенная: [Вожеватов:] Что это вы очень жалостливы стали? [Кнуров:] Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует. <...> В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится»).

Кнуров считает, что Ларисе, и особенно теперь, необходимо «теплое участие сильного, богатого человека», «доброе друга, солидного, прочного», «когда она может разойтись с мужем» (что для него очевидно), и прямо говорит ее матери, что он может быть для Ларисы таким человеком. Узнав, что Лариса выходит замуж, он приходит к Огудаловой и предлагает ей оплатить невестин «гардероб», причем требует, чтобы этот гардероб был «очень хороший», так как ему «обидно будет видеть, если ее оденут кой-как». Кнуров желает Ларисе «только добра и счастья» и считает себя обязанным принять участие в ее судьбе, причем готов сделать для нее все, быть ее преданным слугой и исполнителем всех ее желаний: «[Кнуров:] <...> Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало».

Таким образом, из всех героев пьесы только Кнуров видит в Ларисе личность, человека особенного, необыкновенного, обладающего исключительными качествами, которые сами по себе составляют богатство. Он считает себя обязанным принять участие в ее судьбе, обеспечить ее всем необходимым для того, чтобы она могла реализовать свои способности, была благополучна и счастлива. Это Кнуров мог бы сделать, взяв в жены Ларису-бесприданницу. Однако жениться на Ларисе он не может, поэтому вариант с выездом за границу, предложенный Ларисе Кнуровым, выглядит самым «щадящим», причем не только для Ларисы.

Представленные выше наблюдения позволяют вывести несколько суждений, которые могут иметь значение не только характеристики языка пьесы А.Н. Островского «Бесприданница».

Слово (и, добавим, фразеологизм) в текстах А.Н. Островского, как и в текстах любого писателя-классика, требует научного описания не только с точки зрения соотношения лексики автора с лексикой и фразеологией русского национального языка в целом по составу и употреблению, но и с точки

зрения реализации слова и выражения и выражаемых ими понятий в конкретном тексте и отдельных его фрагментах с учетом типа текста и жанра произведения, времени создания, замысла и целевых установок автора, способов реализации задуманного и т. д.

Эта задача, на наш взгляд, в значительной степени или в значительной своей части может быть решена путем создания словарей отдельного произведения, в которых может быть представлена самая разнообразная информация, имеющая отношение к данному тексту. Опыт создания таких словарей в различных модификациях имеется у нас и за рубежом*. Создание таких словарей, посвященных произведениям А.Н. Островского, внесет вклад не только в исследование творческого наследия великого русского драматурга, но и в теорию и практику словарного дела в России.

Словарь этого типа потребует всестороннего и целостного, т. е. собственно филологического, описания произведения как в направлении от слова к произведению, так и в направлении от произведения к каждому конкретному слову в нем.

Такой филологический комментарий важен не только с чисто научной точки зрения: он может быть — если говорить применительно к пьесам А.Н. Островского — хорошим подспорьем для читателей, зрителей, актеров и режиссеров нашего времени и в будущем. Несомненно также, что такой труд мог бы использоваться как методическое пособие при изучении конкретного произведения и всего творческого наследия автора в общеобразовательной школе и высших учебных заведениях.

Список источников

- А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. 660 с.
- Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Moscow, 1990. 247 с.
- Большой академический словарь русского языка (БАС) / РАН, Ин-т лингв. исслед. Т. 1—25. СПб.: Наука, 2004—2019 (издание продолжается).
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1990.
- Словарь языка А.Н. Островского: в 4 т. Шуя: ШГПУ, 2012.
- Островский А.Н. Бесприданница // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. Т. 5. М.: Искусство, 1975. С. 7—81.

“EVERYONE HAS THEIR OWN TASTE: ONE LOVES A WATERMELON, BUT THE OTHER — A PORK GRISTLE” (On the semantic content of the concept “without a dowry” in the play by A.N. Ostrovsky)

Khusnutdinov Arsen Aleksandrovich

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, arsen1418@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to establish the features of implementation the conceptual content of a word into a literary text. The paper is based on the play by A.N. Ostrovsky “Without a Dowry”. For this purpose, the semantic content of the concept “without a dowry” in the play by A.N. Ostrovsky is analyzed in relation to the ideas of its

* См., например, обзоры авторских словарей этого типа в учебниках и учебных пособиях к специальным курсам и разделам общих курсов, посвященным отечественной лексикографии (Лексикография русского языка. СПб.: СПбГУ, 2009. 672 с. и др.)

main characters. Based on the indication contained in the text of the play “how many dowries, so many fiancés”, the author of the article establishes what kind of “dowry” of Larisa Ogudalova is valuable for the main characters of the text and why she is not able to bring this “dowry” to them. This makes it possible to explain a lot in the peculiarities of the construction of the play, the development of the conflict in it, the choice of the characters and their role in the development of the plot, and also to look at the characters not only as representatives of certain social groups with typical features for them, but also as individuals. The article concludes that it is important to study the text of any literary work in this aspect. One of the ways to solve this problem is also indicated: the creation of an author's dictionary of a separate work, in which each word used by the author in the text receives a comprehensive lexicographic description, including various historical, literary and encyclopedic information. Such dictionaries, as the author considers, could be a valuable tool for studying works of art in higher and secondary educational institutions and a good help for the reader.

Keywords: personality language, word, concept, meaning, word in language and speech, author's use of the word

For citation: Khusnutdinov A.A. “Everyone has their own taste: one loves watermelon, but the other — a porkgristle” (On the semantic content of the concept “without a dowry” in the play by A.N. Ostrovsky), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 95—103.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 11.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Хуснутдинов Арсен Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, arsen1418@mail.ru

Khusnutdinov Arsen Aleksandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, arsen1418@mail.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 104—115.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 104—115.

Научная статья

УДК 378.1(091):94(3)

DOI: 10.46726/И.2023.5.12

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ В СТЕНАХ ИВАНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Андрей Валентинович Пикин

Университет непрерывного образования и инноваций,
г. Иваново, Россия, andrewvpikin@gmail.com

Александра Аркадьевна Бабина

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, alex.babina@mail.ru

Эдуард Мгерович Манукян

Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия, manukyan_33@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории изучения Поздней Античности в Ивановском университете. Изучение темы началось в 1990-х годах, ключевой фигурой этого периода стал И.В. Кривушин. Постепенно Поздняя Античность становится ключевой темой для исторических исследований кафедры истории древнего мира и средних веков. И.В. Кривушин воспитал ряд учеников, продолживших изучение. Исследователи постепенно переходят от рассмотрения позднеантичных историков и их методов историописания к антропологическим и социально-политическим проблемам.

Ключевые слова: историография, Поздняя Античность, Ивановский университет

Для цитирования: Пикин А.В., Бабина А.А., Манукян Э.М. Изучение Поздней Античности в стенах Ивановского университета // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 104—115.

История начинается в Шумере, а история изучения Поздней Античности в Иванове началась... в Ленинграде/Санкт-Петербурге. И связана она с именем Ивана Владимировича Кривушина. Однако стоит начать с другого автора, который повлиял на всю советскую, а затем и российскую традицию изучения Поздней Античности. С Георгия Львовича Курбатова, квинтэссенцией взглядов которого на Позднюю Античность стала книга 1984 г., посвященная проблеме перехода от античности к феодализму в Византии и написанная в соавторстве с Г.Е. Лебедевой [Курбатов, Лебедева]. Фактически впервые

в отечественной науке был поставлен вопрос о самом существовании Поздней Античности как отдельного явления.

Именно Георгий Львович выступил руководителем кандидатской диссертации И.В. Кривушина, защищенной в 1991 г., и продолжал так или иначе оказывать влияние на идейные поиски Ивана Владимировича в дальнейшем. Вскоре после защиты диссертации И.В. Кривушин возвращается в Иваново и сначала «становится неформальным лидером на кафедре» истории древнего мира и средних веков исторического факультета ИвГУ, а затем возглавляет ее [Тюленев 2009: 311]. Появление И.В. Кривушина на кафедре сразу же изменило на ней научную атмосферу. Не только появилось новое направление исследований, но и активизировалась издательская деятельность. По итогам своего диссертационного исследования И.В. Кривушин подготовил ряд статей для ведущих византиноведческих журналов и монографию [Krivushin 1993, Krivushin, Кривушин 1996], став один из самых ярких и узнаваемых российских византинистов. Хотя Иван Владимирович и воспринимал предмет своего изучения, скорее, как ранневизантийскую историческую литературу (на почве чего и сошелся с Я.Н. Любарским, тоже представителем петербургской византиноведческой школы), специфика исследования Феофилакта Симокатты, главного героя его кандидатской диссертации, показывает, что подходы к изучению текста были такими же, как и у ведущих исследователей Поздней Античности, понимаемой в качестве особого исторического явления. Основной упор делался на рассмотрение многогранности исторического памятника, не только как явления историографии, но и литературы в целом.

Работа над изучением «Истории» Симокатты привела к естественному сравнению автора с Евагрием Схоластиком и его «Церковной историей» [Krivouchine]. А отсюда для понимания специфики жанра церковных историй необходимо было заняться Евсевием Кесарийским, Сократом Схоластиком и вообще ранневизантийской церковной историографией в целом [Кривушин 1994; Кривушин 1997; Кривушин 1998 и др.]¹.

Работа на кафедре, попытка сформировать на ней новое исследовательское направление предполагали подготовку кадров, прежде всего аспирантских. За сравнительно недолгое время работы на факультете Иван Владимирович подготовил трех кандидатов наук, также изучавших период Поздней Античности — Владимира Михайловича Тюленева (1999), Дмитрия Валериевича Кареева (2001), Елену Львовну Федорову (2003). В первых двух случаях мы наблюдаем одну и ту же закономерность, идущую, несомненно, по наставлению руководителя — прежде защиты диссертации публикуется перевод основного источника — «О смертях преследователей» Лактанция (СПб., 1998) и «Бревиарий от основания Города Евтропия» (СПб., 2001), а некоторое время спустя — монография [Тюленев 2000, Кареев 2004]. Помимо этого, под редакцией Ивана Владимировича выходит ряд сборников, в которых так или иначе вышеназванными исследователями рассматривалась позднеантичная тематика («Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе», 1998; «Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения», 2000; «Личность — идея — текст в культуре Средневековья и Возрождения» 2001; «Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации», 2002). Здесь и происходит то изменение, которое будет сопровождать изучение Поздней

---

¹ К сожалению, объем статьи не позволяет привести в ней все публикации упоминаемых авторов, поэтому мы здесь и далее ограничимся наиболее важными работами.

Античности в Ивановском университете. Для лучшего понимания этого изменения, на наш взгляд, необходимо процитировать редакторское предисловие к одному из сборников, посвященному памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой: «Освоение и введение в научный оборот оригинальных средневековых текстов Клавдия Дмитриевна Авдеева считала одной из главных задач современной науки. Она приложила много усилий, чтобы воспитать у своих учеников умение работать с историческим источником, видеть в нем внутреннюю логику, быть внимательным к каждому его слову. Вот почему в сборник включен также раздел, в котором представлены переводы фрагментов еще не переведившихся... на русский язык греческих, латинских, древнеанглийских и французских текстов VI—XVII вв. — как собственно исторических сочинений, так и трудов историко-философского характера» [Кривушин 2000: 6]. Уже в этом сборнике опубликован ряд переводов под редакцией Владимира Михайловича Тюленева и Людмилы Алексеевны Самуткиной (Аноним Вalezия, Иоанн Малала, Исидор Севильский, Ненний). Переводческое направление постепенно становится и остается одним из ведущих на кафедре.

Так, В.М. Тюленев подготовил перевод «Истории против язычников» Павла Орозия (СПб., 2001—2003) и в виде приложения к монографии — перевод «Церковной истории» Руфина Аквилейского (СПб., 2005), непосредственно связанных с докторской диссертацией. Подготовленная под руководством профессора СПбГУ, ученицы Г.Л. Курбатова, Галины Евгеньевны Лебедевой диссертация — «Возникновение и развитие латинской христианской историографии в IV — начале V века» и изданная по итогам защиты монография [Тюленев 2005] словно закольцевали ученическую часть развития изучения Поздней Античности в Ивановском университете. Между тем В.М. Тюленевым были продолжены исследования доникейских апологетов, результатом чего стали переводы «Божественных установлений» и малых сочинений Лактанция (СПб., 2007), а также «Против язычников» Арнобия (СПб., 2013).

Несколько слов стоит сказать о заслугах Л.А. Самуткиной. Кандидат филологических наук, доцент, защитившая в конце 80-х диссертацию о Плутархе и его поэтических источниках, она работала на факультете романо-германской филологии ИвГУ и неоднократно принимала участие в круглых столах, симпозиумах и конференциях, организованных И.В. Кривушиным. Ею был подготовлен ряд статей и монография, посвященная ранневизантийскому историку Иоанну Малале [Самуткина 2001], изучение которого, как мы уже указывали выше, сопровождалось изданием перевода отдельных книг «Хронографии», а затем подготовила перевод и некоторых других книг (Иваново, 2000, 2002; Белгород, 2014). Исследование Малалы естественным образом привело к сравнению его текста с источниками, созданными приблизительно в то же время, в первую очередь с «Пасхальной хроникой» [Самуткина 2002]. В итоге Л.А. Самуткина подготовила и издала перевод первой части хроники от Адама до Фарры, отца Авраама (СПб., 2004), пытаясь вместе с тем разобрать отдельные аспекты труда Малалы и «Пасхальной хроники» [Самуткина 2005, Самуткина 2010, Самуткина 2011 и др.].

К сожалению, полноценного развития эти штудии не получили. Целая серия причин, говорить о которых в данной статье нет необходимости, привела к тому, что Иван Владимирович вынужден был уехать в Москву, Д.В. Кареев начал активнее работать на социолого-психологическом факультете и сосредоточился не столько на изучении конфликтов древности, сколько на понимании их социальной природы, Л.А. Самуткина перебралась в Санкт-Петербург,

стала докторантом СПбГУ. Отъезд сначала И.В. Кривушина, а затем Л.А. Самуткиной из университета крайне негативно сказался на судьбе позднеантичных исследований, проводимых в Иванове. Уехали не просто талантливые ученые, но прежде всего — специалисты, владеющие древнегреческим языком, которые могли бы поддерживать в качестве особого «греческое» направление в изучении Поздней Античности. С 2003 г. кафедру истории древнего мира и средних веков возглавил В.М. Тюленев. Готовя докторскую диссертацию по раннехристианской латинской историографии, он попытался закрепить на кафедре тему позднеантичного и средневекового историописания, результатом чего стал сборник, выпущенный в 2005 году — «Мир истории и история мира в раннесредневековой Европе». Однако разнообразие тем, разрабатываемых на кафедре (от Поздней Античности, раннесредневековой Британии до эпохи Возрождения) требовали того, чтобы усилия ее преподавательского состава были направлены на поиски точек соприкосновения в науке. Постепенно не без влияния так называемого антропологического поворота на первый план стала выходить проблема человека в истории [Тюленев 2009: 314—315]. Подобный переход к тематике человека естественным образом привел к созданию в 2008 г. альманаха CURSOR MUNDI, основной темой которого стала историческая антропология [Тюленев, Гвоздецкая: 3].

Вопросы понимания в эпоху Поздней Античности человека, его природы и назначения стали также предметом диссертационных исследований, готовившихся на кафедре. В 2013 г., несмотря на множество перипетий, о которых, возможно, еще будет время написать отдельно, диссертацию о воззрениях Арнобия и Лактанция на человека защитила Виктория Николаевна Солнцева (2013), чья работа, пожалуй, стала на кафедре последней, специально посвященной латинской христианской апологетике. Постепенно антропологический дискурс уводил В.М. Тюленева в область не только и не столько интеллектуальной, сколько социальной истории, чему способствовало «обретение» нового героя в лице Эннодия, чья жизнь связана и с историей Остготского королевства, и Церкви, и школы, и в целом латинской риторической культуры. За несколько лет удалось подготовить перевод ряда текстов Эннодия, издав их не только в альманахе CURSOR MUNDI, но и в петербургском «Издательстве Олега Абышко» (СПб., 2013). Но это были лишь первые шаги. Далее выходят несколько статей о нем [Тюленев 2014; Тюленев 2018а; Тюленев 2021; Тюленев 2022а; Тюленев 2022b], переводы писем и речей. И если в сочинениях, переведенных до 2013 г., основной упор делался на сохранение римскости во взаимодействии с варварами, то позже внимание смещается к пониманию римскости как неотъемлемой части программы воспитания. Это приводит к изучению позднеантичной школы на Западе [Тюленев 2017а; Tyulenev V.M., Khazina A.V., Sofronova L.V. et al.; Тюленев 2017b; Тюленев 2018b; Тюленев 2018с; Тюленев 2019а] и тех текстов, что становились теорией обучения в школе. По итогам этого исследования в Ивановском университете была выпущена монография, в центр внимания в которой была поставлена позднеантичная школа на латинском Западе в самом широком ее понимании: от школы как социального института до представлений позднеантичных авторов о месте и назначении образования в переломную эпоху, связанную с вторжением варваров, с одной стороны, и христианизацией, с другой [Тюленев 2019b].

Также с позиций исторической антропологии начал изучение на кафедре творчества Сидония Аполлинария Эдуард Мгеревич Манукян. Анализ переписки Сидония с разными лицами [Манукян 2013; Манукян 2014а;

Манукян 2015; Пикин, Манукян] и осмысления им своей роли как епископа [Манукян 2018, Манукян 2020a] привели Э.М. Манукяна к размышлениям о роли позднеантичного интеллектуала в целом. А это, в свою очередь, потребовало определенного смещения фокуса на разработку теоретических проблем Поздней Античности [Манукян 2017; Манукян 2019; Манукян 2020b].

Другим направлением на кафедре стало изучение политических практик Поздней Античности. И помимо традиционного уже рассмотрения наследия Аммиана Марцеллина Е.Л. Федоровой [Федорова 2013], позднеантичных римских историков и их идейных основ Д.В. Кареевым [Кареев 2018, Кареев 2020, Кареев 2021], Андрей Валентинович Пикин начал заниматься проблематикой участия церковных деятелей в политических посольских миссиях [Пикин 2015a; Пикин 2015b; Пикин 2016a; Пикин, Манукян], что в итоге вылилось в диссертационное исследование (2016), проблематика которого получила развитие и в последовавших за защитой статьях [Пикин, 2018, Пикин 2021a, Пикин 2021b].

Как уже не раз было сказано, работа молодых исследователей Поздней Античности на кафедре традиционно сопровождается практикой перевода источников. Под руководством В.М. Тюленева с этого начинали многие молодые специалисты [Горбунова 2013; Прогунова 2014; Цивилева 2018; Цивилева 2020, Казакова 2021, Казакова 2022]. Но особого успеха удалось достичь Александре Аркадьевне Бабиной. Совместно с В.М. Тюленевым был подготовлен перевод важного для понимания позднеантичной и раннесредневековой традиции агиографического памятника «Жития святого Германа» (Иваново, 2019). Изучение этого источника совместно с другими житиями привело к довольно интересным выводам в отношении модели изображения святых в тех или иных условиях, для них, казалось бы, нехарактерных [Бабина 2018; Бабина 2021; Бабина 2022], что в свою очередь стало основой для диссертационного исследования, защищенного в 2023 г.

За прошедшие 30 с небольшим лет, как стало формироваться на кафедре направление, связанное с изучением интеллектуального наследия Поздней Античности, сделано немало: вышло множество переводов², подготовлен ряд диссертаций, монографий, статей, опубликовано несколько сборников статей. Не без участия ивановских антиковедов и медиевистов вышли из тени многие авторы (Эннодий, Констанций Лионский, Евхерий Лионский, Максим Туринский, Север Меноркский), какие-то, давно признанные значимыми фигурами своего времени, обрели новое звучание (Орозий, Сидоний Аполлинарий, Августин, Иоанн Кассиан Римлянин, Кассиодор). Начавшись с рассмотрения историков IV—VII веков, изучение Поздней Античности в Ивановском университете заметно расширило круг исследовательских вопросов. В настоящее время разрабатывается ряд тем, далеко отстоящих от первоначальной историографической проблематики. Внимание сосредоточилось на исследовании интеллектуальной истории позднеантичного Запада (В.М. Тюленев), христианских практик и особенностей их развития (В.М. Тюленев, А.А. Бабина), в том числе отношений с иудеями (В.Е. Цивилева) [Цивилева, Тюленев], проводится изучение вопросов, связанных с особенностями Поздней Античности как явления, церковно-политических практик (А.В. Пикин, Э.М. Манукян). Авторы

---

² В этой связи нельзя не упомянуть об участии В.М. Тюленева в подготовке переводов на русский язык трудов Иоанна Кассиана Римлянина и Августина Аврелия (Издательство «Сибирская благовонница» 2020, 2021, 2022), а также Кассиодора Сенатора (Издательство Московской духовной академии).

настоящей статьи надеются, что это не последняя точка на пути исследования проблем, которые ставит эпоха Поздней Античности.

Список литературы / References

- Krivouchine I.V. La révolte près de Monocarton vue par Évagre, Théophylacte Simocatta et Théophane, *Byzantion*, vol. 63, 1993, pp. 154—172.
- Krivushin I.V. Theophylact Simocatta's conception of political conflicts, *Byzantinische Forschungen*, Bd. 19, 1993, S. 171—182.
- Krivušin I.V. Les personnages dans les Histoires de Théophylacte Simocatta. Réalité et fiction, *Byzantinoslavica*, t. 55, 1994, pp. 8—14.
- Tyulenev V. M., Khazina A. V., Sofronova L. V. et al. "The Greek World" in the perception of Latin intellectuals, *European Research Studies Journal*, 2017, vol. 20, iss. 4, pp. 651—659.
- Бабина А.А. Образ святого-воина в латинской агиографической литературе IV—VI вв. // *Via in Tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48. № 1. С. 15—24.
- (Babina A.A. The Image of a Saint-Warrior in the Latin Hagiographic Literature of the 4—6 Centuries, *Via in tempore. History and political science*, 2021, vol. 48, no. 1, pp. 15—24. — In Russ.)
- Бабина А.А. Образ святого-епископа в «Житии св. Германа Осерского» // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2018. № 10. С. 5—22.
- (Babina A.A. The Image of the Holy Bishop in Vita Germani Episcopi Autissiodorensis, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2018, no. 10, pp. 5—22. — In Russ.)
- Бабина А.А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV—V вв. // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. № 1. С. 85—94.
- (Babina A.A. Miracles as an Element of the Patron-Saint Model in the Gallic Hagiography of the IV—V Centuries, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2022, no. 1, pp. 85—94. — In Russ.)
- Горбунова Ю.А. Мартин Брагский. Об исправлении простолудинов (вступ. ст., пер. с лат. и коммент. Ю.А. Горбуновой) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2013. № 5. С. 160—174.
- (Gorbunova Yu.A. Martin Bracaraensis. De Correctione Rusticorum (Introd., Transl. and comm. by Yu. A. Gorbunova), *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2013, no. 5, pp. 160—174. — In Russ.)
- Казакова А.А. Два портрета остготских правителей (образ Амаласунты и Теодата в "Вариях" Кассиодора) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2021. № 12. С. 14—26.
- (Kazakova A.A. Rhetoric of Cassiodorus in the Messages of Amalasuetha and Theodahadus to the Emperor and the Roman Senate, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2021, no. 12, pp. 14—26. — In Russ.)
- Казакова А.А. Кассиодор. Варии XI, 1. (вступ. ст., пер. с лат. и коммент. А.А. Казаковой) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2022. № 13. С. 22—34.
- (Kazakova A.A. Cassiodorus. Varia XI, 1: Introduction, Translation and Commentary, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2022, no. 13, pp. 22—34. — In Russ.)
- Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб.: Алетейя, 2004. 248 с.
- (Kareev D.V. Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his "Breviary from the Foundation of the city". Saint Petersburg, 2004. 248 p. — In Russ.)

- Кареев Д.В. Римско-персидские войны в интерпретации “малых” римских историков IV века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 2 (68). С. 135—150.
(Kareev D.V. Roman-Persian Wars in the Interpretation of “Small” Roman Historians of the 4th century AD, *Problems of History, Philology and Culture*, 2020, no. 2 (68), pp. 135—150. — In Russ.)
- Кареев Д.В. Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 4 (62). С. 135—152.
(Kareev D.V. Battle of the Fortress Singara and Roman-Persian Wars of Constantius II: The Chronology and Sequence of Events, *Problems of History, Philology and Culture*, 2018, no. 4 (62), pp. 135—152. — In Russ.)
- Кареев Д.В. Фест и его *Breviarium rerum gestarum populi Romani*: к вопросу об авторе, структуре и источниках // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 4 (74). С. 252—269.
(Kareev D.V. Festus and His *Breviarium Gestarum Populi Romani*: The Author, Structure and Sources, *Problems of History, Philology and Culture*, 2021, no. 4 (74), pp. 252—269. — In Russ.)
- Кривушин И.В. Иоанн Никиусский и гражданская война в Египте // Византийский временник. Т. 57. 1997. С. 45—57.
(Krivushin I.V. John the Nikiu and the Civil War at Egipt, *Vizantiiskii vremennik*, vol. 57, 1997, pp. 45—57. — In Russ.)
- Кривушин И.В. История и народ в церковной историографии V века. Иваново: Издательство ИВГУ, 1994. 99 с.
(Krivushin I.V. History and People in the Church Historiography of the Vth century. Ivanovo, 1994. 99 p. — In Russ.)
- Кривушин И.В. История между порядком и хаосом: Концепция политических конфликтов Феофилакта Симокатты. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. 130 с.
(Krivushin I.V. History between the Order and the Chaos. The Political Conflicts Conception by Theophylactes Simocatta. Ivanovo, 1996. 130 p. — In Russ.)
- Кривушин И.В. Предисловие // Формы исторического сознания от Поздней Античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. С. 5—6.
(Krivushin I.V. From the Editors, *Forms of historical consciousness from Late Antiquity to the Renaissance (Studies and texts)*, Ivanovo, 2000, pp. 5—6)
- Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб.: Алетейя, 1998. 253 с.
(Krivushin I.V. The Church Historiography of Early Byzantium. Saint Petersburg, 1998. 253 p. — In Russ.)
- Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л.: ЛГУ, 1984. 97 с.
(Kurbatov G.L., Lebedeva G.E. Byzantium: Question of Passage from Antiquity to Feudalism. Leningrad, 1984. 97 p. — In Russ.)
- Манукян Э.М. «Die Zeit Constantin’s des Grossen» Якоба Буркхардта, или когда Античность стала «поздней»? // Метаморфозы истории. 2019. № 14. С. 36—74.
(Manukyan E.M. “Die Zeit Constantin’s Des Grossen” by Jacob Burckhardt, or when Antiquity Became the “Late”? *Metamorphosis of History*, 2019, no. 14, pp. 36—74. — In Russ.)
- Манукян Э.М. «Из тоги в мантию»: способы и аспекты интеграции галло-римской аристократии в епископат в IV—VI веках // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020b. № 2. С. 57—68.
(Manukyan E.M. “From the Toga to the Robe”: Ways and Aspects of Gallo-Roman Aristocracy Integration into the Episcopate in IV-VI centuries, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2020b, no. 2, pp. 57—68. — In Russ.)

- Манукян Э.М. Episcopus bonus: эпистолярная репрезентация образа у Сидония Аполлинария // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 58—64.
(Manukyan E.M. Episcopus bonus: epistolary representation of image at Sidonius Apollinaris, *Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political science*, 2015, no. 7 (204), pp. 58—64. — In Russ.)
- Манукян Э.М. Идеальные епископы Поздней Античности: Визуализация образа // Vox Medii Aevi. 2017. № 1 (1). С. 50—70.
(Manukyan E. “Ideal” Bishops in Late Antiquity: Visualization of the Image, *Vox Medii Aevi*, 2017, no. 1 (1), pp. 50—70. — In Russ.)
- Манукян Э.М. Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труаского // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2014а. № 6. С. 17—22.
(Manukyan E.M. Correspondence of Sidonius Apollinaris and Lupus of Troyes, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2014a, no. 6, pp. 17—22. — In Russ.)
- Манукян Э.М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV—V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45, № 3. С. 415—426.
(Manukyan E.M. The Apollinaris and Sociocultural Strategies of Gallo-Roman Aristocratic Family in the 4th - 5th centuries, *Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political science*, 2018, vol. 45, no. 3, pp. 415—426. — In Russ.)
- Манукян Э.М. Сидоний Аполлинарий и проблема социальной идентификации клира на рубеже Античности и Средневековья // Научный поиск. 2013. № 2. С. 51—54.
(Manukyan E.M. Sidonius Apollinaris and the Issue of Social Identification of the Clergy between of Antiquity and Middle Ages, *Nauchnyi poisk*, 2013, no. 2, pp. 51—54. — In Russ.)
- Манукян Э.М. Стать своим среди своих: методы адаптации и служения Сидония Аполлинария на епископском престоле // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2020а. № 11. С. 47—83.
(Manukyan E.M. Sidonius’s Methods of Adaption and Serving on the Episcopal See, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2020a, no. 11, pp. 47—83. — In Russ.)
- Пикин А.В. Два посольства Амвросия Медиоланского к Магну Максиму: датировка и обстоятельства // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2021а. № 12. С. 5—13.
(Pikin A.V. Two Embassies Ambrose of Milan to Magnus Maximus: Dating and Circumstances, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2021a, no. 12, pp. 5—13. — In Russ.)
- Пикин А.В. Ответ Халкидону? Посольство Льва Великого к Атилле и его место в свете полемики вокруг 28 канона Халкидонского собора // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021б. № 1. С. 60—67.
(Pikin A.V. Response to Chalcedon? The Embassy of Leo the Great to Attila and its Place in the Discussion of the Canon 28 of the Council of Chalcedon, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2021b, no. 1, pp. 60—67. — In Russ.)
- Пикин А.В. Попытки преодолеть Энотикон: посольства папы Гормизда к императору Анастасию // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016а. № 1 (35). С. 19—23.
(Pikin A.V. Attempts to Overcome the Henotikon: The Embassies of the Pope Hormisdas to the Emperor Anastasius I, *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2016a, no. 1 (35), pp. 19—23. — In Russ.)
- Пикин А.В. Римские интеллектуалы середины — конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения // Интеллигенция и мир. 2015б. № 4. С. 108—118.

- (Pikin A.V. The Roman Intellectuals of the Middle — End of the 5th century in the Service of the Barbarians: Keeping Traditions of Foreign Policy Communication, *Intelligentia and the World*, 2015b, no. 4, pp. 108—118. — In Russ.)
- Пикин А.В. Социальный статус кандидатов для посольской миссии Восточной империи в 430—470-х гг. (на материале Приска Панийского) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015а. № 4 (15). С. 20—28.
- (Pikin A.V. Social Status of Envoy Candidates of the Eastern Empire in 430-470 AD (Based on Works of Priscus of Panium), *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2015a, no. 4 (15), pp. 20—28. — In Russ.)
- Пикин А.В. Так называемое завещание императора Аркадия и посольство Маруфы Майферкатского // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2018. № 10. С. 53—60.
- (Pikin A.V. So-Called Testimony of the Emperor Arcadius and the Embassies of Marutha of Maipherkat, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2018, no. 10, pp. 53—60. — In Russ.)
- Пикин А.В., Манукян Э.М. Римско-готские переговоры 474—475 гг. глазами Эннодия и Сидония Аполлинария // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 74—81.
- (Pikin A.V., Manukyan E.M. Roman-Gothic Negotiations of 474—475 Through the Eyes of Ennodius and Sidonius Apollinaris, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2016, no. 4, pp. 74—81. — In Russ.)
- Прогунова Ю.М. Цезария Младшая. Послание Рихильде и Радегунде / пер. с лат. Ю.М. Прогуновой // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2014. № 6. С. 73—79.
- (Progunova Yu.M. Caesaria Minor Arelatensis. Epistola ad Richildam et Radegundam (transl. by Yu.M. Progunova), *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2014, 6, pp. 73—79. — In Russ.)
- Самуткина Л.А. Конфликт христианства и язычества в изображении Иоанна Малалы и анонимного автора «Пасхальной хроники» // Гуманитарное измерение меняющегося мира: Материалы IV Фестиваля гуманитарных наук, 25—27 июня 2002 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 71—83.
- (Samutkina L.A. Conflict between Christianity and Paganism in John Malala and in the “Eastern Chronicle”, *The Humanitarian Dimension of a Changing World: Proceedings of the IV Festival of Humanities, June 25-27, 2002*, Ivanovo, 2002, pp. 71—83. — In Russ.)
- Самуткина Л.А. Античная скульптура в ранневизантийской “Хронографии” Иоанна Малалы // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2010. № 8. С. 124—136.
- (Samutkina L.A. The Antique Sculpture in Early Byzantine “Chronography” of John Malala, *Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2010, no. 8, pp. 124—136. — In Russ.)
- Самуткина Л.А. Германцы в ранневизантийских хрониках // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 3. С. 48—55.
- (Samutkina L.A. Germans in the early Byzantine chronicles, *History magazine: researches*, 2011, no. 3, pp. 48—55. — In Russ.)
- Самуткина Л.А. Концепция истории в “Хронографии” Иоанна Малалы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 143 с.
- (Samutkina L.A. The Concepction of History in the “Chronography” of John Malala. Ivanovo, 2001. 143 p. — In Russ.)
- Самуткина Л.А. Летоисчисление от Адама в ранневизантийской хронистике // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2005. № 5. С. 184—197.

- (Samutkina L.A. A Chronological Structure from Adam in Early Byzantine Chronicle Writing, *Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2005. no. 5, pp. 184—197. — In Russ.)
- Тюленев В.М. «Школа Эннодия» в Милане: миф и реальность // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2014. № 6. С. 34—48.
- (Tyulenev V.M. The School of Ennodius in Milan: Myth and Reality, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2014, no. 6, pp. 34—48. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2022а. № 13. С. 5—21.
- (Tyulenev V.M. Ambrose of Milan in Ennodius' Poetical Reflection, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2022а, no. 13, pp. 5—21. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
- (Tyulenev V.M. Lactantius: the Christian Historian on the Crossroads of Epoch. Saint Petersburg, 2000. 320 p. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Медиевистика в Ивановском университете: основные направления научного поиска // *Средние века*. 2009. Т. 70, № 1—2. С. 303—315.
- (Tyulenev V.M. Medieval Studies at the University of Ivanovo: Basic Trends of Scholarly Research, *Srednie veka*, 2009, t. 70, no. 1—2, pp. 303—315. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Речи Эннодия: школьная традиция и христианство // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2018а. № 3. С. 57—62.
- (Tyulenev V.M. Ennodius' Dictiones: the School Tradition and Christianity, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2018а, no. 3, pp. 57—62. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия и Италия в V — первой половине VI в.). Иваново: Ивановский государственный университет, 2019b. 236 с.
- (Tyulenev V.M. Roman school of the Late Antiquity West (The South Gallia and the Italy in the V — the first quarter of the VI century). Ivanovo, 2019b. 236 p. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. 288 с.
- (Tyulenev V.M. The Birth of the Latin Christian Historiography with translation of the “Church History” by Rufinus of Aquileia. Saint Petersburg, 2005. 288 p. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Семья и школа в Италии на рубеже V—VI вв. в свете отношений Эннодия и Парфения // *Интеллигенция и мир*. 2017b. № 4. С. 9—19.
- (Tyulenev V.M. Family and School in Italy of a Turn of the V-VI centuries in the Light of Ennodius and Parfeny's Relations, *Intelligentsia and the World*, 2017b, no. 4, pp. 9—19. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Учитель в позднеантичном обществе // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018b. № 4 (18). С. 26—34.
- (Tyulenev V.M. A teacher in Late Antiquity, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2018b, no. 4 (18), pp. 26—34. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Христианская педагогика на латинском Западе V века: от проповеди к церковной школе // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2017а. № 9. С. 41—53.
- (Tyulenev V.M. Christian Pedagogy in the Latin West of the 5th century: From the Sermon to the Church School, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2017а, no. 9, pp. 41—53. — In Russ.)

- Тюленев В.М. Школы грамматиков и риториков в Италии первой трети VI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология. 2019а. № 53. С. 59—71.
(Tyulenev V.M. Schools of Grammarians and Rhetors in Italia of the First Third of the 6th century, *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2019a, no. 53, pp. 59—71. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Эллинская словесность и ученость на латинском Западе V — первой половины VI в. // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2018с. № 10. С. 40—53.
(Tyulenev V.M. Hellenic Literature and Scholarship in the Latin West of the 5th — early 6th century, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2018с, no. 10, pp. 40—53. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Эннодий. Самопрезентация позднеантичного ритора // Диалог со временем. 2022б. № 79. С. 152—165.
(Tyulenev V.M. Ennodius. Self-Presentation of the Late Antiquity Rhetor, *Dialogue with Time*, 2022b, no. 79, pp. 152—165. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. 2021. Т. 82, № 1. С. 151—165.
(Tyulenev V.M. Ennodius: The Roman Rhetorician in the Age of the Rhetorical Turn (On the 1500 Anniversary of Death), *Srednie veka*, 2021, t. 82, no. 1, pp. 151—165. — In Russ.)
- Тюленев В.М., Гвоздецкая Н.Ю. Предисловие // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2008. № 1. С. 3—7.
(Tyulenev V.M., Gvozdeczkaya N.Yu. From the Editors, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2008, no. 1, pp. 3—7. — In Russ.)
- Федорова Е.Л. Аммиан Марцеллин о галльских военных кампаниях Юлиана Отступника // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (13). С. 57—65.
(Fedorova E.L. Ammianus Marcellinus on Julian the Apostate's Gallic military campaigns, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2013. no. 4 (13), pp. 57—65. — In Russ.)
- Цивилева В.Е. Евхерий Лионский. Страдание агаунских мучеников // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2018. № 10. С. 22—32.
(Tsivileva V.E. Eucherius Lugdonensis. Passio Acaunensis Martyrum / Transl., introd., comm. by V. E. Civileva, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2018, no. 10, pp. 22—32. — In Russ.)
- Цивилева В.Е. Письмо Севера Меноркского: предварительные замечания // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2020. № 11. С. 5—13.
(Tsivileva V.E. Epistula Severi: Preliminary Remarks, *Cursor Mundi: the Man of the Classical Antiquity, Middle Ages and Renaissance*, 2020. no. 11, pp. 5—13.)
- Цивилева В.Е., Тюленев В.М. Диалог с иудеями в контексте пастырского служения папы Григория I // *Via in tempore. История. Политология*. 2022. Т. 49. № 1. С. 81—89.
(Tsivileva V.E., Tyulenev V.M. Dialogue with Jews in the Context of the Pastoral Ministry of Pope Gregory I, *Via in tempore. History and political science*, 2022, t. 49, no. 1, pp. 81—89)

STUDYING OF THE LATE ANTIQUITY IN THE IVANOVO UNIVERSITY

Andrei V. Pikin

University of Incessant Education and Innovations of Ivanovo region,
Ivanovo, Russian Federation, andrewvpikin@gmail.com

Alexandra A. Babina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, alex.babina@mail.ru

Eduard M. Manukyan

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation,
manukyan_33@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the studying of the period of Late Antiquity in the Ivanovo State University. Studying of this theme became in 1990-th, the main figure of this period was I.V. Krivushin. This theme became a one of the most important for researchers of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages from 1990s to present. Ivan Krivushin breed up some scholars which majoring on Late Antiquity studies. Researchers are gradually moving from considering Late Antiquity historians and their methods of historiography to anthropological and socio-political problems.

Keywords: historiography, Late Antiquity, Ivanovo State University

For citation: Pikin A.V., Babina A.A., Manukyan E.M. Studying of the Late Antiquity in the Ivanovo University, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 104—115.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 13.10.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 13.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Пикин Андрей Валентинович — кандидат исторических наук, старший методист, Университет непрерывного образования и инноваций, старший преподаватель кафедры Богословия и Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Православная духовная семинария Иваново-Вознесенской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), г. Иваново, Россия, andrewvpikin@gmail.com

Pikin Andrey Valentinovich — Candidate of science (History), senior methodological expert of University of Incessant Education and Innovations of Ivanovo region, senior lector of Department of Theology and The Holy Scriptures of the Old and New Testaments, St. Alexis Ivanovo-Voznesensk Orthodox Theological Seminary, andrewvpikin@gmail.com

Бабина Александра Аркадьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, alex.babina@mail.ru

Babina Alexandra Arcadyevna — Candidate of science (History), senior lector of Department of General History and International Relations, Institute of Humanites, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, alex.babina@mail.ru

Манукян Эдуард Мгеревич — преподаватель колледжа, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, manukyan_33@mail.ru

Manukyan Eduard Mgerovich — College lector, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, manukyan_33@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 116—128.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 116—128.

Научная статья

УДК 378.12:94(4)"15/16"

DOI: 10.46726/И.2023.5.13

ИЗУЧЕНИЕ РЕНЕССАНСА В ИВАНОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: Н.В. РЕВЯКИНА И ЕЁ ШКОЛА

Нина Ивановна Девятайкина

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, г. Саратов;
Московский государственный педагогический университет, г. Москва, Россия,
devyatay@yandex.ru

Владимир Михайлович Тюленев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. В статье предложен краткий обзор истории становления в Ивановском государственном университете традиций, связанных с изучением культуры европейского Возрождения. Поскольку главные шаги в направлении ренессансных исследований были сделаны профессором Н.В. Ревякиной и под ее непосредственным руководством, основное внимание уделено именно ее научному вкладу. Авторы статьи сочли необходимым сказать о том значении, какое имеют переводы гуманистических текстов, осуществленные Н.В. Ревякиной, о том, как усложнялся ее взгляд на характер европейской гуманистической мысли, прошедшей эволюцию от восхищения человеком в конце XIV и, особенно, в середине XV в. до противоречивого и критичного взгляда на него в XVI в. Также в статье отмечается роль подготовленных Н.В. Ревякиной сборников научных трудов, посвященных эпохе Возрождения, которые сделали Иваново одним из центров изучения культуры Ренессанса. Наконец, авторы статьи уделяют внимание Н.В. Ревякиной как педагогу, подготовившему нескольких кандидатов наук, многие из которых успешно продолжают свои ренессансные исследования.

Ключевые слова: научные школы, медиэвистика, изучение Ренессанса, Ревякина, гуманистическая мысль, педагогика эпохи Возрождения

Для цитирования: Девятайкина Н.И., Тюленев В.М. Изучение Ренессанса в Ивановском университете: школа Н.В. Ревякиной // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 116—128.

Если мы бросим даже самый беглый взгляд на историю подготовки специалистов-историков в Иваново после образования в городе университета, то мы без труда обнаружим, что одна из самых ярких страниц в этой истории связана с формированием в вузе школы изучения ренессансной культуры под руководством Нины Викторовны Ревякиной, доктора исторических наук, профессора кафедры истории древнего мира и средних веков. К такому заключению нас приводит не только внушительное число защищенных дипломных работ и диссертаций, так или иначе связанных с идеологией ренессансного гуманизма, не только разнообразие прочитанных в студенческих аудиториях курсов, но и огромное количество

публикаций, подготовленных самой Н.В. Ревякиной, а также ее учениками, и вышедших в авторитетных научных изданиях и книжных издательствах.

В статье предпринята попытка кратко представить достижения школы, сформировавшейся вокруг Нины Викторовны, что, в свою очередь, предполагает характеристику научного метода и исследовательского вклада создателя и руководителя этой школы.

В Ивановский государственный университет Нина Викторовна приехала по приглашению заведующей кафедрой истории древнего мира и средних веков Клавдии Дмитриевны Авдеевой¹ в 1982 г., будучи уже состоявшимся ученым, доктором наук, известным специалистом по истории итальянского гуманизма второй половины XIV — начала XV в., имеющим за плечами опыт работы в «Советской энциклопедии» и Новосибирском Академгородке. Как МГУ, так и другие практики научной деятельности сыграли важную роль в становлении ивановской школы изучения Ренессанса, поэтому обратимся, прежде всего, к отправным моментам доивановского этапа в жизни Н.В. Ревякиной.

Все началось с обучения на историческом факультете МГУ, где Ниной Викторовной Ревякиной был сделан, пожалуй, главный выбор в ее профессиональной жизни, когда она решила записаться для специализации на кафедру истории средних веков. Определяющую роль в научном становлении Н.В. Ревякиной сыграл ее учитель, руководитель дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации — академик Сергей Данилович Сказкин. Крупнейший специалист по истории западноевропейского Средневековья, ученый, глубоко интересовавшийся проблемами духовного развития общества, он был готов предлагать своим ученикам новые, во многом революционные темы, тем более, что 1960-е гг., эпоха «оттепели», благоволили постановке вопросов, долгое время считавшихся «неактуальными».

Конечно, приходилось встраивать темы в существовавший в то время научный дискурс, между культурой собственно Средневековья и культурой Возрождения, выбирать только «передовую» (ренессансную), в итальянских гуманистах видеть в первую очередь носителей прогрессивных социальных идей и антиклерикалов. Поэтому диссертационная работа Н.В. Ревякиной оказалась посвящена не просто итальянскому философу-гуманисту Лоренцо Валле, но прежде всего критике в его произведениях католического мировоззрения и духовно-политических претензий церкви [Ревякина 1963].

Однако важно заметить, что Н.В. Ревякину с первых лет научного творчества и доныне отличает предельное внимание к историко-культурным, а также духовным контекстам; на протяжении всего времени занятий проблемами гуманизма она очень вдумчиво, тонко трактует любой вопрос, связанный с христианской картиной мира, духовными ценностями христианства, европейской цивилизацией, не впадая даже в самых ранних трудах в анахронизмы, искусы атеистического наклонения, обходя лексику классово-борьбы, ненаучного противопоставления позиций и оценок российских и западных авторов.

Что касается первого большого научного опыта, кандидатской диссертации, то именно работа Н.В. Ревякиной стала первым научно-квалификационным исследованием по истории ренессансных идей, выполненном на кафедре истории средних веков МГУ (1963). «Дебют» тематики оказался очень успешным, кафедра МГУ пошла по линии ее развития, на ней одна за другой стали

---

¹ Одному из авторов данного материала уже доводилось писать об истории названной кафедры, и мы, пользуясь случаем, отсылаем читателя к статье 2009 г. [Тюленев].

защищаться квалификационные работы по истории гуманизма, а с 1970 г. — проводиться регулярные «возрожденческие» конференции, по результатам которых выходили и продолжают выходить сборники статей.

Еще одной составляющей опыта молодого ученого, очень многое давшего для становления Н.В. Ревякиной как исследователя, обладающего особым «подчерком», стала ее работа в качестве научного редактора издательства «Советская энциклопедия». Вдумчивое и критичное отношение к содержанию энциклопедических материалов, тщательное выстраивание их структуры, выверка текстов, встречи и переписка с авторами стали бесценной школой и дали широкий круг научных знакомств и связей.

Третьей составляющей можно назвать непрерывные, начавшиеся также в 1960-е годы плодотворные занятия переводами сочинений европейских ренессансных авторов с латинского и живых языков, а также их подготовку к публикации. Эти переводы развернули «от первого лица» панорамную картину мировоззренческих поисков гуманистов Возрождения, гуманистов-педагогов, а также содержание их новых культурных, общественных и педагогических практик.

Уже ранние статьи о Валле, опубликованные в изданиях МГУ (1961, 1963), были отмечены ведущими учеными: академик В.И. Рутенбург назвал их успешным продолжением научного поиска А.И. Хоментовской, которые та проводила в Ленинграде в 1930-е — начале 1940-х годов [Рутенбург 1964: 10]. Эти публикации Н.В. Ревякиной и ныне привлекают внимание глубинно-серьезным отношением автора к источнику: тщательно переведенные рассуждения того или другого гуманиста, процитированные в статье, ясно высвечивают его позицию и дают основания для содержательных выводов. Научному правилу доносить до читателя смыслы суждений изучаемого автора с помощью их прямого цитирования, затем комментирования и всестороннего анализа Н.В. Ревякина неизменно следует до сих пор.

Такое следование требует полного и глубокого изучения трудов любого гуманиста. Это правило принесло новый вид работы и прекрасный результат: почти все изучавшиеся при подготовке статей и монографий сочинения ренессансных гуманистов Н.В. Ревякина рано или поздно полностью переводила, подвергала научному редактированию и готовила к изданию. Первый такой перевод («О наслаждении» Лоренцо Валлы) Н.В. Ревякина опубликовала еще в аспирантские годы; тогда это было неординарное событие [Валла 1962]. Придет время, и еще один трактат Лоренцо Валлы найдет дорогу к русскому читателю: в переводе Н.В. Ревякиной, когда она уже трудилась в Ивановском университете, был опубликован весьма сложный для осмысления текст гуманиста «Об истинном и ложном благе» [Валла 1989].

Таких же принципов работы исследователь придерживалась при написании докторской диссертации, которая была успешно защищена в Ленинграде [Ревякина 1979]. Накануне защиты Н.В. Ревякина опубликовала монографию по проблемам человека в раннем итальянском гуманизме [Ревякина 1977], в которой была поднята проблема представлений гуманистов о природе человека, рассмотренная через ряд вопросов (гармоническое единство, новая психология, жизнь — смерть — бессмертие, достоинство человека, человек и мир). Это исследование сопровождалось масштабным сопоставительным анализом текстов большого ряда гуманистов — от первого из них Петрарки (с некоторыми обращениями еще и к Данте) до Манетти и Альберти. В результате была выстроена далеко не во всем линейная картина, которая вне сравнительного исследования такого рода могла бы остаться в тени.

При этом важно отметить, что Н.В. Ревякиной готовились к изданию переводы и до выхода монографии о проблемах человека в итальянском гуманизме, и после нее. Кроме названного выше, опубликованного в антологии «История эстетики» (Москва), важно назвать вышедшее в Новосибирске учебное пособие с переводами текстов итальянских гуманистов [Ревякина 1975]. Именно появление сочинений гуманистов в русском переводе закладывало основы для профессиональной подготовки студентов-историков, чьи интересы лежали в области изучения итальянского Возрождения.

Появление в Иванове такого специалиста, как Нина Викторовна, не могло не отразиться на облике исторического факультета и, безусловно, сказалось на качестве подготовки специалистов-историков, развитии научных отношений со столичными и региональными вузовскими и академическими учреждениями. В Ивановский университет Н.В. Ревякина приехала не только с интеллектуальными наработками и новыми идеями, но и с большим количеством научных связей, которые позволили шире заявить об ивановской медиэвистике. В частности, в совместный проект Н.В. Ревякину пригласил профессор Саратовского университета С.М. Стам, и в результате свет увидели два тома сочинений итальянских гуманистов в переводе на русский язык [Итальянский гуманизм...]. В сборнике опубликованы письмо Колуччо Салютати, младшего современника Петрарки, одного из первых «гражданских» гуманистов, ориентированных на проблемы общества, сословного неравенства, службы республике, «Трактат о благородстве» Буанакcorso да Монтеманьо, отразивший новые представления о равенстве человеческой природы и его «крови», такого же рода сочинение (речь) Поджо Браччолини, его же «Книга о благородстве», «Диалог на дружеском пиру» Манетти, «О благородных нравах и свободных науках» Паоло Верджеро.

Кроме саратовских Нина Викторовна продолжала плотно общаться с московскими коллегами. Еще до приезда в Иваново в очередной антологии, собравшей труды по эстетике Возрождения, вышли ее переводы сочинений Козимо Раймонди, Леонардо Бруни и Лоренцо Валлы [Эстетика Ренессанса]. Уже первые годы работы в Иванове совпали у Нины Викторовны с расширением круга интересов до проблем средневековой и ренессансной педагогики: она вошла в авторский коллектив «Антологии педагогической мысли христианского Средневековья», во втором томе которой увидели свет переводы текстов авторов XIII века Винсента из Бове, Эгидия Римского, Пьера Дюбуа [Антология педагогической...: 111—137; 148—170; 191—203]. Эти сочинения, конечно, не входили в хронологическое поле Ренессанса как такового, однако имели важное значение для понимания культурно-образовательных контекстов, истоков, в широких рамках которых рождалась гуманистическая педагогика.

Участие в совместных проектах подобного рода позволяло Нине Викторовне привлекать для «пробы сил» своих учеников. Переводы важных глав из сочинений средневековых писателей, названных выше, были выполнены Н.В. Ревякиной в соавторстве с ее аспиранткой Т.Б. Рябовой и тогда еще студентом С.В. Соловьевым.

Вместе с тем Н.В. Ревякина стремилась сделать и сам Ивановский университет местом притяжения для коллег по цеху, чему много способствовал выпуск тематических сборников по истории и культуре Возрождения, ее участие в работе Комиссии по культуре Возрождения при Научном совете по истории мировой культуры РАН.

Первый из межвузовских сборников с общим названием «Возрождение», подготовленных на кафедре истории древнего мира и средних веков ИвГУ, увидел свет уже в 1985 г. Это означает, что к работе над ним ученый обратился через считанные месяцы после начала работы на кафедре. В предисловии к сборнику член-корреспондент Академии Наук, председатель названной выше Комиссии В.И. Рутенбург указал на главную, пожалуй, особенность выпуска, отметив, что он объединил труды крупных ученых и работы студентов и аспирантов, в чем ученый видел «залог перспективности и будущности науки» [Рутенбург 1985: 5]. Академик рисовал перспективы исторической науки в целом, но в данном случае провидчески определил важнейшую особенность последующих выпусков этого сборника: в каждом из них нашлось место для публикаций, подготовленных молодыми исследователями ивановской школы изучения Ренессанса.

Появление Н.В. Ревякиной на кафедре, действительно, изменило «коллективный портрет» ивановского студента-историка. Предложение тем, связанных с европейской культурой, стало для многих студентов чем-то качественно иным по сравнению с традиционно изучаемой социально-экономической (как аграрной, так и городской) историей. К тому же так совпало, что вскоре после приезда Н.В. Ревякиной в Иваново начались перемены в стране, что не могло не отразиться на настроениях молодежи, прежде всего. Студенты еще не вполне отдавали себе отчет о методологических поворотах, происходивших в гуманитарном знании, но чувствовали свежесть проблематики, предлагаемой Ниной Викторовной в лекционных курсах, спецсеминарах и темах курсовых работ. Нынешние студенты-историки могут только позавидовать тем, кто на историческом факультете ИвГУ в 1980-е — 1990-е годы XX века слушал спецкурсы «Гуманистическая педагогика Возрождения», «Возрождение и гуманизм», «Мир Данте», «Смеховой мир Средневековья», «Средневековые университеты», «Католическая церковь в Средние века», «Искусство итальянского Возрождения» и др.

По инициативе Нины Викторовны и Клавдии Дмитриевны Авдеевой, руководившей кафедрой, для чтения лекций в Иваново приезжали в качестве приглашенных профессоров ведущие ленинградские ренессансисты — А.Х. Горфункель, специалист по философии эпохи Возрождения и истории книги, А.Н. Немиллов, знаток немецкого гуманизма и искусства Северного Возрождения.

Кроме того, студентов привлекало, что Нина Викторовна давала им возможность не просто прикоснуться к эпохе Возрождения через статьи, книги, переведенные источники, но поработать с первоисточниками на языке оригинала, попробовать себя в переводах латинских гуманистических текстов, углубив с помощью учителя знание латинского языка. Как показывают отчетные документы, на кафедре за годы преподавания Н.В. Ревякиной и под ее руководством было подготовлено более 80 дипломных работ, а также ряд кандидатских диссертаций (Т.Б. Рябовой, С.В. Нехаевой, Т.М. Руюткиной, Д.В. Самотовинским, Н.А. Рыжковой, Н.В. Соколовской, А.Н. Санниковым, М.В. Пророковой)². Не все дипломные труды были посвящены истории Ренессанса

---

² Некоторые дипломники Н.В. Ревякиной в силу разных обстоятельств продолжили путь в науку, готовя диссертации вне стен *alma mater*. Среди них особо следует упомянуть С.В. Соловьева, который защитил под руководством Н.В. Ревякиной в 1993 г. дипломную работу «Эстетические взгляды итальянских гуманистов XV в.», а в 1997 г. — кандидатскую диссертацию по искусствоведению в Москве (научный руководитель М.И. Свидерская). С.В. Соловьев, еще будучи студентом ИвГУ, опубликовал ряд

(кто-то из студентов писал о вагантах, истории средневековых университетов, аверроистах, городской средневековой литературе), но гуманистическая проблематика в выпускных работах явно доминировала. Главное же — практически все ученики Н.В. Ревякиной осваивали методы ее работы, многие «грызли» латынь, впитывали трепетное отношение к сложным, но очень интересным историческим источникам Средневековья и Ренессанса, обретали понимание глубоких истоков европейского образования.

Отметим еще один феномен: подготовка новых тематических сборников обеспечивала втягивание в «ренессансную проблематику» не только студентов, но и преподавателей кафедры. Так, в выпуске 1988 г. появились статьи К.Д. Авдеевой об исторических взглядах Джеймса Гаррингтона [Авдеева] и Н.П. Денисенко о проблемах бедности в трактате Хуана Луиса Вивеса «О вспомоществовании бедным», Н.П. Денисенко [Денисенко], Н.П. Денисенко позже (1994) опубликовал и перевод этого сочинения.

Конечно, активно вела исследования и сама Нина Викторовна Ревякина. Пытаясь более глубоко осмыслить ренессансные гуманистические идеи в их сложной по характеру эволюции, она обратилась к гуманистическим сочинениям XVI века, т. е. к выяснению того, куда «дошел» гуманизм как этическое учение и мировоззренческая система. Своего рода итогом поиска ответов на этот вопрос стала новая монография, названная соответственно широте рассматриваемых проблем без хронологических «мет» — «Человек в гуманизме итальянского Возрождения» и реально прорисовавшая всю картину развития представлений о человеке от начала до конца ренессансного гуманизма [Ревякина 2000].

В содержательном введении поставлен важнейший вопрос относительно неправомерности «однозначного истолкования Возрождения как культуры ясной, светлой, оптимистичной, беспроблемной, ориентированной на прогрессивное развитие человеческой цивилизации, ставящей человека на место Бога» [Ревякина 2000: 6]. Н.В. Ревякина видела на момент работы над книгой и продолжает видеть свою исследовательскую задачу в раскрытии смыслов понимания гуманистами человека как такового, «его природы, места в системе мироздания, его назначения» [Там же: 7]. В монографии задача решается на материале прежде изученных авторов и ряде новых текстов — философско-этических трактатов, диалогов, речей, писем гуманистов, а также с учетом культурных влияний на гуманизм современных ему течений мысли и запросов времени.

Первые главы монографии в более развернутом виде, чем прежде, обрисовывают антропоцентрические идеи гуманистов, четче всего выраженные через многочисленные рассуждения о достоинстве человека, начатые первым гуманистом Петраркой и достигшие своих кульминационных формулировок у Манетти в его блистательном трактате «О достоинстве и благородстве человека» (1450—1452). Середина века стала во многом и символической вершиной гуманистического концептуального оптимизма, связанного с характеристиками человека как природного существа, самого ценного для Бога. Этот человек — «прекраснейший, благороднейший, мудрейший, сильнейший, могущественнейший». Ради него создан столь же «красивейший и наипрекраснейший мир» [Ревякина 2014: 11]. Собственный долг человека — «действовать

работ (как правило, переводы) в сборниках по Возрождению и по истории образования, и до конца своих не очень долгих дней сохранял дружеские отношения с Ниной Викторовной, поддерживая научные контакты с кафедрой, о чем говорят его публикации в альманахе «Cursor mundi», издаваемом в ИвГУ.

и познавать» [Там же: 13], стать «соавтором» Бога в усовершенствовании мира [Там же: 17]. Гимн человеку становится еще более ликующим благодаря полемике Манетти с аскетическими авторами, для которых человек «червь» и «раб»: это порождает резко-насмешливое осуждение и волну новых аргументов в пользу достоинств человека.

Идея-миф о прекрасном человеке завораживали не только современников Манетти, но и многие поколения ученых. Она позволяла выстраивать картину линейно-прямого развития человека по части возможностей его разума и воплощения его этического потенциала, искать обновленное «продолжение» античного гуманизма в ренессансном, а ренессансного — в новом времени, Просвещении. Отчасти так и трактуется «судьба» новой ренессансной идеологии в одной из самых больших и теоретически важных статей энциклопедии «Культура Возрождения» [Брагина]. Научной заслугой Н.В. Ревякиной, ее новаторским вкладом в истолкование ренессансного гуманизма в этой связи стала попытка осмыслить, раскрыть нарастающий в сочинениях второй половины XV — XVI века «отход» от светлого антропоцентрического идеала человека как царя природы и вселенной, как сотворца Бога. За этим нам кажется возможным видеть и своего рода культурно-общественное разочарование в идеале, как в любом обманувшем ожидания красивом обещании.

Рассмотрению этого сложного вопроса посвящена последняя глава монографии «Человек в гуманизме итальянского Возрождения». Она и о проблеме человека в гуманизме XVI века, и о спорах в это время по поводу его достоинства, и о судьбах гуманистического антропоцентризма в целом, о человеке реальном и идеальном, «воображаемом». Автор обращается к целому ряду новых для ее исследований, сложных, в целом мало изученных текстов. Среди них — сочинение Кастильоне «О придворном» (1528), миланца Галеаццо Капеллы (Флавио Капра) «Антропология» (1533) с темой «*miseria*» (несчастливого состояния человека), намеренно, как бы написали ныне, открыто цитатно, интертекстово возвращающей к трактату Иннокентия III, вопросами природного и общественного статуса мужчин и женщин, Джелли «Цирцея» (1540-е гг.), где среди центральных вырастает тема разговора Улисса с 10 животными, которые когда-то были людьми и которым Цирцея предлагает вернуть человеческий облик, но они отказываются от этого, сомневаясь в центральном месте человека в мире, считая (вновь слышим Иннокентия III) несчастьем приход людей в мир. Немало автор монографии адресует к Макиавелли и Гвиччардини.

Автор исследования приходит к основательно обоснованному анализом названных текстов заключению, что в гуманизме XVI в. вера в человека, его добрую природу, безграничные возможности, высокую миссию на земле подвергается сомнению, порожденному историческими и духовными контекстами времени. Очень значимо заключение об изменении характера и способа обсуждения гуманистами проблем: обращение к опыту жизни, конкретные вопросы, факты действительности, результатом чего становится рождение нового понимания человека — как человека общественного, которого формируют определенные условия и который может меняться с их изменением [Ревякина 2000: 311]. По заключению автора, жизненная практика все более обнаруживала несоответствие гуманистических идеалов действительности. Они воспринимались теперь как утопичные, догматичные, книжные. Отход от гуманистического антропоцентризма, утрата его главных ценностей привела к растворению ренессансного гуманизма в натурфилософии или превращении в филологическую науку. Н.В. Ревякина не акцентирует внимание на понятии «кризис»

ренессансного гуманизма, но весь материал подводит именно к нему. При этом Н.В. Ревякина оставалась верна своим научным принципам: после публикации монографии она параллельно с «педагогическими» штудиями подготовила перевод «Цирцеи» на русский язык, добавив во вступительной статье еще ряд уточняющих соображений в связи с судьбами гуманизма в XVI веке [Джелли].

Перевод трактата Джелли вышел в 2005 г., в то время, когда вовсю шла подготовка Ниной Викторовной совместно с ее коллегой по «ренессансному цеху» Олегом Федоровичем Кудрявцевым, пожалуй, самого значимого для нее труда — энциклопедии «Культура Возрождения». Идея создать обобщающий справочно-аналитический труд, посвященный культуре европейского Ренессанса (личностям, институциям, «категориям», обсуждаемым в то время проблемам и пр.) вынашивалась давно. Очевидно, что такой замысел можно было воплотить в жизнь, только объединив усилия значительного числа специалистов по изучаемой эпохе. На несколько лет, пока готовился первый том энциклопедии, главным редактором которого выступила Н.В. Ревякина (во втором — О.Ф. Кудрявцев), Иваново превратилось в центр, где аккумулировались усилия ведущих отечественных и ряда итальянских специалистов по культуре Возрождения (присылались, прочитывались, редактировались статьи, подбирались необходимый изобразительный материал, шла интенсивная переписка с авторами и пр.). В итоге получилось издать два объемных тома (три книги)³ в 2234 двухполосные большеформатные страницы, материалы опубликованные на которых смогли отразить современный уровень научных знаний о ренессансной культуре. При этом для Нины Викторовны как для педагога крайне важным было привлечь к написанию статей своих ивановских учеников, многие из которых к началу XXI столетия уже имели имя в науке (Т.Б. Рябова, Т.М. Рюткина, С.В. Соловьев, Д.В. Самотовинский), а кто-то еще только работал над своими диссертациями (Н.В. Соколовская, Л.А. Царькова). Таким образом, ивановской школе ренессансистики удалось заявить о себе, если не в полный голос, то, по крайней мере, весьма громко, не только на всю Россию, но и Европу, благодаря участию в проекте ряда молодых ренессансистов.

Этот голос звучал и продолжает звучать также на защитах диссертаций, где ученики Н.В. Ревякиной выступают оппонентами, равно, как и она сама, в широком обращении ученых к трудам школы при написании научных и учебных текстов, на Ежегодных научных книжных выставках в главных библиотечных и просветительских центрах страны, международных книжных ярмарках, где эти труды видят читатели.

Интерес к человеку, к свойственным для ренессансного гуманизма попыткам не только сформулировать идеал человек, но и выработать способы формирования этого идеала достаточно скоро открыли для Н.В. Ревякиной новое тематическое пространство — гуманистическую педагогику. Надо сразу обратить внимание, что до сих пор многие труды Н.В. Ревякиной по этой проблематике остаются не только первыми, но и единственными тематически ориентированными исследованиями и переводами, связанными с гуманистической педагогикой, и не только Италии, но также Испании и заальпийской Европы. На сегодня именно они лежат в основе вузовских курсов по истории ренессансной педагогики; по ее переводам пишутся на самые разные темы

---

³ Два тома вышли с разницей в четыре года (первый том — в 2007 г., второй в двух книгах — в 2011 г.).

курсовые и выпускные квалификационные работы, дипломные и магистерские сочинения во многих вузах страны.

Труды Н.В. Ревякиной, посвященные вопросам образования и воспитания в эпоху Возрождения, заслуживают специального осмысления в рамках историографической диссертации, но даже самый пунктирный обзор сделанного может показать, насколько огромным оказался ее вклад в изучаемую проблему. Гуманисты-педагоги попали в поле постоянного интереса Н.В. Ревякиной еще в начале 1970-х годов вместе с трактатом Пьер-Паоло Верджерио «О благородных нравах и свободных науках», а некоторые переводы о музыке (искусстве квадривиума) имели место уже в 1960-е годы в сборнике В.П. Шестакова [Музыкальная эстетика]. Трактат Верджерио публиковался частями в московской Антологии по эстетическому воспитанию (1973), затем целиком — в названном выше саратовском сборнике (1988). Рядом вырос Леонардо Бруни Аретино (перевод трактата — 1973, 1981), ряд статей по педагогическому воспитанию в итальянском и немецком гуманизме (1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1993), увенчавшиеся первой «педагогической» монографией [Ревякина 1993].

Так же, как и изучение человека в итальянском гуманизме, обращение к педагогическим вопросам сопровождалось у Н.В. Ревякиной не только переводами источников, но и попытками создать некоторое интеллектуальное пространство, где бы тема школы, учителей, учеников получила обсуждение, коллективное, пусть и несколько мозаичное рассмотрение. Еще в 1990 г. ею был подготовлен и издан тематический межвузовский сборник, посвященный западноевропейским университетам от Средневековья до Века Просвещения [Университеты Западной Европы], а уже после выхода упомянутой выше монографии — сборник статей и материалов по средневековой школе [Традиции образования...], на страницах которого вновь нашлось место для работ учеников Нины Викторовны (статьи С.В. Соловьева и С.В. Нехаевой; переводы С.В. Соловьева, М.И. Шеремеды, Т.Б. Рябовой, С.В. Нехаевой, М.Ю. Игнатъевой).

Исследование ренессансной школы не ограничилось у Н.В. Ревякиной анализом теории, гуманистических представлений о способах и путях формирования личности. Вполне ожидаемо исследователь пришла к изучению школьных практик, что завершилось очередным научным подвигом: по крупницам был собран материал воспоминаний о гуманисте-педагоге Витторино да Фельтре. Публикация представила живой и зримый образ учителя-подвижника, для которого новая школа и воспитание стали делом всей жизни [Итальянский гуманист и педагог]. Материал раскрыл для автора также важнейшие свидетельства жизненности гуманистического идеала человека в раннем гуманизме: в ориентирах на него шло воспитание в школе Витторино да Фельтре. Сам он с этической и ученой стороны также являл пример новой личности.

Еще одним ярким «следствием» работы над переводами педагогических сочинений стала недавняя монография об учениках и учителях раннего итальянского Возрождения, одним из главных героев которой стал Витторино да Фельтре, адресованная широкому читателю и, как всегда, дополненная новыми фактами, суждениями, заключениями и вопросами на будущее [Ревякина, Девятайкина]. Наконец, о глубине интереса к проблематике школы и, одновременно, неисчерпаемости темы и широте научных интересов Н.В. Ревякиной свидетельствует новая, только что вышедшая монография о педагогических представлениях испанского гуманиста Хуана Вивеса, отразивших реалии столь важного для понимания европейского гуманизма XVI века [Ревякина 2022].

Во всех текстах по истории школы и школьной повседневности нашлось место отсылкам к исследовательским материалам учеников Н.В. Ревякиной, обогащавшим общую картину красочными фактами и деталями. Их могло быть больше, могли появиться и новые монографии, написанные учениками, но, к сожалению, приходится констатировать, что в небольших вузах, каким является Ивановский университет, сложно рассчитывать на складывание больших научных школ с вековой историей, в которых все начинается с построения научной жизни вокруг фигуры учителя и продолжается через устойчивую преемственность поколений его учеников. В силу ряда обстоятельств прямым ученикам Нины Викторовны не нашлось места на кафедре, оставление же ею преподавательской деятельности привело к тому, что изменилась проблематика выпускных работ, почти исчезли ренессансные темы, хотя на очень горячее желание кого-то из студентов Н.В. Ревякина откликается по-прежнему.

Остается надеяться, что посеянные зерна дадут новый урожай: голос Ренессанса не перестает звучать со страниц издаваемого в университете альманаха «Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения», членом редколлегии которого с первого номера остается Н.В. Ревякина и каждый выпуск которого содержит раздел «Человек эпохи Возрождения»; ивановские «ренессансисты» (не только Н.В. Ревякина, но и ее ученики Д.В. Самотовинский и Т.М. Руюткина, а до недавнего времени и С.В. Соловьев) на протяжении многих лет являются участниками проводимых на базе МГУ конференций, посвященных тем или иным аспектам культуры Возрождения, а также Круглых столов на базе кафедры истории древнего мира и средних веков Ивановского университета.

Какова бы ни была дальнейшая судьба «ивановской школы изучения Ренессанса», те сорок лет, которые прошли с начала работы Н.В. Ревякиной в ИвГУ, уже можно признать явлением, во многом определившим облик исторического образования в городе, сделавшим само Иваново брендом в кругу специалистов по истории европейского Возрождения.

Профессор Н.В. Ревякина успешно и активно продолжает разрабатывать ренессансную тематику, выступать с докладами на самых престижных площадках, участвовать в конференциях и заседаниях, выступает перед студентами на кафедральных днях, юбилейных событиях факультета и университета, это же делают и ее ученики в разных вузах, тем самым продолжая нести от имени ивановской школы новое знание о великой культуре новым поколениям студентов.

Список литературы / References

- Авдеева К.Д. Исторические взгляды Джеймса Гаррингтона // Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука. Иваново, 1988. С. 107—124.
(Avdeeva K.D. James Garrington's Historical Views. *Renaissance: socio-political thought, philosophy, science*. Ivanovo, 1988, pp. 107—124. — In Russ.)
- Брагина Л.М. Гуманизм // Культура Возрождения: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А—К. М.: РОССПЭН, 2007. С. 477—484.
(Bragina L.M. Humanism. *Renaissance Culture: Encyclopedia, in 2 vols., vol. 1: A—K*. М., 2007, pp. 477—484. — In Russ.)
- Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе / пер. с латин. и коммент. Н.В. Ревякиной // Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989. С. 65—266.
(Valla Lorenzo. De vero falsoque bono (transl., introd. and comment. N.V. Revyakina), *Valla Lorenzo. De vero falsoque bono. De libero arbitrio*. М., 1989, pp. 65—266. — In Russ.)

- Валла Лоренцо. О наслаждении / пер. с латин. и вступ. ст. Н.В. Ревякиной // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. М.: Изд-во Академии художеств, 1962. С. 485—497.
(Valla Lorenzo. De voluptate (transl., introd. and comment. N.V. Revyakina), *The History of Aesthetics. Monuments of World Aesthetic Thought, vol. 1: Antiquity, Middle Ages, Renaissance*. М., 1962, pp. 485—497)
- Возрождение: гуманизм, образование, искусство / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново, 1994.
(Renaissance: Humanism, Education, Art, ed. by N.V. Revyakina, Ivanovo, 1994. 144 p. — In Russ.)
- Возрождение: культура, образование, общественная мысль / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново, 1985. 144 с.
(Renaissance: Culture, Education, Public Thought, ed. by N.V. Revyakina, Ivanovo, 1985. 144 p. — In Russ.)
- Возрождение: общественно-политическая и историческая мысль, человек в гуманизме / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново, 2003. 125 с.
(Renaissance: Socio-Political and Historical Thought, Man in Humanism, ed. by N.V. Revyakina, Ivanovo, 2003. 125 p. — In Russ.)
- Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново, 1988. 124 с.
(Renaissance: Socio-Political Thought, Philosophy, Science, ed. by N.V. Revyakina, Ivanovo, 1988. 124 p. — In Russ.)
- Денисенко Н.П. Проблемы бедности в трактате испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса «О вспомоществовании бедным» // Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново, 1988. С. 90—101.
(Denisenko N.P. Problems of poverty in the treatise of the Spanish humanist Juan Luis Vives “De subventionem pauperum”. *Renaissance: socio-political thought, philosophy, science*, ed. by N.V. Revyakina, Ivanovo, 1988, pp. 90—101. — In Russ.)
- Джелли Джамбаттиста. Цирцея / пер., вступ. ст., коммент. Н.В. Ревякиной. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 188 с.
(Gelli Giambattista. La Circe, *transl., introd. and comment. N.V. Revyakina*, Ivanovo, 2005. 188 p. — In Russ.)
- Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: сб. текстов. Часть 1. Саратов: СГУ, 1984. 240 с.
(Italian Renaissance Humanism: Collection of Texts. Part 1. Saratov, 1984. 240 p. — In Russ.)
- Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов. Часть 2. Саратов: СГУ, 1988. 190 с.
(Italian Renaissance Humanism: Collection of Texts. Part 2. Saratov, 1988. 190 p. — In Russ.)
- Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников / пер. с латин., вступ. ст. и коммент. Н.В. Ревякиной. М.: РОССПЭН, 2007. 263 с.
(Italian Humanist and Teacher Vittorino da Feltre in the Testimonies of Students and Contemporaries, *transl., introd. and comment. N.V. Revyakina*, М., 2007. 263 p. — In Russ.)
- Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения / сост. и вступ. ст. В.П. Шестакова. М.: Музыка, 1966. 575 с.
(Musical Aesthetics of the Western European Middle Ages and Renaissance, *ed. V.P. Shestakov*, М., 1966. 575 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В., Девятайкина Н.И. От Средневековья к «Радостному дому»: школа, ученики, учителя итальянского Возрождения (XIV—XV вв.). М.: РОССПЭН, 2020. 278 с.
(Revyakina N.V., Devjatajkina N.I. From the Middle Ages to the “The Joyful House”: School, Students, Teachers of Italian Renaissance (14—15 centuries). М., 2020. 278 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV—XV веков. Иваново: ИвГУ, 1993. 258 с.
(Revyakina N.V. Humanistic Education in Italy of the 14—15 centuries. Ivanovo, 1993. 258 p. — In Russ.)

- Ревякина Н.В. Испанский гуманист Хуан Луис Вивес о школе и обучении. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 124 с.
(Revyakina N.V. Spanish Humanist Juan Luis Vives about School and Learning. Ivanovo, 2022. 124 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV века — первой половины XV века: учебное пособие. Новосибирск, 1975. 173 с.
(Revyakina N.V. The Italian Renaissance. Humanism of the second half of the 14 — the first half of the 15 century. Novosibirsk, 1975. 173 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Лоренцо Валла. Его борьба с католическим мировоззрением и церковью: дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 325 с.
(Revyakina N.V. Lorenzo Valla. His Struggle with the Catholic Worldview and the Church: dis. ... candidate of Historical Sciences. M., 1963. 325 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М.: Наука, 1977. 272 с.
(Revyakina N.V. Problems of Human in Italian Humanism of the second half of the 14 — first half of the 15 century. M., 1977. 272 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения (XIV — первая половина XV в.): дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1979. 412 с.
(Revyakina N.V. Human in the Humanism of the Italian Renaissance (14 — the first half of the 15 century): diss. ... Doctor of Historical Sciences. L., 1979. 412 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 323 с.
(Revyakina N.V. Human in the Humanism of the Italian Renaissance. Ivanovo, 2000. 323 p. — In Russ.)
- Ревякина Н.В. Человек и мир в трактате Джаноццо Манетти // Джаноццо Манетти. О достоинстве и превосходстве человека / сост., пер., автор вступ. статьи, коммент. Н.В. Ревякина. М.: РОССПЭН, 2014. С. 3—23.
(Revyakina N.V. Human and the World in the Treatise by Gianozzo Manetti. *Gianozzo Manetti. De dignitate et excellentia hominis, transl., introd. and comment. N.V. Revyakina.* M., 2014, pp. 3—23. — In Russ.)
- Рутенбург В.И. Лоренцо Валла и его время // Хоментовская А.И. Лоренцо Вала — великий итальянский гуманист. М.; Л.: Наука, 1964. С. 9—15.
(Rutenburg V.I. Lorenzo Valla and his Time. *Khomentovskaya A.I. Lorenzo Valla — the Great Italian Humanist.* M., L., 1964, pp. 9—15. — In Russ.)
- Рутенбург В.И. Предисловие // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985. С. 3—5.
(Rutenburg V.I. Introduction. *Renaissance: Culture, Education, Public Thought.* Ivanovo, 1985, pp. 3—5. — In Russ.)
- Традиции образования и воспитания в Европе XI—XVII вв. / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. 206 с.
(Traditions of Education and Upbringing in Europe of the 11—17 centuries, ed. N.V. Revyakina. Ivanovo, 1995. 206 p. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Медиевистика в Ивановском университете: основные направления научного поиска // Средние века. 2009. Т. 70, № 1—2. С. 303—315.
(Tyulenev V.M. Medieval Studies at the University of Ivanovo: Basic Trends of Scholarly Research, *Srednie veka*, 2009, vol. 70, № 1—2, pp. 303—315. — In Russ.)
- Университеты Западной Европы: Средние века, Возрождение, Просвещение / отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1990. 140 с.
(Universities of Western Europe: The Middle Ages, Renaissance, Enlightenment, ed. N.V. Revyakina. Ivanovo, 1990. 140 p. — In Russ.)

**RENAISSANCE STUDIES AT IVANOVO UNIVERSITY:
N.V. REVYAKINA AND HER SCHOOL*****Nina Iv. Devyataykina***

Saratov State Conservatoire named L.V. Sobinov, Saratov;
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation,
devyatay@yandex.ru

Vladimir M. Tyulenev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru

Abstract. The article proposes a brief overview of the formation history of studying the European Renaissance culture at Ivanovo State University. Since the main steps in the Renaissance research direction was made by Professor N.V. Revyakina and under her direct supervision, the main attention is paid to her scientific contribution. The authors of the article considered it necessary to mention the significance of the humanistic text's translations carried out by N.V. Revyakina, about how her view of the European humanistic nature thoughts became more complex, evolved from admiration for the end of the 14 century man and, especially, of the middle of the 15 century to a complex and critical view of him in the 16 century. The article also notes the role of scientific works collections dedicated to the Renaissance prepared by N.V. Revyakina, which made Ivanovo one of the centers for the study of Renaissance culture. Finally, the authors of the article pay attention to Nina Revyakina as a teacher who trained several candidates of science, many of whom successfully continue their Renaissance research.

Keywords: scientific schools, medieval studies, Renaissance studies, Revyakina, humanistic thought, Renaissance pedagogy

For citation: Devyataykina N.I., Tyulenev V.M. Renaissance Studies at Ivanovo University: N.V. Revyakina and her School, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 116—128.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 13.10.2023.

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 13.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Девятайкина Нина Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова; профессор кафедры методики преподавания истории Института истории и политики Московского государственного педагогического университета, г. Москва, Россия, devyatay@yandex.ru

Devyataykina Nina Ivanovna — Doctor of Science (History), Professor of Department of Humanities, Saratov State Conservatoire named L.V. Sobinov; Professor of the Department of Methods of Teaching History, Institute of History and Politics of the Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, devyatay@yandex.ru

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of Science (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 129—133.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 129—133.

Научная статья

УДК 316.343.652

DOI: 10.46726/И.2023.5.14

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
vlchernoperov@rambler.ru

Сергей Михайлович Усманов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
ilapsi@yandex.ru

Ирина Александровна Буданова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
budanovaia@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Авторы анализируют работу XXXIII Международной научной конференции «Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения», прошедшей в Ивановском государственном университете 28 и 29 сентября 2023 г. В статье отмечены наиболее интересные доклады и выступления участников конференции. Выделяются некоторые подходы к изучению места и роли интеллектуалов и интеллигенции в общественной жизни. Выявляются некоторые существенные аспекты участия интеллигенции и интеллектуалов в социально-политических процессах современного мира.

Ключевые слова: XXXIII Международная научная конференция интеллигентов, Ивановский государственный университет, интеллектуалы, интеллигенция, дискуссионные вопросы изучения

Для цитирования: Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А. Дискуссионные вопросы изучения интеллигенции и интеллектуалов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 129—133.

Интеллигенция является очень специфическим социальным слоем в истории России и в современном российском обществе. Ее деятельность, как правило, вызывает многие вопросы и в нашей стране, и за рубежом. По сути дела, речь идет о том, где сегодня место интеллигенции и интеллектуалов в нашей стране и в мире, каков ее ответ на происходящее, в чем состоит ее повседневный героизм. На эти и другие вопросы искали ответы специалисты-интеллигентоведы, которые 28—29 сентября 2023 года собрались в стенах Ивановского государственного университета на XXXIII Международную научно-теоретическую конференцию «Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения». Форум продолжил многолетние традиции интеллигентоведения — изучения на Ивановской земле интеллигенции и интеллектуалов, заложенные известным ученым, профессором, заслуженным работником высшей школы РФ, лауреатом знака «За заслуги перед городом Иваново» В.С. Меметовым.

© Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А., 2023

Как и ранее, значимое научное мероприятие 2023 года было подготовлено НОЦ ИвГУ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике», а также редколлекцией журнала «Интеллигенция и мир» под руководством доктора исторических наук, профессора ИвГУ Василия Львовича Черноперова. Существенную организационную поддержку оказали также Ивановская городская Дума и Государственный архив Ивановской области.

Можно отметить, что сравнительно с предыдущим, 2022 годом, количество участников конференции возросло почти в полтора раза. В этом году форум в Ивановском государственном университете собрал около 70 ученых из ведущих научных и образовательных центров интеллигентоведения России — из Белгорода, Владимира, Воронежа, Иванова, Иркутска, Москвы, Кемерово, Костромы, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Сочи, Тулы, Ульяновска, Шуи и Ярославля, а также из Черногории и Турции. Во время работы конференции к ней через интернет присоединился молодой исследователь из Китая.

Пленарное заседание открыл ректор ИвГУ Алексей Александрович Малагин. Он отметил важность изучаемых вопросов, вклад именно ивановской школы интеллигентоведения и от имени руководства вуза пожелал участникам конференции плодотворно обсудить сформулированные в докладах проблемы и найти ответы, которые имели бы не только сугубо теоретическое значение, но и практическое применение.

С приветственным словом к собравшимся обратились также директор Института гуманитарных наук ИвГУ Светлана Андреевна Маник и директор Государственного архива Ивановской области Александр Михайлович Семенов. Выступавшие обратили особое внимание на вклад в развитие интеллигентоведения и популяризацию этого научного направления в России и за рубежом НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике», а также журнала «Интеллигенция и мир».

Первым с докладом на пленарном заседании выступил председатель организационного комитета конференции профессор ИвГУ В.Л. Черноперов. В его содержательном и достаточно критическом выступлении были обозначены достижения интеллигентоведения за прошедшие десятилетия, обозначены перспективные темы и методологические подходы. Через всё выступление В.Л. Черноперова прошла мысль о необходимости корпоративной сплоченности интеллигентоведов и необходимости взаимных отзывов на труды своих коллег по профессиональному цеху.

Тон, заданный первым докладчиком, продолжил профессор Алексей Вячеславович Зябликов из Костромы, обратившийся к наследию выдающегося отечественного мыслителя Александра Зиновьева. Следующий выступающий профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН Сергей Александрович Красильников остановился на дискуссионных аспектах профессиональных, социальных и властных мирах отечественной интеллигенции. Профессор из Иванова Сергей Михайлович Усманов посвятил доклад повседневному и потому далеко не всем сразу видимому героизму и подвижничеству отечественной интеллигенции. Актуально и своевременно прозвучало сообщение профессора из Москвы Бориса Львовича Хавкина о культуре нацистского режима в Германии. Завершил пленарную часть доклад доктора исторических наук из Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ Владимира Николаевича Прямыцына об известном военном историке Павле Андреевиче

Жилине. Все доклады вызвали повышенное внимание собравшихся. Высоконаучному характеру вопросов и остроте обсуждения способствовал тот факт, что участники конференции, благодаря организаторам, сумели ознакомиться с позициями докладчиков еще до открытия форума. В частности, это было особенно необходимо, поскольку не смогли выступить на пленарном заседании лично доцент Алим Маратович Абидуллин из Нижегородского государственного университета и профессор Синиша Елушич из Черногории.

По окончании пленарного заседания работа конференции переместилась в четыре секции — «Духовно-нравственные ориентиры самоидентификации интеллигенции и интеллектуалов», «Интеллигенция и интеллектуалы: ответственность и специфика ответа на вызовы окружающего мира», «Личность в интеллигентно-ведческом дискурсе», «Интеллигенция и интеллектуалы: опыт советской эпохи».

Среди выступлений на секциях можно отметить содержательный анализ духовного пути одного из крупных церковных интеллектуалов Русского Зарубежья епископа Нектария (Концевича), сделанный по видеосвязи профессором Нижегородского государственного университета А.А. Корниловым. Большой интерес участников конференции вызвало выступление В.П. Океанского и Ж.Л. Океанской (Шуйский филиал Ивановского государственного университета) об эсхатологическом аспекте глобального кризиса. Совершенно в другом ракурсе данная тематика была отражена в сообщении Г.С. Смирнова (Ивановский государственный университет) о формирующейся евразийской интеллигенции. В вопросах к этим участникам конференции и их ответах были polemически заострены многие сложные проблемы самоопределения интеллигенции в современном мире.

Очень оригинальным по тематике было выступление О.Н. Ерошкиной (Санкт-Петербургский государственный университет) о сохранении интеллигентами-ориенталистами культурного наследия Востока в советскую эпоху. Эти усилия ученых Северной столицы, как подчеркнула исследовательница, встретили репрессивную реакцию Советской власти. В живой и яркой форме на основе анализа романа Ф.М. Достоевского «Идиот» показал невозможность разделить Христа и Истину иеромонах Макарий (Маркиш) (Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Православная духовная семинария). Краеведческая тематика была представлена докладом игумена Германа (Дворцова) (Ивановский государственный университет) о стойкости и трагическом пути священника из села Кохма Николая Васильевича Авдакова в 1920—1930-е годы. Данное сообщение, основанное на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот, отличал также продуманный подбор презентационных материалов. Наконец, нельзя не отметить выступления студентки Екатерины Шепелевой (Ивановский государственный университет). Между тем, его содержание оказалось весьма значительным: вслед за своим научным руководителем В.Л. Черноперовым студентка из ИвГУ смогла выявить существенные аспекты творческой биографии такого видного европейского интеллектуала как Юрген Хабермас.

Участники конференции и все желающие могли ознакомиться и с другими докладами, представленными на конференции в ИвГУ, в сборнике, подготовленном и выпущенном до начала научного форума.

29 сентября участники конференции совершили экскурсию в г. Плёт, где в неформальной обстановке продолжили обсуждение научных проблем. А после завершения экскурсии вернулись в ИвГУ, где подвели основные итоги работы и приняли рекомендации по дальнейшему развитию начатых исследований. В частности, была отмечена необходимость продолжать начатые изыскания с

публикацией их результатов на страницах главной трибуны интеллигентоведов — журнала «Интеллигенция и мир», ранее уже публиковавшего те наработки участников конференции — А.М. Абидулина, Г.А. Будник, А.В. Зябликова, С.М. Усманова, В.Л. Черноперова и других [Абидулин, Кутлай: 9—33; Меметов, Будник: 9—22; Зябликов: 179—192; Усманов: 85—99; Черноперов, Усманов, Буданова: 9—32; Черноперов: 100—108] — которые нашли свое отражение в выступлениях на конференции в ИвГУ 2023 г.

Список литературы / References

- Абидулин А.М., Кутлай Э.Б. Османская музыка в XVIII — начале XX столетия: на пути модернизации музыкальной культуры // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 9—33. (Abidulin A.M., Kutlai E.B. Ottoman music in the 18th — early 20th centuries: towards the modernization of musical culture, *Intelligentsia and the World*, 2022, no. 3, pp. 9—33. — In Russ.).
- Зябликов А.В. Юбилейные Зиновьевские чтения в Костроме: итоги и впечатления // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 179—192. (Ziablikov A.V. Anniversary Zinoviev readings in Kostroma: results and impressions, *Intelligentsia and the World*, 2023, no. 1, pp. 179—192. — In Russ.).
- Меметов В.С., Будник Г.А. Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 9—22. (Memetov V.S., Budnik G.A. Higher education in Russia: traditions, continuity, development prospects, *Intelligentsia and the World*, 2018, no. 3, pp. 9—22. — In Russ.).
- Усманов С.М. Интеллигенция и будущее России в диалогах С. Н. Булгакова «На пиру богов» // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 85—99. (Usmanov S.M. The intelligentsia and the future of Russia in S. N. Bulgakov's dialogues "At the Feast of the Gods", *Intelligentsia and the World*, 2009, no. 3, pp. 85—99. — In Russ.).
- Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А. Европейские интеллектуалы и российские интеллигенты XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 9—32. (Chernoperov V.L., Usmanov S.M., Budanova I.A. European intellectuals and Russian intellectuals of the twentieth century: features of interaction with society and government, *Intelligentsia and the World*, 2015, no. 4, pp. 9—32. — In Russ.).
- Черноперов В.Л. Юрген Хабермас в контексте модели социально-политической самореализации западных интеллектуалов // Интеллигенция и мир. 2015. № 2. С. 100—108. (Chernoperov V.L. Jurgen Habermas in the context of the model of socio-political self-realization of Western intellectuals, *Intelligentsia and the World*, 2015, no. 2, pp. 100—108. — In Russ.).

DEBATE ISSUES IN THE STUDY OF INTELLIGENTSIA AND INTELLECTUALS

Vasily L. Chernoperov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vlchernoperov@rambler.ru

Sergey M. Usmanov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilapsi@yandex.ru

Irina A. Budanova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, budanovaia@ivanovo.ac.ru

Abstract. The authors analyze the work of the XXXIII International Scientific Conference "Intellectuals and Intellectuals: Discussive Issues of Study," held at Ivanovo State University on September 28 and 29, 2023. The article highlights the most interesting reports

and speeches of the conference participants. Some approaches to studying the place and role of intellectuals and intelligentsia in public life are highlighted. Some significant aspects of the participation of the intelligentsia and intellectuals in the socio-political processes of the modern world are revealed.

Keywords: XXXIII International Scientific Conference of Intellectual Studies, Ivanovo State University, intellectuals, intelligentsia, controversial issues of study

For citation: Chernoperov V.L., Usmanov S.M., Budanova I.A. Debate issues in the study of intelligentsia and intellectuals, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 129—133.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 13.10.2023.

The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 13.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vlchernoperov@rambler.ru.

Chernoperov Vasily Lvovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of the General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vlchernoperov@rambler.ru.

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilapsi@yandex.ru.

Usmanov Sergey Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of the General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilapsi@yandex.ru.

Буданова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, budanovaia@ivanovo.ac.ru.

Budanova Irina Alexandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of the General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, budanovaia@ivanovo.ac.ru.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 134—142.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 134—142.

Научная статья

УДК 378.12/14:003

DOI: 10.46726/И.2023.5.15

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ИВГУ В XXI ВЕКЕ: ОПЫТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Мерине Акоповна Меликян

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
melikyanma@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья представляет собой опыт портретирования кафедры философии Ивановского государственного университета. Семиотическое портретирование представлено как универсальная форма текстовой репрезентации значений и смыслов качественно понимаемой вещи — кафедры: ее прошлого, настоящего и будущего. Дан краткий экскурс в историю кафедры, обозначены основные этапы ее бытия. Зафиксированы базовые тренды ее развития в единстве научного и педагогического измерения. Уточнены ключевые показатели эффективности деятельности кафедры. Сделан вывод, что современное положение кафедры философии ИВГУ в университете и научно-образовательном пространстве региона является закономерным (промежуточным) итогом всего ее предшествующего развития.

Ключевые слова: философия, семиотика, кафедра философии ИВГУ, грант, научно-образовательный центр, направление подготовки, профессорско-преподавательский состав, портретирование

Для цитирования: Смирнов Д.Г., Меликян М.А. Кафедра философии ИВГУ в XXI веке: опыт семиотического портретирования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 134—142.

Вместо введения: предыстория. Кафедра философии — одна из старейших кафедр в Ивановском государственном университете. Ее история начинается вместе с возникновением Ивановского государственного педагогического института (ИГПИ) 1 декабря 1932 года.

С самого начала своей истории кафедра имела непростую судьбу, обусловленную идеологической подоплекой: в марте 1938 года она временно прекратила свое существование (хотя, одновременно была создана кафедра социально-экономических наук); в 1939 году кафедра получила новое «имя», став кафедрой марксизма-ленинизма. С таким названием она и просуществовала

вплоть до 1953 года. Только в период «хрущевской оттепели» кафедра вернула свое историческое наименование, вновь став кафедрой философии. После этого менялись только «имена» вуза; кафедра до настоящего времени сохранила свой концептуальный статус в системе классического университета.

В 2022 году кафедра философии отметила свой 90-летний юбилей. Нужно отметить, что и предшествующие юбилейные (и не только) даты провоцировали рефлексию в отношении ее жития-бытия, ее ноосферной истории как истории людей и истории идей [Смирнов 2012]. Но именно «гранитный» юбилей сподвигает начать осмысливать «прожитое и пережитое», чтобы к 100-летию «написать» полную историю кафедры¹.

Семиотическое портретирование. В первом приближении классическое портретирование предполагает только воссоздание внешнего облика модели. Но глубинное портретирование (как назвал бы его, наверное, профессор А.Н. Портнов) «предполагает и раскрытие духовного мира изображаемого персонажа, представляя его комплексную характеристику — его характера, социальных, национальных, исторических черт» [Шушарина 2017: 28]. Наиболее близким к нашему семиотическому портретированию является концепт культурологического портрета — исторически открытой динамической системы, включающей историко-культурные, семиотические и аксиологические элементы, для которой свойственна детерминированность современного состояния прошлым и открытость будущего(му) [Евменова, Кудинова 2013: 30].

Семиотическое портретирование в нашей системе референций, ориентированной на системный подход, предстает как вербальная визуализация предмета (в нашем случае — кафедры) как овеществленного свойства и отношения через культурно-исторические артефакты его бытия. «Историко-антропологические» факты в этом контексте рассматриваются не столько как временные феномены, сколько как семиотические, знаковые. Последние как раз и отвечают в портретировании за связь прошлого, настоящего и будущего, за рядоположенность культурного (в широком смысле) анамнеза, диагноза и прогноза.

Исторический «анамнез». Хронология предлагаемого «анамнеза» рваная, где-то она уходит в 1990-е годы, где-то ограничивает повествование нулевыми. «Анамнез» (как и, далее, «диагноз»), в первую очередь, симптоматичен, то есть акцентирует внимание на «калькулируемых» фактах, зачастую подсвеченных антропологически.

Кафедра в системе «философской культуры». Кафедра всегда была в центре философской жизни России. Именно она была ядром Ивановского отделения Российского философского общества, председателями которого в свое время были профессор А.Н. Портнов, А.В. Ерахтин².

В 2009 году (в эпоху взрывного роста интереса к когнитивистике) было инициировано создание Ивановского отделения Научного Совета РАН

---

¹ Кафедра философии Ивановского государственного университета отчасти уже стала предметом исследовательского внимания — исторического [Смирнов, Теплянский 2012], философского (экзистенциального) [Дмитревская 2010], «инвайронментального» [Смирнов Г., Смирнов Д. 2012], «лично-персоналистического» [Смирнов 2010, 2013, 2014, 2015a, 2015b, 2022].

² В настоящее время председателем Ивановского отделения Российского философского общества является заведующий кафедрой философии ИвГУ — Д.Г. Смирнов. В составе регионального отделения значится 30 человек.

по методологии искусственного интеллекта (с самостоятельной молодежной секцией), первым председателем которого стал профессор А.Н. Портнов.

В течение долгого времени кафедра активно сотрудничала в рамках совместных проектов с общественными академиями, такими как Российская академия естественных наук (РАЕН), Российская экологическая академия (РЭА), Международная академия ноосферы (устойчивого развития) (МАНУР). Тесные связи, зародившиеся в начале 2000-х годов с Неправительственным экологическим фондом им. В.И. Вернадского, сохранились и по сей день.

Особо следует отметить формирование научных центров на кафедре в 2004 году, которые во многом обусловили ее уникальность (и, вместе с тем, актуальность) в ряду множества гуманитарных кафедр региональных университетов России. Первый — Биосферно-ноосферный центр Отделения изучения проблем биосферы Российской академии естественных наук (РАЕН). Второй — Центр этнических и национальных исследований (ЦЭНИ), который возглавил профессор О.В. Рябов³.

Подобное позиционирование кафедры как в регионе, так на федеральном пространстве закономерно определили ее «положение в отечественном философском космосе», ее включенность в разработку значимых научно-философских проблем.

Вотум научного доверия. Одним из значимых показателей актуальности научных исследований (особенно в региональном университете) были и остаются гранты / государственные задания. Грантовая поддержка демонстрирует степень включенности вуза и структурного подразделения в критически важные исследовательские разработки.

Кафедра философии не была обойдена вниманием грантодателей. В рамках финансовой поддержки, начиная с 2000 года были успешно реализованы следующие исследовательские проекты:

«Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы» (РГНФ, проект № 00-03-00223, руководитель — А.Н. Портнов);

«Философско-методологический анализ взаимосвязи ноосферы и семиосферы» (Минобрнауки РФ, проекты № А03-1.1-13 и № А04-1.1-75, руководитель — Д.Г. Смирнов);

«Региональная модель устойчивого развития как результат комплексных ноосферных исследований» (РГНФ, проект № 07-03-54704 а/Ц, руководитель — Г.С. Смирнов);

«Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» (РФФИ, проект № 15-03-00833, руководитель — Г.С. Смирнов);

«Символ “Родины-матери” в символической политике современной России» (РФФИ, проект № 15-03-00010, руководитель — О.В. Рябов);

«Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация» (РФФИ, № 20-011-22084, руководитель — Д.Г. Смирнов);

«Ноосферный университет: конструирование виртуального регионального интеллектуального пространства» (ИвГУ, проект № 17-21-Д, руководитель — М.А. Меликян).

В качестве «исполнителя» кафедра принимала участие в реализации проектов «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ» (РНФ, проект № 18-18-00233,

³ Подробнее о центре см. в текущем номере журнала [Рябов 2023].

руководитель — О.В. Рябов) и «“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты» (РФФИ, проект № 19-011-00748, руководитель — О.В. Рябов).

Диссертационный совет. Приказ о его создании совета относится к 1982 году. Сначала он был только советом по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук К 063.84.01. Несколько лет спустя ему доверили экспертизу и докторских диссертаций по специальности 09.00.01 — диалектический и исторический материализм; он получил новое имя — Д 063.84.04. В 1997 совет был преобразован в Диссертационный совет по философским наукам Д 212.062.01 по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора философских наук по специальностям 09.00.01 — онтология и теория познания и 09.00.11 — социальная философия.

Состав совета менялся (пополнялся, в том числе и за счет подготовленных на кафедре докторов наук), но одно оставалось неизменным — высокий уровень научной подготовки членов. Динамика состава совета во многом определялась меж- и трансдисциплинарными тенденциями в развитии научного знания. Так, постепенно, к философам присоединились сначала историки и филологи (культурологи), а затем и социологи. Наверное, именно оригинальность и комплексность поставленных и решаемых задач предопределили популярность совета среди не только близлежащих регионов, но и отдаленных областей России⁴.

Профессиональный «диагноз». В настоящее время на кафедре работает 7 профессоров и доцентов. Они осуществляют разнообразные виды деятельности, отвечающие букве и духу трех миссий университета.

Образовательная деятельность. Кафедра обеспечивает образовательный процесс на всех без исключения направлениях подготовки и уровнях образования университета⁵. В 2022 года кафедра философии официально стала выпускающей (в рамках бакалавриата). В июне «выпустились» 8 историков по профилю «Культурно-историческое проектирование» (руководитель — профессор М.Ю. Тимофеев). В целом на направленности обучается 20 будущих культурологов (без учета еще неопределившихся 1 и 2 курсов «историков»).

В аспирантуре на специальностях «Онтология и теория познания» (руководитель — заведующий кафедрой Д.Г. Смирнов) и «Социальная (и политическая) философия» (руководитель — профессор Г.С. Смирнов) обучается 5 действующих аспирантов; еще 4 работают над завершением диссертационных исследований после окончания обучения в аспирантуре.

Научная деятельность. Ежегодно кафедра выступает инициатором и организатором научных конференций разного уровня представительства: в среднем 3 конференции — это всероссийские мероприятия с международным участием. Научная работа ведется как индивидуально, так и творческих коллективах.

На кафедре работают 3 «исследовательских» центра:
научно-образовательный центр «Комплексные ноосферные исследования» (с 2004, руководитель — профессор Г.С. Смирнов);
научно-образовательный центр «Городские и региональные исследования» (с 2019, руководитель — профессор М.Ю. Тимофеев);

⁴ Подробнее о совете см. в текущем номере журнала [Смирнов 2023].

⁵ А это без малого 24 направления подготовки для бакалавриата, 1 направление подготовки для специалитета, 16 направлений подготовки для магистратуры, 17 направлений подготовки для аспирантуры.

научно-образовательный и проектный центр «Тарковский. Контексты» (с 2022, руководитель — Е.М. Раскатова).

За кафедрой закреплены 3 научных журнала⁶:

«Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки» [ISSN 2219-5254, ВАК РФ, РИНЦ; ИФ РИНЦ'22 — 0,290; профессор Г.С. Смирнов — заместитель главного редактора];

«Ноосферные исследования» [ISSN 2307-1966, РИНЦ; ИФ РИНЦ'22 — 0,809; заведующий кафедрой Д.Г. Смирнов — главный редактор];

«Labyrinth. Теории и практики культуры» [ISSN 2713-3362, РИНЦ; ИФ РИНЦ'22 — 0,265; профессор М.Ю. Тимофеев — главный редактор].

Публикационная активность в целом соответствует высокому уровню квалификации профессорско-преподавательского состава кафедры. За последние 5 лет в издательском активе кафедры 2 индивидуальных монографии и 4 главы в коллективных монографиях, 6 статей в международных базах цитирования (WoS, Scopus), более 30 статей в журналах, включенных в перечень ВАК, столько же — в иных рецензируемых журналах РИНЦ; порядка 30 материалов докладов. За «отчетный» период кафедра выступила организатором 15 научных конференций всероссийского уровня, а преподаватели приняли участие более чем в 90 научных мероприятиях.

Проектная деятельность. Воспитательная (в том числе кураторская) и просветительская деятельность реализуются на кафедре через проекты. В активе кафедры участие в одном федеральном проекте — «Наука 0+», из которого закономерным образом возник университетский проект «Неделя науки». Большую популярность среди студентов обрел реализуемый на протяжении уже 8 лет проект «Неделя философии в ИвГУ».

На настоящий момент кафедра выступает автором 3 региональных проектов:

профориентационный интенсив для школьников и их родителей «Этажи знаний» (куратор — М.А. Меликян), предполагающий знакомство потенциальных абитуриентов с университетом, преподавателями, студентами, направлениями подготовки в увлекательной игровой форме;

«Лаборатория смыслов» (куратор — Д.Г. Смирнов), пространство «научения» чтению, интерпретации и пониманию текстов культуры в их разнообразных формах с позиций системной герменевтики;

КиноВторник (кураторы — Е.М. Раскатова и М.А. Миловзорова), пространство глубинного осмысления кинематографических текстов отечественной и мировой культуры.

С 2023 года кафедра ведет авторский подкаст на сайте университета, который называется «История с философией» (автор — заведующий кафедрой Д.Г. Смирнов).

⁶ Преподаватели кафедры входят в редакционные коллегии и редакционные советы нескольких сторонних научных журналов (в том числе и зарубежных): *Этически исследования* [Болгария, ISSN 2534-8434; DOAJ, ROAD, ERINPLUS; Д.Г. Смирнов], *Интеллигенция и мир* [ISSN 1993-3959, ВАК РФ, РИНЦ; ИФ РИНЦ'22 — 0,306; Г.С. Смирнов], *Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия* [ISSN 2587-5604; РИНЦ; ИФ РИНЦ'22 — 0,876; Д.Г. Смирнов], *Бурьлинский альманах* [ISSN 2309-8953; Г.С. Смирнов, Д.Г. Смирнов].

Экспертная деятельность. Этот вид деятельности связан не только с экспертизой результатов научной работы (монографий, статей, учебных пособий). Преподаватели кафедры входят в различные общественные советы и комиссии по профилю своих научных изысканий. В их числе:

Комиссия Российской академии наук по изучению научного наследия выдающихся ученых (профессор Г.С. Смирнов);

Экспертный совет по промышленному наследию Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры (профессор М.Ю. Тимофеев);

Общественная палата Ивановской области (профессор М.Ю. Тимофеев);

Общественный Совет по культуре при Департаменте культуры и туризма Ивановской области (профессор Е.М. Раскатова);

Экспертный совет (региональный) по проекту «Пушкинская карта» (профессор Е.М. Раскатова).

Вместо заключения: футурологический «прогноз». За свою обозримую историю кафедра философии сменила 3 «месторазвития» на вторых этажах 1, 5 и 6 учебных корпусов Ивановского государственного университета. Каждый переезд что-то менял, но менял, как оказалось, к лучшему. Формы «отшельничества» и «скитания» — исконно философские — сменились на формы включенности. Кафедра философии для своего нового институционального дома — института гуманитарных наук — выступает в роли аттрактора, в некотором смысле системообразующего фактора. Для университета как никогда важны формы синергичности и эмерджентности, порождающие новое свойство — образовательное и/или научное.

Прогнозирование (а футурология тем более) в философии всегда имеет тенденцию к превращению либо в утопию, либо в антиутопию. Вместе с тем, всегда остается место для философского реализма. Именно в этом ключе осуществлен данный качественный «прогноз».

Память о своих прошлых состояниях — не всегда ностальгия. Воспоминание есть всегда усилие памяти, мышления и сознания. Устойчивость развития всегда задается устоями, и никогда только целями. Кафедральные устои — научные и педагогические — «прорастают» в условиях нового цивилизационного уклада. Идеи и концепции, сформулированные в недрах заседаний кафедры (в том числе и неформальных) и диссертационного совета, находят свое место в учебных дисциплинах и внеурочных занятиях; новаторство в педагогической деятельности принимает формы, сообразные новым «технологическим» веяниям — лаборатории, постановки, подкасты...

Этой же логике, думается, подчиняется и сугубо научный дискурс — философия сознания, представленная через философию языка, философию человека, философию ноосферы была и остается глубинным регулятивом развития кафедры. Городские / региональные исследования и «глубинная культурология», поднимающие, в том числе проблематику идентичности, «унаследованную» от центра этнических и национальных исследований, органически достраивают эту философскую систему вовне (в собственно нефилософский дискурс). В культурно-исторических проектах собственно философское обретает реальные (прикладные) формы.

Развитие кафедры видится в системном ключе, как, собственно, оно всегда и происходило. Главная идея свободного научного искания (в рамках обозначенной приоритетной научной проблемы) сама определяет системообразующие отношения, которые отбирают элементы системы (преподавателей, аспирантов, докторантов, центры, журналы, проекты...).

Задел, с которым кафедра подходит к рубежным для региона проектам единого научно-образовательного консорциума и кампуса международного уровня, позволяет оптимистично смотреть в будущее. Реалистический логико-философский анализ позволяет сделать вывод, что кафедра философии Ивановского государственного университета постепенно становится центром притяжения не только для гуманитариев (специалистов в современной гуманитаристике) региона, но и соседних областей.

Список литературы / References

- Дмитревская И.В. Моя кафедра философии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (3). С. 71—81.
(Dmitrevskaya I.V. My department of philosophy, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2010, no. 3 (3), pp. 71—81. — In Russ.)
- Евменова Л.Н., Кудинова И.Ю. Культурологический портрет как понятие и метод исследования города // Дискуссия. 2013. № 10 (40). С. 29—32.
(Evmenova L.N., Kudinova I.Yu. Cultural portrait as a concept and method of city research, *Discussion*, 2013, no. 10 (40), pp. 29—32. — In Russ.)
- Рябов О.В. Этнические и национальные исследования на кафедре философии ИвГУ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 155—160.
(Ryabov O.V. Ethnic and national studies at the Department of Philosophy of Ivanovo State University, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 155—160. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Первый Иваново-Вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 3—8.
(Smirnov G.S. The first Ivanovo-Voznesensk philosopher (on the occasion of the centenary of Professor Nikolai Pavlovich Antonov), *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2010, no. 2 (10), pp. 3—8. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. На девятом этаже: София-премудрость в постсоветском обществе (к юбилею профессора Ирины Владимировны Дмитревской) // Ноосферные исследования. 2013. № 2 (4). С. 101—103.
(Smirnov G.S. On the ninth floor: Sophia-wisdom in post-Soviet society (to the anniversary of Professor Irina Vladimirovna Dmitrevskaya), *Noospheric Studies*, 2013, no. 2 (4), pp. 101—103. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Мудрость философа: тихая глобальность провинции (К 90-летию юбилею профессора Г.Н. Гумницкого) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 103—105.
(Smirnov G.S. The wisdom of a philosopher: the quiet globality of the province (to the 90th anniversary of professor G.N. Gumnitsky), *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2014, no. 2 (14), pp. 103—105. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Онтология жизненного мира: к 75-летию юбилею профессора А.В. Ерахтина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015а. № 3 (8). С. 81—82.
(Smirnov G.S. Ontology of the life world: on the occasion of the 75th anniversary of professor A.V. Erakhtin, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2015, no. 3 (8), pp. 81—82. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Российский даэзин: первобытие «Александра Великого» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015б. № 2 (15). С. 76—83.

- (Smirnov G.S. Russian daseign: the primeval existence of “Alexander the Great”, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2015, no. 2 (15), pp. 76—83. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. А.Н. Портнов: жизнь философа-интеллектуала в русской провинции // Ноосферные исследования. 2022. № 2. С. 101—114.
- (Smirnov G.S. A.N. Portnov: the life of a philosopher-intellectual in the Russian province, *Noospheric Studies*, 2022, no. 2, pp. 101—114. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Ноосферный пейзаж: логика развития и экология выживания университетской научной школы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 54—75.
- (Smirnov G.S., Smirnov D.G. Noospheric landscape: the logic of development and the ecology of survival of a university scientific school, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2012, no. 2 (12), pp. 54—75. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
- (Smirnov D.G. *Noospheric idea and noospheric history: introduction to universal cliosophy*, Ivanovo, 2012, 250 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Философия советования: диссертационный совет по философии в Ивановском государственном университете (1982—2016) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 143—154.
- (Smirnov D.G. Philosophy of advice: dissertation council on philosophy at Ivanovo State University (1982—2016), *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 143—154. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г., Теплянский М.В. История кафедры философии: начало биографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 94—111.
- (Smirnov D.G., Teplyansky M.V. History of the Department of Philosophy: the beginning of the biography, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2012, no. 2 (12). pp. 94—111. — In Russ.)
- Шушарина Г.А. Портретирование как метод изучения языковой личности // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2017. Т. 2, № 2 (30). С. 27—30.
- (Shusharina G.A. Portraiting as a method of studying linguistic personality, *Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, 2017, vol. 2, no. 2 (30), pp. 27—30. — In Russ.)

PHILOSOPHY DEPARTMENT OF IVSU IN THE XXI-ST CENTURY: EXPERIENCE OF SEMIOTIC PORTRAITURE

Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo,
Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Merine A. Melikyan

Ivanovo State University, Ivanovo,
Russian Federation, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article represents the experience of portraiting the Department of Philosophy of Ivanovo State University. Semiotic portraiture is presented as a universal form of textual representation of the values and meanings of a qualitatively understood thing — the department: its past, present and future. A brief excursion into the history of the department is

given, the main stages of its existence are outlined. The basic trends of its development in the unity of scientific and pedagogical dimensions are recorded. The key performance indicators of the department's activities have been clarified. It is concluded that the current position of the Department of Philosophy at IVSU in the university and scientific and educational space of the region is a natural (intermediate) result of all its previous development.

Keywords: philosophy, semiotics, Philosophy Department, grant, scientific and educational center, direction of training, teaching staff, portraiture

For citation: Smirnov D.G., Melikyan M.A. Philosophy Department of IvSU in the XXI-st century: experience of semiotic portraiture, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*. 2023, Special issue, pp. 134—142.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Институт гуманитарных наук Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Меликян Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Melikyan Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 143—154.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 143—154.

Научная статья

УДК 378.2:101.3

DOI: 10.46726/И.2023.5.16

ФИЛОСОФИЯ СОВЕТОВАНИЯ: ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ФИЛОСОФИИ В ИВАНОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1982—2016)

Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным сторонам жизнедеятельности специализированного диссертационного совета по философским наукам при Ивановском государственном университете, функционировавшего в 1982—2016 годах. Представлена краткая история диссертационного совета, ставшего одним из центров интеллектуальной жизни города и региона. Предложена «социология» деятельности совета. Зафиксировано, что диссертационный совет по философским наукам при Ивановском государственном университете выступил в роли кузницы философских кадров не только для Ивановской, но Владимирской, Ярославской, Костромской Вологодской и Нижегородской губерний. Сделан вывод, что феномен советования, имманентно присутствующий Иван-краю, наиболее ярко проявляет себя в лоне классического университета, создавая условия выработки оригинальных, эвристических онтологических, гносеологических, аксиологических и праксиологических моделей глокального бытия.

Ключевые слова: философия, философия советования, диссертационный совет, Ивановский государственный университет, интеллектуальный хронотоп, социология совета

Для цитирования: Смирнов Д.Г. Философия советования: диссертационный совет по философии в Ивановском государственном университете (1982—2016) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 143—154.

Университетская учебная и научная жизнь в своей основе базируется на функционировании советов. Ученый совет вуза и ученый совет института / факультета всегда дополнялись диссертационными советами, главной задачей которых была аттестация подготовленных в аспирантуре кадров высшей квалификации.

В ИвГУ в 1980-е годы появилось сразу несколько диссертационных советов — философский, исторический и филологический, которые выросли из крупных научных школ профессоров Николая Павловича Антонова, Павла Вячеславовича Куприяновского и Валериана Макарьевича Бритова.

Цель настоящей статьи — очертить «жизненный путь» специализированного диссертационного совета по философским наукам при Ивановском государственном университете.

Приказ о создании совета относится к 1982 году. Диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата

© Смирнов Д.Г., 2023

философских наук К 063.84.01¹ был создан на базе Ивановского государственного университета имени Первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов².

Инициатором создания диссертационного совета по философским наукам стал первый иваново-вознесенский философ — Николай Павлович Антонов (1909—1985) [Смирнов 2010]. В первый состав диссовета вошли проректор ИвГУ, кандидат философских наук, доцент Юрий Михайлович Серов (председатель), профессора Николай Павлович Антонов, Петр Александрович Лежебоков, Григорий Николаевич Гумницкий, Галина Клавдиевна Ермолина, Игорь Ильич Булычев, Корней Трофимович Бельский (Брянск), Альберт Константинович Кудрин (Ярославль), Федор Васильевич Цанн-кай-си (Владимир), Виктор Иванович Пернацкий (Горький) и др.

В 1997 году диссертационный совет по философским наукам при ИвГУ получил новое имя (код) — Д 212.062.01. Он стал рассматривать диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора философских наук по специальностям 09.00.01 — онтология и теория познания и 09.00.11 — социальная философия. Новый состав совета возглавил профессор Петр Александрович Лежебоков, в состав совета дополнительно вошли профессор Арнольд Валентинович Ерахтин (ученый секретарь), Ирина Владимировна Дмитриевская, Юрий Михайлович Воронов, Александр Михайлович Дорожкин (Нижний Новгород), Андрей Владимирович Резаев (Санкт-Петербург).

В 1999 году докторский совет по философским наукам возглавил доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ИвГУ Александр Николаевич Портнов, а заместителем председателя совета стал профессор Арнольд Валентинович Ерахтин. В состав совета были введены кандидат философских наук, доцент Олег Вячеславович Рябов (ученый секретарь), доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина Михаил Викторович Максимов, доктор философских наук, доцент Григорий Станиславович Смирнов.

В последующие годы в состав совета входили профессора-философы Михаил Михайлович Прохоров (Нижний Новгород), Юрий Михайлович Резник (Москва), а также доктор филологических наук, профессор Вячеслав Петрович Океанский и доктор исторических наук, профессор Сергей Махмудович Усманов.

В разное время количественный состав совета варьировался от 19 до 21 человека. В состав совета входили ведущие специалисты по указанным специальностям из Иванова (они составляли костяк совета), Владимира, Москвы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Ярославля. Наряду с докторами философских наук, в состав совета в нулевые годы входили историки, филологи,

---

¹ Несколько лет спустя совет получил статус докторского вместе с новым кодом — Д 063.84.04. В самом начале в совете проходили экспертизу и защищались диссертации по специальности 09.00.01 — диалектический и исторический материализм. После 1991 года была утверждена современная номенклатура специальностей.

² Это имя было присвоено ИвГУ (в память о 70-летней годовщине «университета на Талке») и создания в Иваново-Вознесенске общегородского совета рабочих депутатов в 1905 году) приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР № 56 от 10 февраля 1975 года уже после образования ИвГУ в 1973 году. В 1994 году университету вернули его «исходное» именование — Ивановский государственный университет (свидетельство от 6 июля 1994 г. № 029).

социологи, отражая закономерный процесс актуализации междисциплинарности (комплексности).

В 2011 году диссертационный совет возглавил доктор философских наук, профессор Григорий Станиславович Смирнов. В этот период началась перестройка работы диссертационных советов, связанная с новыми требованиями по подготовке защиты диссертаций и техническому сопровождению процедуры самой защиты.

Последний «присутственный лист» от 11 января 2016 года включал следующих членов совета:

№	ФИО	ученое звание	специальность	город
1	Смирнов Григорий Станиславович (Председатель совета)	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
2	Ерахтин Арнольд Валентинович (зам. Председателя совета)	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
3	Смирнов Дмитрий Григорьевич (ученый секретарь)	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
4	Аргунова Вера Николаевна	доктор социологи- ческих наук	09.00.11	Иваново
5	Брагин Андрей Витальевич	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
6	Булычев Игорь Ильич	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
7	Воронов Юрий Михайлович	доктор политических наук	09.00.11	Иваново
8	Гумницкий Григорий Николаевич	доктор философских наук	09.00.11	Иваново
9	Дмитревская Ирина Владимировна	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
10	Ерофеева Ксения Леонидовна	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
11	Зеленцова Марина Григорьевна	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
12	Кудрин Альберт Константинович	доктор философских наук	09.00.01	Ярославль
13	Кудряшова Татьяна Борисовна	доктор философских наук	09.00.01	Иваново
14	Максимов Михаил Викторович	доктор философских наук	09.00.11	Иваново
15	Резник Юрий Михайлович	доктор философских наук	09.00.11	Москва
16	Рябов Олег Вячеславович	доктор философских наук	09.00.11	Иваново
17	Тимофеев Михаил Юрьевич	доктор философских наук	09.00.11	Иваново
18	Усманов Сергей Махмудович	доктор исторических наук	09.00.11	Иваново
19	Цанн-кай-си Федор Васильевич	доктор философских наук	09.00.11	Владимир

Диссертационный совет «жил» в соответствии с принципами самоорганизации и саморегуляции. Как, наверное, сказала бы профессор Ирина Владимировна Дмитриевская, концепт совета — его главная идея, связанная с поддержкой свободы научного искания, формировал профессионально-дружеские отношения, которые, в свою очередь, «привлекали» мыслящих в унисон специалистов из сферы масштабного социогуманитарного знания.

«Совет совета» представлял разные научные специальности (как по номенклатуре, так и в кафедральных реалиях), разные теоретические платформы и исследовательские парадигмы, разные города (и, соответственно, традиции), разные университеты. Но, в этом-то и заключается, наверное, специфика советования, что в рамках заседаний совет действовал как единое интеллектуальное целое. Так, философский совет ИвГУ в полном смысле иллюстрирует другой актуальный для научного искания тезис — «единство в многообразии».

Ключевым показателем эффективности совета были и остаются защиты, точнее их количество. За неполных 35 лет своего существования философский совет ИвГУ провел экспертизу около 150 кандидатских и докторских диссертаций, при этом «поставив на защиту» только порядка 70 %.

Очевидно, именно такая высокая интеллектуальная технология позволила достичь, с нашей точки зрения, главного показателя эффективности — *100% диссертаций, получивших утверждение в Высшей аттестационной комиссии*, при отсутствии замечаний со стороны контролирующих структур.

Первая защита (соискатель Пленин Геннадий Яковлевич) состоялась в 1983 году³. За время работы философского совета в ИвГУ (с 1983 по 2016 год) были защищены 93 кандидатские диссертации:

1984

- Тетерина Надежда Валериановна — Диалектика естественного и искусственного в развитии природы и общества (09.00.01)
 Смирнов Григорий Станиславович — Экологизация сознания как отражение современной экологической ситуации (09.00.01)
 Буянова Надежда Владимировна — Гносеологический анализ исторического опыта (09.00.01)

1985

- Тонких Артур Михайлович — Мировоззренческое значение термина «ноосфера» (09.00.01)

1986

- Никанорова Татьяна Васильевна — Методологические проблемы исследования структуры общественного сознания (09.00.01)

1988

- Постовалов Олег Анатольевич — Система функций общественного сознания (09.00.01)

1989

- Калинников Сергей Леонардович — Роль культуры в развитии нравственного сознания при социализме (09.00.01)
 Иванов Михаил Юрьевич — Соотношение социального и биологического в формировании морального сознания (09.00.01)

³ К сожалению, более никаких данных о диссертации (наименование темы, научный руководитель, специальность и т. д.) обнаружить не удалось.

1990

- Куликова Ольга Борисовна — Гуманистический потенциал научно-технической революции и социализм (09.00.01)
Лушин Евгений Львович — Социальная справедливость как условие формирования морального сознания (09.00.11)
Осколков Михаил Александрович — Философско-социологическое исследование демографического сознания (09.00.01)

1993⁴

- Голубева Марина Валентиновна — Религиозное сознание в контексте научно-технической революции (социально-философский подход) (09.00.11)

1996

- Бутырина Марина Валентиновна — Взаимодействие политики и искусства (социально-философский аспект) (09.00.11)
Каткова Лариса Владимировна — Информационные механизмы социальных отношений: философско-методологический анализ (09.00.11)

1997

- Сизарова Елена Геннадиевна — Моральное сознание как отражение социальной необходимости (09.00.11)
Боброва Светлана Павловна — Мифологическое сознание: методологические проблемы исследования семиотического компонента (09.00.01)

1999

- Каримов Александр Владиславович — Континуум свободы как социально-аксиологической категории (09.00.11)
Заховаева Анна Георгиевна — Искусство и его роль в формировании личности (09.00.11)
Чикаева Татьяна Александровна — Русская культурная идентичность: социально-философский анализ проблемы (09.00.11)
Шишкина Гульнара Маратовна — Семиотическая структура сознания (09.00.01)

2000

- Солина Елена Михайловна — Содержание и роль категории «отчуждение» в философской онтологии и теории познания (09.00.01)
Цаплин Валерий Павлович — Проблема антропогенеза: философско-семиотический аспект (09.00.11)
Ковалев Виктор Андреевич — Социально-философские проблемы исследования внешних (межсоциетарных) отношений (09.00.11)
Арефьева Нина Тимофеевна — Философский анализ управления развитием молодежи в современном российском обществе (09.00.11)
Забавников Алексей Евгеньевич — Техническая картина мира: онтолого-гносеологический анализ (09.00.01)
Кудряшова Татьяна Борисовна — Познавательные отношения «человек-мир» в искусстве и их специфика в сфере художественной литературы (09.00.01)

---

⁴ До 1990 года специальность всех защищенных диссертаций фиксировалась кодом 09.00.01 — диалектический и исторический материализм, в 1993 году защиты уже проводились по «новым» специальностям 09.00.01 — онтология и теория познания и 09.00.11 — социальная философия.

2001

Цветков Александр Александрович — Философско-культурологический анализ ноосферно-универсумного видения мира и человека (09.00.01)

2002

Шутов Роман Вячеславович — Гносеологический анализ природы и сущности искусственного интеллекта (09.00.01)

Петряков Леонид Джоржович — Пути разрешения противоречий, возникающих в диалогах, в науке и культуре (09.00.01)

2003

Романов Олег Витальевич — Онтологические и гносеологические проблемы философии интернета (генезис и синтез фундаментальных идей) (09.00.01)

Яковлева Янина Петровна — Роль собственности в жизни личности и ее место в обществе (09.00.11)

Корчак Александр Сергеевич — Проблема «Другого Я»: философско-методологический анализ (09.00.01)

Павленко Александр Владимирович — Высшие ценности как социально-философская проблема (09.00.11)

Ермолина Светлана Васильевна — Человек, общество и природа в равновесно-неравновесной вселенной (09.00.11)

2004

Лимонов Игорь Борисович — Проблема субъективности истины (09.00.01)

2005

Ковалева Светлана Викторовна — Проблема «добра» и экзистенциальный анализ бытия человека (09.00.01)

Тимонин Владимир Сергеевич — Субъект исторического познания в лингвистической философии истории (09.00.01)

Грузов Юрий Владимирович — Взаимодействие права и морали в социальном регулировании (09.00.11)

Гусева Елена Анатольевна — Опыт философского осмысления феномена межличностного конфликта (09.00.11)

Загвозкина Юлия Матвеевна — Политический миф как проблема социальной философии (09.00.11)

Дрокин Михаил Сергеевич — Социально-философский анализ феномена миграции (09.00.11)

Кривцова Людмила Алексеевна — Язык изобразительного искусства: семиотический, антропологический и эпистемологический аспекты (09.00.01)

Смирнов Дмитрий Григорьевич — Философско-методологический анализ взаимодействия ноосферы и семиосферы (09.00.01)

Жуколина Мария Викторовна — Рациональное и иррациональное в познавательной деятельности человека (09.00.01)

Добренкова Наталия Александровна — Антропологическая трактовка сознания и психики: методологический анализ основных концепций (на материале немецкой философской антропологии XX века) (09.00.01)

2006

Прищеп Елена Николаевна — Кооперативность как принцип самоорганизации социальных систем: ноосферные аспекты (09.00.11)

Скрябина Елена Владимировна — Проблема онтологии: история и современность (09.00.01)

- Туманов Алексей Александрович — Социально-философский анализ проблемы ценности информации (09.00.11)
Курнаева Наталья Александровна — Свои и чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ (09.00.11)
Ряховская Татьяна Викторовна — Феномен веры: онтолого-гносеологический анализ (09.00.01)
Юдин Николай Леонидович — Социальный смысл праздника (09.00.11)

2007

- Андреева Людмила Сергеевна — Гуманистический смысл исторического бытия (09.00.01)
Палей Елена Вадимовна — Проблема ценности (социально-онтологический аспект) (09.00.11)
Гаврина Елена Геннадьевна — Понимание: предметно-логический и культурно-исторический аспекты (09.00.01)
Карманова Дарья Александровна — Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ (09.00.11)
Куликов Дмитрий Валерьевич — Социальное пространство компьютерно-опосредованной реальности: опыт феноменологической реконструкции: опыт феноменологической реконструкции (09.00.11)
Куликова Ирина Владимировна — Экзистенциальная и аналитическая парадигмы философии языка: опыт сравнительного анализа (09.00.01)
Матсар Майе — Онто-гносеологическое обоснования феномена художественного в философии всеединства В.С. Соловьева (09.00.01)
Смирнов Артем Александрович — Национализм как идеология (постмарксистский подход) (09.00.11)
Бурцева Екатерина Александровна — Проблема духовного бытия (экзистенциально-феноменологический подход) (09.00.01)

2008

- Вавилова Елена Юрьевна — Диалектика добра и зла: социально философский аспект (09.00.11)
Чикин Леонид Анатольевич — Социально-философский анализ концепции правосознания И. А. Ильина (09.00.11)
Трофимова Любовь Ивановна — Духовность в бытии человека (09.00.01)
Гутлин Михаил Наумович — Концепция духовного обновления российского общества в социальной философии И. А. Ильина (09.00.11)
Назаров Александр Юрьевич — Аксиология руководства (ценности и цели руководства современным социумом) (09.00.11)
Цветков Михаил Юрьевич — Философские проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход (09.00.11)
Королев Александр Валерьевич — Личностное бытие: экзистенциально-феноменологический анализ (09.00.01)
Обрезков Андрей Анатольевич — Онтология языка: эволюция проблемы и ее современное состояние (09.00.01)

2009

- Палатников Денис Евгеньевич — Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений (09.00.11)
Янковская Екатерина Алексеевна — Гетерархический принцип устройства познавательного опыта (09.00.01)

2010

- Ерова Татьяна Венедиктовна — Интеллигенция в дискурсивной проекции: проблемы идентификации и влияния (09.00.11)
- Шатохина Вера Алексеевна — Онтологический статус ментальности человека (09.00.01)
- Высоцкая Александра Леонидовна — Исследование процесса коммуникации в мифологическом сознании (09.00.01)
- Жульков Михаил Вячеславович — Философские проблемы ноосферного развития: коллективный разум и социальная автотрофность (09.00.11)

2011

- Калинин Павел Евгеньевич — Становление статико-динамичного и континуально-дискретного единства в деятельности сознания (онтологический и гносеологический аспекты) (09.00.01)
- Зубова Марина Владимировна — Феномен философской коммуникации: опыт комплексного подхода (09.00.01)
- Смирнов Дмитрий Владимирович — «Синхрония» и «диахрония» как категории теоретического обоснования истории: социально-философский аспект (09.00.11)
- Докучаев Денис Сергеевич — Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ (09.00.11)
- Малахова Наталия Владимировна — Телесно-духовное единство как онтологическое основание субъективности (09.00.01)

2012

- Изотов Максим Олегович — Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления (09.00.11)
- Сидоренко Ольга Васильевна — Методологические и мировоззренческие основания современных футурологических исследований (09.00.11)
- Шалбин Владимир Леонидович — Социальная сплоченность как интегральная характеристика качества формирования гражданского общества (09.00.11)
- Тюленев Иван Сергеевич — Репутация организации как феномен современной социальной системы: социально-философский анализ (09.00.11)
- Головин Денис Витальевич — Паранаука: социокультурные основания и функции (09.00.11)

2013

- Матвеев Александр Сергеевич — Убеждающая коммуникация в системе социального управления (09.00.11)
- Гроздилов Сергей Вячеславович — Справедливость как объект социально-философского исследования (09.00.11)

2014

- Меликян Мерине Акоповна — Онтолого-антропологические основания становления ноосферного человека (09.00.01)
- Торосян Ольга Азатовна — Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении (09.00.11)

2015

- Ухов Артем Евгеньевич — Проблематизация истины в классической и неклассической эпистемологии: системность и вопрос о соотношении знания и действительности (09.00.01)

Михалевская Анна Сергеевна — Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе (09.00.01)

2016

Бородин Евгений Андреевич — Философские проблемы становления ноосферного права: инвайронментальный дискурс «живого права» (09.00.11)

Кузьменков Владимир Александрович — Социально-политические ценности как системообразующий фактор современного общества (09.00.11)

Ширяева Екатерина Вадимовна — Онтологические основания идеи человеческого бессмертия (09.00.01)

За время работы «нового» докторского философского совета в ИвГУ (с 1997 по 2016 год) были защищены 22 докторских диссертации:

1998

Портнов Александр Николаевич — Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: Методологический анализ основных направлений исследования (09.00.01)

Гисматов Фанис Афтахович — Мир искусственного в жизни социума и биосферы (09.00.11)

Смирнов Григорий Станиславович — Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания (09.00.11)

1999

Ледяев Валерий Георгиевич — Власть: концептуальный анализ (09.00.11)

2000

Бирюкова Галина Михайловна — Диалог: социально-философский анализ (09.00.11)

Рябов Олег Вячеславович — Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии) (09.00.11)

2001

Зеленцова Марина Григорьевна — Монистическая парадигма философского понимания мира и человека (09.00.01)

Волков Владимир Николаевич — Онтология личности (09.00.01)

2002

Некрасова Нина Андреевна — Феномен духовности: бытие и ценность (09.00.01)

2003

Боброва Светлана Павловна — Мифологическое сознание как система (09.00.01)

Брагин Андрей Витальевич — Онтологический аспект ноосферного соотношения мира и человека (09.00.01)

2005

Тутов Леонид Арнольдович — Философия хозяйства: предмет и методы исследования (09.00.01)

Заховаева Анна Георгиевна — Искусство как гуманизирующий феномен (социально-философская трактовка) (09.00.11)

Коваленко Сергей Владимирович — Философско-антропологические аспекты ноосферогенеза (09.00.01)

Тимофеев Михаил Юрьевич — Семиосфера наций: системно-конструктивистский подход (09.00.11)

2006

Кудряшова Татьяна Борисовна — Онтология языков познания (09.00.01)
 Волкова Вера Олеговна — Духовно-практическая компетенция как принцип субъектности человека (09.00.01)

2007

Амелина Елена Михайловна — Социальная философия всеединства конца XIX — начала XX века в России (09.00.11)

2009

Ерофеева Ксения Леонидовна — Онтология человека в информационном обществе: сущность и существование (09.00.01)

2010

Гарпушкин Вячеслав Ефимович — Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения (09.00.11)

2012

Смирнов Дмитрий Григорьевич — Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы (09.00.01)

2014

Петряков Леонид Джоржович — Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты (09.00.01)

Социологический срез позволяет составить объективированный портрет совета «в цифрах». А он таков. В совете защищено 116 — 94 кандидатских и 22 докторских — диссертаций. 100 % из них получили утверждение в Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации без замечаний со стороны контролирующих структур.

География соискателей, представивших диссертации в совет обширна. Это Архангельск, Владимир, Вологда, Иваново, Кострома, Москва, Нижний Новгород (Горький), Орел, Санкт-Петербург, Ярославль.

По докторским диссертациям доля иногородних соискателей составляет 40 % от общего числа защитившихся, по кандидатским диссертациям ситуация обратная — более 60 % соискателей представляют другие регионы и только 40 % — Иваново. Более 90 % защитившихся до сих пор работают в структурах высшей школы.

По специальностям защиты распределились практически равномерно: 55 % — онтология и теория познания, 45 % — социальная философия. В гендерном разрезе соискатели разделились поровну как в отношении кандидатских, так и докторских диссертаций. (В самом совете гендерный баланс держался на уровне 70 % на 30 % в пользу философов, а не «философинь».)

Если внимательно посмотреть на динамику защит, то отчетливо фиксируются 3 всплеска исследовательской активности. Первый приходится на 1987—1990 годы, второй на 1998—2000 годы и третий (пиковый) на 2005—2008 годы. Последние 10 лет работы совета стали наиболее плодотворными: на это время приходится почти 2/3 защит.

* * *

Диссертационные советы (их бытие) пока еще редко становятся предметом научной рефлексии [Иванова 2003; Евдокимова 2021; Котов 2021].

Вместе с тем, они всегда выступают как своеобразные поля напряжения научной мысли, собирая в одном пространственно-временном континууме специалистов, синергия которых дает, порой, самые неожиданные научные результаты (темы, тезисы, идеи...).

История философского советования в нашем крае органически включается в региональную ноосферную историю [Смирнов Г., Смирнов Д. 2012] как историю не столько материального производства, сколько производства духовного. Количественные показатели этого духовного производства для регионального университета весьма значительны. Качественный результат — а ведь это более 100 новых идей в такой сложной (неоднозначной) области знания как философия, оставшийся в этом материале «за кадром», вплетен в ткань системы российского образования как регионального, так и федерального уровня.

Подчеркнем, что диссертационный совет — это не просто институция, занимающаяся «оцениванием готовых работ», но пространство, где «выявляют качественные характеристики и способствуют личностному росту авторов исследований» [Злотникова 2019: 222], совместно дорабатываются, доводятся до ума интересные, новаторские идеи. Это пространство, где эвристичность авторской задумки, замысла оказывается высшей ценностью [Гаврилов 2021].

В Иванове совет по философии стал «месторазвитием» для многих философских идей, теорий, концепций, парадигм (а, в конечном счете, и людей), которые к настоящему моменту доказали свою состоятельность, войдя в историю (по крайней мере) отечественной философии; выступил не только площадкой их апробации, но и своеобразной стартовой площадкой их «запуска» в научное пространство.

Список литературы / References

- Гаврилов Б.Я. О роли диссертационных советов в обеспечении «чистоты» диссертационных исследований // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 61—65.
(Gavrilov B.Ya. On the role of dissertation councils in ensuring the “purity” of dissertation research, *Legal education and science*, 2021, no. 8, pp. 61—65. — In Russ.)
- Евдокимова Н.К. Первый диссертационный совет на Урале по специальности «Музыкальное искусство» (1942—1944) // Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных. 2021. № 4 (39). С. 95—104.
(Evdokimova N.K. The first dissertation council in the Urals in the specialty “Musical Art” (1942—1944), *Scientific notes of the Russian Academy of Music, named after Gnesins*, 2021, no. 4 (39), pp. 95—104. — In Russ.)
- Злотникова Т.С. Густякова Д.Ю. Диссертационный совет: социокультурная миссия и интеллектуальная парадигма // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 221—228.
(Zlotnikova T.S. Gustyakova D.Yu. Dissertation council: sociocultural mission and intellectual paradigm, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 6 (111), pp. 221—228. — In Russ.)
- Иванова Л.Н. О работе диссертационного совета по экономическим специальностям в ОмГУ // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2003. № 1. С. 162—164.
(Ivanova L.N. On the work of the dissertation council on economic specialties at Omsk State University, *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*, 2003, no. 1, pp. 162—164. — In Russ.)
- Котов П.П. Диссертационный совет по отечественной истории при Сыктывкарском государственном университете в 1996—2007 годах // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 2 (21). С. 89—97.

(Kotov P.P. Dissertation council on national history at Syktyvkar State University in 1996—2007, *Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and philological sciences*, 2021, no. 2 (21), pp. 89—97. — In Russ.)

Смирнов Г.С. Первый Иваново-Вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 3—8.

(Smirnov G.S. The first Ivanovo-Voznesensk philosopher (on the occasion of the centenary of Professor Nikolai Pavlovich Antonov), *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2010, no. 2 (10), pp. 3—8. — In Russ.)

Смирнов Г.С. Смирнов Д.Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.

(Smirnov G.S. Smirnov D.G. Hypostases of the noospheric history, *News of higher educational institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)

PHILOSOPHY OF ADVICE: DISSERTATION BOARD IN PHILOSOPHY AT IVANOVO STATE UNIVERSITY (1982—2016)

Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the life of the specialized dissertation council for philosophical sciences at Ivanovo State University, which functioned in 1982—2016. A brief history of the dissertation council, which has become one of the centers of intellectual life of the city and region, is presented. A “sociology” of the council’s activities is proposed. It is recorded that the dissertation council on philosophical sciences at Ivanovo State University acted as a forge of philosophical personnel not only for Ivanovo, but Vladimir, Yaroslavl, Kostroma, Vologda and Nizhny Novgorod provinces. It is concluded that the phenomenon of advice, immanently inherent in Ivan Krai, manifests itself most clearly in the bosom of the classical university, creating conditions for the development of original, heuristic ontological, epistemological, akiological and praxeological models of glocal existence.

Keywords: philosophy, philosophy of advice, dissertation council, Ivanovo State University, intellectual chronotope, sociology of the dissertation council

For citation: Smirnov D.G. Philosophy of advice: dissertation board in philosophy at Ivanovo State University (1982—2016), *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*. 2023, Special issue, pp. 143—154.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Информация об авторе / Information about author

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 155—160.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 155—160.

Научная статья

УДК 378.1(091)

DOI: 10.46726/И.2023.5.17

ЭТНИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАФЕДРЕ ФИЛОСОФИИ ИВГУ

Олег Вячеславович Рябов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи Центр этнических и национальных исследований (ЦЭНИ) в Ивановском государственном университете — его краткая история и философия. Зафиксированы факторы, обусловившие изменение акцентов социально-философских исследований в начале 2000-х годов, что поставило на повестку дня вопрос об идентичности новой России. Описаны направления деятельности центра, рассмотрен его состав. Представлены основные исследовательские проблемы, грантовые проекты, реперные точки развития. Перечислены научные и организационные достижения ЦЭНИ — наиболее значимые публикации и мероприятия. Обоснована востребованность исследовательской проблематики в рамках научного дискурса, образовательного процесса и подготовки кадров высшей квалификации. Сделан вывод о существенном вкладе ЦЭНИ в науку региона.

Ключевые слова: социальная философия, новая идентичность, этнические и национальные исследования, Ивановский государственный университет, гранты, публикации

Для цитирования: Рябов О.В. Этнические и национальные исследования на кафедре философии ИвГУ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 155—160.

Исследование проблем социальной философии имеет долгую историю в ИвГУ; на кафедре философии работали такие крупные ученые, как Николай Павлович Антонов, Григорий Николаевич Гумницкий, Галина Ивановна Батурина, Альберт Бенцианович Зельманов, Юрий Михайлович Серов, Юрий Петрович Никифоров, Наталья Андреевна Балабан, Марина Алексеевна Кукарцева, научные интересы которых были связаны с изучением вопросов общественного сознания и морали. Работа диссертационного совета Д 212.062.01, в котором было защищено 42 кандидатских и 9 докторских диссертаций по специальности 09.00.11 — социальная философия, давала дополнительный импульс философскому осмыслению социальных проблем в Иванове.

Появление в начале 2000-х годов новых социальных и эпистемологических факторов обусловило изменение фокуса исследований социально-философской проблематики. Среди этих факторов следует назвать, прежде всего, перемены, которые происходят во внутренней и внешней политике Российской Федерации, формирование идентичности новой России, связанной с определением ее места в современном мире.

В этой ситуации возрастает интерес к исследованию проблем, связанных не только с общечеловеческим и глобальным, но и с национальным:

© Рябов О.В., 2023

самосознанием, идеями, ценностями. Кроме того, процессы укрепления российской государственности поставили вопросы об оптимальном соотношении регионального и федерального в обеспечении единства страны и о роли в этом этнических и национальных факторов. Наконец, усложняется этнический состав российских регионов; интенсификация миграционных потоков нередко приводила к определенной напряженности в межэтнических отношениях.

Другая группа факторов связана с изменениями, которые происходили в научном знании. Появление новых социальных теорий в зарубежной науке поставило вопрос, в какой степени они применимы для анализа ситуации в нашей стране. Многообразные «повороты» — визуальный, антропологический, гендерный, лингвистический и др. — отразили запрос на междисциплинарность, объединение или синтез различных научных дисциплин.

Центр этнических и национальных исследований (ЦЭНИ) был создан в июне 2004 года при кафедре философии ИвГУ. Его председателем стал Олег Вячеславович Рябов, заместителем председателя — Михаил Юрьевич Тимофеев. Центр объединил философов, социологов, политологов, историков, искусствоведов, литературоведов, культурологов, религиоведов, исследователей масс-медиа. На протяжении многих лет активное участие в работе ЦЭНИ принимали доктор наук Владимир Александрович Евсеев, Вячеслав Петрович Океанский, Татьяна Борисовна Рябова, Дмитрий Григорьевич Смирнов, Сергей Махмудович Усманов, а также кандидаты наук Денис Сергеевич Докучаев, Людмила Алексеевна Кривцова, Улубей Курбанбаганович Мутаев, Екатерина Олеговна Цалко.

Среди направлений деятельности Центра — научная, образовательная, просветительская и экспертная работа. Сотрудники ЦЭНИ проводили научные исследования по широкому кругу проблем: философия нации, семиотика национального, символические границы, мифология национализма, философия патриотизма, национальные символы, гендер и нация, образы врага, коллективная идентичность (национальная, региональная, этническая), «свой» и «чужие», визуализация национального (на материале карикатуры, плаката, кинематографа, монументальной скульптуры и др.), межэтнические конфликты, расизм как общественное отношение, социальная стереотипизация, формирование российской нации, межэтнические отношения в Ивановской области и др.

Научная деятельность ЦЭНИ поддерживались грантами таких фондов, как Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ), Российский научный фонд (РНФ). В их числе проекты, реализованные в ИвГУ:

«Символ “Родина-мать” в символической политике современной России» (РГНФ, 2015—2017, руководитель — Олег Вячеславович Рябов);

«Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: Политологический анализ» (РГНФ, 2016—2017, руководитель — Татьяна Борисовна Рябова).

Еще четыре проекта реализованы на базе вузов Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский государственный университет и Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена); при этом в них принимали участие многие сотрудники ЦЭНИ ИвГУ, а сами идеи проектов стали во многом продолжением тех исследований, которые до этого проводились в Центре:

«Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: компаративный анализ» (РНФ, 2018—2020, руководитель — Олег Вячеславович Рябов);

«“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты» (РФФИ, 2019—2021, руководитель — Олег Вячеславович Рябов);

«“Поколенческий разрыв” в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (РФФИ / АНО ЭИСИ, 2020—2021, руководитель — Татьяна Борисовна Рябова);

«Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США» (РНФ, 2022—2024, руководитель — Олег Вячеславович Рябов).

Важным событием в жизни Центра стало появление журнала «Лабиринт» (гл. редактор — Михаил Юрьевич Тимофеев, ответственный секретарь — Денис Сергеевич Докучаев), который занял достойное место среди российских периодических научных изданий. Среди его спецвыпусков — связанные с тематикой исследований Центра «Медведь и Россия» [Лабиринт... 2013], «Символ Родины-матери в российской культуре» [Лабиринт... 2015], «“Родина-мать зовет!”: пятьдесят лет в строю» [Лабиринт... 2017]. Монографии, изданные сотрудниками Центра, и по сей день вызывают интерес у читателей [Тимофеев 2005; Рябов 2007; Рябова 2008].

Результаты академических штудий Центра были благосклонно встречены российской научной общественностью, свидетельством чего стало присуждение дипломов профессиональных ассоциаций: Российского общества социологов за первый выпуск Альманаха Центра национальных и этнических исследований ИвГУ «Границы» [Границы... 2007] (см. также [Границы... 2008]) и Российской ассоциации политической науки — за коллективную монографию «“Русский медведь”: История, семиотика, политика» [Русский медведь... 2012].

Научные труды сотрудников Центра завоевали и международное признание; так, одна из статей с аффилиацией “Center for Ethnic and Nationalism Studies, Ivanovo State University” на протяжении многих лет входит в число наиболее читаемых и наиболее цитируемых в издаваемом университетом Гарварда журнале “Problems of Post-Communism” [Riabov, Riabova 2014].

Еще одной формой научной работы Центра стало проведение конференций и семинаров. Среди наиболее примечательных научных мероприятий, вызвавших интерес за пределами Ивановской области, были такие, как всероссийская конференция «Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость» (2008); международный семинар «“Русский медведь”: история, семиотика, политика» (2009); международная конференция «“Город невест?”: брендинг территорий и региональные идентичности» (2013). В этих мероприятиях участвовали десятки исследователей из университетов России и мира. С ЦЭНИ сотрудничали представители таких научно-образовательных центров и профессиональных ассоциаций России, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Институт этнологии РАН, Институт славяноведения РАН, Российское философское общество (РФО), Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российское общество социологов (РОС).

Показателем высокой квалификации сотрудников Центра стали защиты ими диссертаций: докторских (Михаил Юрьевич Тимофеев, Татьяна Борисовна Рябова) и кандидатских (Денис Сергеевич Докучаев, Людмила Алексеевна Кривцова, Дарья Александровна Карманова, Улубей Курбанбаганович Мутаев, Юлия Михайловна Карушева, Наталья Александровна Курнаева (Шибанова), Екатерина Олеговна Цалко).

Другим направлением работы было образовательное. Результаты научных исследований включались в учебный процесс в таких курсах, как «Философия», «Этика», «Культурология», «Этносоциология», «Этнология», «Социология», «Политология» и др.

Кроме того, результаты научной работы ЦЭНИ были востребованы при чтении курсов и отдельных лекций сотрудниками Центра в таких зарубежных вузах, как университет Николая Коперника, Гарвардский университет, Колумбийский университет, университет Вермонта, Ягеллонский университет, Дартмут-колледж и др.

Большое внимание в работе Центра уделялось студенческой науке. Каждый год в рамках фестиваля «Молодая наука» проводилась секция «Этнические и национальные исследования». В 2009 году в ИвГУ был организован международный семинар молодых ученых «Должна ли Европа бояться России? Должна ли Россия бояться Европу?». Работа Центра была направлена на формирование у студентов и аспирантов, включая иностранных обучающихся, навыков исследовательской работы, умения критически мыслить и получать удовольствие от научных штудий, понимания ими значимости проблем, связанных с вопросами нации и этничности, на их гражданское и патриотическое воспитание.

Наконец, ЦЭНИ внес вклад в просветительскую и экспертную работу университета. Популяризация научных результатов осуществлялась через выступления в СМИ, работу в социальных сетях, создание и поддержание интернет-сайта Центра. По заказу органов государственного управления Ивановской области проводились социологические исследования; сотрудники Центра принимали участие в опросах Федерального агентства по делам национальностей.

Центр этнических и национальных исследований активно работал на протяжении почти полутора десятков лет и, как надеются его сотрудники, оставил свой след и в истории философии Ивановской области, и в памяти тех десятков студентов, аспирантов, преподавателей, исследователей, которые с ним сотрудничали.

Список литературы / References

- Границы: Альманах Центра национальных и этнических исследований ИвГУ. 2007. Вып. 1: Этническая ситуация в Ивановской области. 180 с.
(Riabov O.V. (ed.) *Borders: Almanac of the Center for National and Ethnic Studies of Ivanovo State University*, 2007, vol. 1: Ethnic situation in the Ivanovo region, 180 p. — In Russ.)
- Границы: Альманах Центра национальных и этнических исследований ИвГУ. 2008. Вып. 2: Визуализация нации. 292 с.
(Riabov O.V. (ed.) *Borders: Almanac of the Center for National and Ethnic Studies of Ivanovo State University*, 2008, vol. 2: Visualization of the nation, 292 p. — In Russ.)
- Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. Вып. 4: Медведь и Россия. 132 с.
(Timofeev M.Yu. (ed.) *Labyrinth. Journal of Social Sciences and Humanities*, 2013, iss. 4: Bear and Russian Federation, 132 p. — In Russ.)

- Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. Вып. 4: Символ Родины-матери в российской культуре: политика, семиотика, история. 151 с.
(Timofeev M.Yu. (ed.) *Labyrinth. Journal of Social Sciences and Humanities*, 2015, iss. 4: The symbol of Mother-Russia in Russian culture: politics, semiotics, history, 151 p. — In Russ.)
- Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. Вып. 1: «Родина-мать зовет!»: пятьдесят лет в строю. 107 с.
(Timofeev M.Yu. (ed.) *Labyrinth. Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017, iss. 1: “The Mother-Russia is calling!”: fifty years in service, 107 p. — In Russ.)
- Тимофеев М.Ю. Нациосфера: опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 279 с.
(Timofeev M.Yu. *Nationosphere: experience in analyzing the semiosphere of nations*, Ivanovo, 2005, 279 p. — In Russ.)
- Рябов О.В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hanover: Ibidem, 2007. 290 с.
(Ryabov O.V. “*Mother Russia*”: *Nationalism, gender and war in Russia of the 20th century*, Stuttgart; Hanover, 2007, 290 p. — In Russ.)
- Рябова Т.Б. Пол власти: Гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
(Ryabova T.B. *Gender of power: gender stereotypes in modern Russian politics*, Ivanovo, 2008, 246 p. — In Russ.)
- «Русский медведь»: История, семиотика, политика / О.В. Рябов, А. де Лазари (ред.) М: Новое литературное обозрение, 2012. 368 с.
(Ryabov O.V., Lazari A. de (eds.) “*Russian Bear*”: *History, semiotics, politics*, Moscow, 2012, 368 p. — In Russ.)
- Riabov, Oleg; Riabova, Tatiana. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, 2014, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 30.11.2023.

ETHNIC AND NATIONALISM STUDIES AT THE DEPARTMENT OF PHILOSOPHY IN IVSU

Oleg V. Ryabov

Herzen State Pedagogical University of Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru

Abstract. The author of the article focuses on the Center for Ethnic and National Research (CENI) at Ivanovo State University on its brief history and philosophy. The factors that determined the change in the emphasis of socio-philosophical research in the early 2000s are recorded, which put the question of the identity of the new Russia on the agenda. The directions of the center's activities are described and its composition is considered. The main research problems, grant projects, development reference points are presented. The scientific and organizational achievements of CENI are listed — the most significant publications and events. The relevance of research issues within the framework of scientific

discourse, the educational process and the training of highly qualified personnel is substantiated. A conclusion is drawn about the significant contribution of CENI to the science of the region.

Keywords: social philosophy, new identity, ethnic and national studies, Ivanovo State University, grants, publications

For citation: Ryabov O.V. Ethnic and nationalism studies at the Department of Philosophy in IvSU, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*. 2023, Special issue, pp. 155—160.

Информация об авторе / Information about author

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

Ryabov Oleg Vyacheslavovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 161—180.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 161—180.

Научная статья

УДК 79.14(470.315)

DOI: 10.46726/И.2023.5.18

СИСТЕМНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА (О)СОЗНАНИЯ: И.В. ДМИТРЕВСКАЯ В ПОИСКАХ НООСФЕРНЫХ СМЫСЛОВ

Григорий Станиславович Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья посвящена фундаментальной проблеме философского творчества профессора И.В. Дмитревской — системной герменевтике как способу описания сознания и обнаружения ноосферных смыслов бытия человека и человечества. Прослежена логика развития и обозначены исторические особенности системной герменевтики в трудах И.В. Дмитревской. Зафиксированы истоки авторского метода — «уёмовская логика» и «язык тернарного описания». Показано развертывание системной герменевтики как оригинального философского метода анализа текстов культуры. Сделан вывод, что системная герменевтика обеспечила эвристичность ноосферных исследований И.В. Дмитревской, а поиск ноосферных смыслов и глубинной концептуальности может быть рассмотрен как своеобразный аттрактор ее философского мышления. Обосновано положение о создании И.В. Дмитревской отдельного направления в рамках ноосферологии — системной герменевтики ноосферной деятельности.

Ключевые слова: герменевтика, «язык тернарного описания», системная герменевтика, ноосферный диалог, ноосферный текст, ноосферный смысл, ноосферная деятельность, ноосферная философия

Для цитирования: Смирнов Г.С. Системная герменевтика (о)сознания: И.В. Дмитревская в поисках ноосферных смыслов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 161—180.

Вместо введения. История философии обычно строится на именах великих философов. Их творчество как узловая линия мер создаёт нить Ариадны, которую время от времени пытается ухватить каждый человек, даже весьма далёкий от философии. Но есть и другая визуализация философского процесса — развитие древа мира, которое «строится» не только большими ветвями, но и маленькими ветками и даже опадающими каждый год увядающими листьями. В эту бинарную концептуальность мирового и планетарного философского знания вписываются университетские философы, в том числе провинциальные профессора, по полвека своей жизни отдавшие духовным трудам на nive регионального философско-методологического образования.

В новых геополитических и цивилизационных условиях отчетливо обнаруживается потребность описать развитие отечественного философского сознания в отдельных регионах, выявить историческую и персоналистическую канву этого «невидимого» миру и стране процесса. Создание цикла очерков об ивановских философах уже стоит на повестке дня. Рано или поздно на базе

© Смирнов Г.С., 2023

накопленной мозаичной философской рефлексивности будет создана ивановская страница региональной ноосферной истории.

Творчество профессора И.В. Дмитриевской (1938—2017) — одна из значительных страниц «философской книги» Иван-края. Тремя краеугольными камнями сферы ее научных интересов являются философия сознания и ноосферы, системная герменевтика и логическое кантоведение [Алексеев 1999: 251]. Цель настоящей статьи — описать персоналистическое измерение системно-герменевтического видения мира-как-текста и текста-как-мира, свойственного И.В. Дмитриевской, его основания, императивы и максимы.

Принцип исправления имени (фамилии). Существует легенда о том, что фамилия «Дмитревская» (как и ее орфографическая форма) имеет непростую историю¹. Легенда гласит, что после революции 1917 года отцу Ирины Владимировны пришлось изменить фамилию, чтобы не бросалась в глаза связь со священническими корнями фамилии «Дмитриевский». Ушла всего одна буква, но изменилась социальная сущность и духовная реальность почти сакральной фамилии. Вся жизнь И.В. Дмитриевской была непрерывным доказательством, что эта буква никуда не ушла, что мир большого личностного всемирного сознания продолжал жить в диалектике рода. Религиозные корни философствования И.В. Дмитриевской — непреложный эмпирический факт, без которого невозможно «правильно» понять системную герменевтику её личностно-персоналистического сознания.

Глубинные истоки системной герменевтики. Жизнь любого философа строится как Универсум бытия («мёбиус-бытия»), взятый в переплетении телесного и духовного, личностного и общественного, человеческого и вселенского, а в пределе сверхсложной выраженности — человека и Бога². Свет сакральных смыслов для И.В. Дмитриевской всегда таился между философских и философийных строк, как он присутствует в феофангрековской, рублевской и дионисиевской фреско-иконописной традиции, которая, на первый взгляд, берет начало в византийской герметичности. Но может статься, что это — визуальное выражение высших смыслов жизни многотысячелетней истории наших евразийских предков³.

Вспоминая разговоры с И.В. Дмитриевской, понимаешь, что широта её религиозного сознания определялась императивом философской свободы. Она

¹ Многие, цитирующие труды И.В. Дмитриевской, пишут «Дмитриевская» и даже удивляются, что фамилия пишется иначе.

² Некоторые отечественные философы считают, что «глубинное русское православие» подготавливалось тысячи лет, что оно напитано не только языческими силами природы, но и «археомифами», которые оказались «подобными» (по герметическому принципу подобия «что сверху, то и внизу; что внизу, то и сверху») большому (как теперь становится понятным) — евразийскому — сознанию. Именно по этой, как думается, причине столь безраздельное господство западной философии в сознании советских философов (это лишь отчасти касается И.В. Дмитриевской), чаще всего не переходило границ, разрушающих большие смыслы «русской вселенской философии».

³ Поразительно, что и старая, и новая Россия так и не собралась продлить свою историю — вернуть хотя бы виртуально (после петровского секвестирования «исторического времени») представление о своем существовании от «сотворения мира». Для нашего Волго-Окского междуречья это проявляется в том, что до сих пор нет музея «сунгирского прародителя» будущей «Ростово-суздальской Руси», затем и «Московского царства» и «Российской империи». (Сунгирская стоянка была обнаружена в середине XX века, а относится ко времени около 25 тыс. назад).

с такой же открытостью как и к православию (оно было корневым по определению и родовым традициям), относилась к мировым религиям и «художественным» религиозным системам. Они воспринимались именно как сложнейшие духовные образования, смысл которых требует глубинного герметического и герменевтического анализа. Так, например, она относилась к чтению «романов» Карлоса Кастанеды, которые позволяли приблизиться к сакральному во вселенской духовной бытийности.

Теология органически оказалась дополнена филологией. А метафизическое соединение филологического и философского сознания создавало предпосылки для рождения особой философской теории — системной герменевтики⁴.

«Логика» формирования системной герменевтики. И.В. Дмитриевская — ученица Авенира Ивановича Уёмова, который после окончания философского факультета МГУ приехал на работу в Ивановский государственный педагогический институт (ИГПИ), где преподавал логику и философию в 1952—1964 годах [Плесский 2008: 215]. Такой выбор А.И. Уёмов, очевидно, сделал потому, что родился в деревне Поречье, расположенной в 5 км от знаменитого села Васильевское Шуйского уезда (ныне Ивановской области). Выпускник кафедры логики МГУ он преподавал логику студентам-филологам и создал в ИвГУ логический кружок, с которого и начинается философская стезя И.В. Дмитриевской [Дмитревская 2010]. Результатом работы этого кружка стало создание сборника задач и упражнений по логике (с ответами и комментариями), который и сейчас используется для изучения логики [Уёмов 1961]⁵.

Думается, что философское развитие И.В. Дмитриевской сначала в ИГПИ, а затем и в ИвГУ (опиравшееся на изучение разнообразных, в том числе и западных традиций) шло в русле метакафедрального «противостояния» диалектико-материалистических тенденций (Н.П. Антонов, Г.Н. Гумницкий, П.А. Лежебоков) и общей теории систем А.И. Уёмова (творческое развитие которой было характерно для самой И.В. Дмитриевской). Показательно, что ответственным редактором главной книги И.В. Дмитриевской той поры [Дмитревская 1985] был Г.Н. Гумницкий, а не А.И. Уёмов, который, как можно было понять из разговоров, был более требовательным в плане использования ЯТО, хотя и не отказывался от научных консультаций для своей аспирантки. При этом важно отметить, что Г.Н. Гумницкий виртуозно совмещал материалистическую диалектику и по-своему понимаемый системный подход [Гумницкий 1987], что было модно для советских философов того времени как форма наполнения конкретным содержанием философского абстрагирования от быстро усложняющейся социальной и геополитической реальности⁶.

⁴ В 1999 году обозначила себя своеобразная форма опережающего отражения — фиксация направления будущего философско-герменевтического поиска. «Системная герменевтика ... исследует проблемы понимания и порождения текста. <...> показывая, что методология системного подхода позволяет выявить общие для объяснения и для “вчувствования” модели понимания» [Алексеев 1999: 251].

⁵ Абсолютная точность формально-логического мышления — ценность, которую И.В. Дмитриевская прививала своим ученикам и аспирантам, а её тесты были больше похожи на математические трактаты, где цифры заменены на буквы.

⁶ Сейчас издалека становится видно, что в поисках варианта системного подхода, выходящего из формальной (и неформальной) логики и предельно творчески объясняющего происходящие на глазах фундаментальные события, более всего конструктивным оказался А.А. Зиновьев. Это говорит о том, что советская философия была не такой уж «кондовой», она могла дать и давала фундаментальные результаты,

Системная герменевтика как советская аналитическая философия.

Востребованность глубинного философского анализа для развивающегося советского общества была естественна, и элитное и народное сознание кардинально менялось, страна обретала свою новую глобальную телесность и даже конституциональность⁷. Задача выйти на простор прикладной и практической философии стала совершенно очевидна, поэтому поиски работающей философии велись не только на верху, но и внизу. Другое дело, что то, что делалось внизу, мало интересовало того, кто находился вверху. Если бы ситуация была другой, то генсек Ю.А. Андропов не стал бы говорить о том, что он не знает страны, в которой живет. Думается, что если бы партийному аппарату удалось актуализировать философские, социологические, психологические, гуманитарные исследования в перестроечный и постперестроечный период, то была бы возможность найти исторически оправданные пути дальнейшего развития, без того, чтобы «выбрасывать» белый флаг вместо красного в условиях завершающегося этапа холодной войны.

И.В. Дмитриевская не любила, когда ее включали в какую-либо систему⁸. Может быть, именно поэтому координаты её системной герменевтики обнаружили себя на пересечении не только «теологии», филологии и философии, но и в методологическом плане в частичном совпадении «материализма» и «идеализма», аналитической и синтетической традиций. «Оставалась, и остаюсь, приверженцем методологии системного подхода, широко применяю её в герменевтике, анализе научных и художественных текстов. Постепенно определились контуры новой области герменевтического анализа — системной герменевтики. Ее основания изложены в монографии “Научный текст: опыт системологического исследования”, работе “Текст как система: понимание, сложность, информативность”, докторской диссертации “Методологические проблемы исследования текста как системы”, главах коллективных монографий и в статьях» [Дмитриевская 2010: 72].

Парадоксы системной герменевтики. Любая теория требует разъяснения посредством примера, а также процедур верификации и фальсификации. Это, прежде всего, даёт возможность личностного вхождения в теорию и на уровне интерпретации и на уровне собственно понимания. Со вторым (попыткой аутентичного понимания) всегда возникают большие трудности и личностно-антропологического и когнитивно-гносеологического порядка. Приходится признать, что второе восхождение больше похоже на «дурную бесконечность» — «чем больше понимаешь, тем меньше понимаешь», что лишь намекает на знаменитое сократовское «я знаю, что ничего не знаю, но...» и заставляет «по серьезному» относиться к вечному вращению (карусели) в «герменевтическом круге».

которые, как оказалось, не были нужны начинавшей двигаться в сторону мирного сосуществования и конвергенции с Западом партийной элите.

⁷ Это естественное желание философского развития в мировом ключе наталкивалось на партийный консерватизм, который питался внутренним противоречием борьбы двух тенденций в партии. Одну из них можно было бы условно назвать сталинской («метастахрообрядческой»), а другая «троцкистская» питалась соками «метаникониянства», постоянно укреплявшегося за счет роста «украинского» влияния в партии.

⁸ Ирина Владимировна для своих юных и неюных коллег часто озвучивала три важных «правила жизни»: не включайте меня в свою систему, приносите новую информацию, говорите о хорошем, а не о плохом. Такая парадигма делала общение очень конструктивным и легким, позволяла обсуждать самые разные вопросы.

Обратимся к важному примеру, который может быть «лакмусовой бумажкой» процесса понимания, пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад», творчество которого для И.В. Дмитревской — камертонально: с него начинается тонкая настройка сложной работы в «диалектической логике» системной герменевтики⁹. В советской историографии драматургия А.П. Чехова представлялась иногда как жизнь «запутавшейся и постоянно ноющей интеллигенции»¹⁰. «В отличие от других пьес, в “Вишневом саде” экзистенциальная ситуация рассматривается не только с психологической, но и с социальной точки зрения. Это бытие *на грани смерти*: вместе с Раневской и Гаевым с исторической сцены сходит класс дворянства и дворянской интеллигенции» [Дмитревская 2008: 88]. Кажется, что гибнет страна. «Новые хозяева жизни — “лопахины” — настроены только на обогащение и наживу, это *путь смерти для России*» [Там же: 92]. Вот в этот момент напряженного противоречия между старым и новым, между материальным и духовным возникает вопрос о «золотой осени» и гибели «русской интеллигенции».

Применение системной герменевтики к анализу этой уже не драматической, а трагической ситуации привело к неожиданному выводу¹¹: «Самое удивительное качество этих сходящих с исторической сцены персонажей — их психологическая сохранность, целостность. Они покидают родное гнездо, физическое место обитания..., они разорены, но духовно сохранены. ...Они остаются верными себе, нравственно-этическим нормам, которые усвоили с детства. В пьесе “Вишневый сад” А.П. Чехов не явно, но настойчиво проводит... мысль о том, что лучшие качества русских интеллигентов нужны для счастливой жизни будущих поколений» [Там же: 94—95].

---

⁹ На кафедре философии ИвГУ эпохи И.В. Дмитревской обнаруживают себя две эволюционирующие и «конкурирующие» концепции — «неуёмная» «уёмовская логика» и «диалектическая логика», развивавшаяся профессором П.А. Лежебоковым, который учился вместе с А.И. Уёмовым в МГУ на одном курсе, а затем был приглашен последним как заведующим кафедрой философии ИвГУ [Плесский 2008: 217]. И.В. Дмитревская промыслительно была близка к философскому мышлению профессора Н.П. Антонова, но не воспринимала «философскую жесткость» П.А. Лежебокова, который некоторое время в 1990-е годы тоже был заведующим кафедрой. Для неё было характерно желание «уйти на северный полюс» не только от «марксистских штудий», но и от нового стиля работы кафедры.

Философия неотделима от её «носителя и творителя», и этот закон до некоторой степени приобретает характер эмпирического обобщения. Но в то же время нельзя уйти и от экологической среды существования на кафедре различных «философских организмов», которые одновременно и конкурируют, и вступают в симбиотические отношения. Такой симбиоз подспудно имел место во взаимоотношении «уёмовской» логики и противостоящей ей «лежебоковской» диалектической логике. В одной из своих статей И.В. Дмитревская так представила эту ситуацию как требование размышлять «используя при анализе язык “человеческой” логики и системного подхода» [Дмитревская 2003: 200].

¹⁰ Очевидно, ленинские оценки «русской интеллигенции» сыграли в этом случае свою «императивную» роль.

¹¹ Но, прежде всего, следует сказать о «герметизме» философской работы И.В. Дмитревской. Как-то в личной беседе она рассказывала, что понимание Чехова и Толстого связано с тем, что она «приглашала» в гости именитых авторов, и они размещались на диване, стоящем у балконной двери, тем самым нагружая рождающийся текст экзистенциальными обстоятельствами соприсутствия. Такого рода «ноосферный диалог» заставляет внимательно относиться к выводам, рождающимся в технологии «полного погружения».

Ситуация с дворянской интеллигенцией сильно напоминает эпоху перестройки, когда советская интеллигенция оказалась в положении, когда новорусские Лопухины, приватизировавшие всю социалистическую (общенародную) собственность, начали вырубать «Вишнёвый сад» идеала общности «советский народ», а самой народной интеллигенции отвели роль функционирования в «сфере услуг». Но точно также как дворянская интеллигенция в гимназиях и школах передавала свою культурность пришедшему на историческую арену революционному народу, советская интеллигенция, выросшая из крестьянско-пролетарской культуры, старалась передать общенародные ценности молодежи, сознание которой оказалось под небывалым давлением хищнической и эгоистической культуры постсоциалистического капитализма. По сути дела, И.В. Дмитриевская выразила в этом примере системно-герменевтического анализа свою личностную (и потому абсолютную) уверенность в истинности предлагаемого концепта (главного смысла, системообразующего свойства), а затем показала его жизненность на определённом субстрате с заданными свойствами¹².

Философские языки описания художественного сознания. Обратим внимание на специфику комплексного подхода к философским языкам описания художественного сознания в моментах дискретности или текстовой мозаичности. Каждая пьеса А.П. Чехова представляется как предмет, рассматриваемый с разных сторон (поаспектный анализ): и последовательность подходов/аспектов, и их количество вариативно и специфично, различна и объёмность текстов, отводимая для процедуры объяснения.

«Иванов»: системный, герменевтический, социальный, феноменологический и герменевтический аспекты.

«Чайка»: символический, экзистенциальный, герменевтический, феноменологический, социальный аспекты.

«Дядя Ваня»: экзистенциальный, герменевтический, социальный, символический, феноменологический аспекты.

«Три сестры»: экзистенциальный, герменевтический, символический (символизм), феноменологический аспекты.

«Вишнёвый сад»: экзистенциальный, герменевтический, символический (символизм) и феноменологический аспекты¹³.

¹² Еще более сложные системно-герменевтические построения характерны для анализа творчества М. Павича. И.В. Дмитриевская детально анализировала романы «Хазарский словарь», «Внутренняя сторона ветра». Оставляя читателю повод для самостоятельного знакомства с автором романов и его толкователем, приведём лишь одну знаковую цитату, которая завершает осмысление последнего из упомянутых романов: «И тем не менее правомерно считать текст романа М. Павича *ноосферным*: он креативен, потому что побуждает читателя к творчеству в процессе понимания, имеет целостную структуру и завершённую систему образов, информативен в аспекте ноосферного закона, информация романа кумулятивна, она возрастает от прочтения к пониманию» [Дмитриевская 2014: 298].

¹³ Анализ пьесы «Иванов» открывается системным аспектом, а продолжается герменевтическим, социальным, феноменологическим (и герменевтическим) аспектами. Заметим, что, очевидно, этот текст наиболее ранний, так как с системного подхода не начинается анализ других пьес). «Чайка» открывается символическим аспектом, а продолжается экзистенциальным. Все остальные тексты открываются именно экзистенциальным аспектом, при этом герменевтический аспект всегда предшествует феноменологическому. Отчетливо видно, что есть хронологическая дистанция между обращением в той или иной пьесе, что имеет место методологическая дополнительность в логике транзитивности.

Движение в сторону философии экзистенциального (которое отчетливо видно в доминантности как постановке на первое место), как думается, отражает не столько динамику мыслительного процесса И.В. Дмитриевской, сколько внутреннюю динамику самой чеховской драматургии. Не случайно, что Чехов в книге И.В. Дмитриевской представлен не как «позитивист» (точка зрения Л. Шестова, Д. Мережковского, А. Скабичевского и др. [См.: Дмитриевская 2008: 11—12]), а как экзистенциальный писатель: «экзистенциальная проблема — основная в драматургии А.П. Чехова» [Дмитриевская 2008: 33].

Отметим, что использование методов реализуется не как арифметическое сложение (как кажется на первый взгляд). Перед нами комплексный подход, когда каждый последующий метод умножает смысл предыдущего. Такое «расширенное зрение» убеждает в правильности исходной позиции или высказанного положения. Сложное сознание образуется как результат такой многоликой философской голограммы.

Реализация такого рода метаметодологии ставит вопрос о возможности (или невозможности) понять общую логику и философскую траекторию размышления И.В. Дмитриевской. Этот непростой вопрос касается и историко-философской модели индивидуального сознания и предполагает эвристичность применения системной герменевтики к пониманию ноосферной реальности и ноосферных ценностей. Решение этой задачи, на наш взгляд, лежит в русле осмысления ярко выраженного интереса И.В. Дмитриевской к философии И. Канта¹⁴.

«Кантианский путь» И.В. Дмитриевской в ноосферу. Общеизвестно, что И. Кант представил свою философию в трёх критиках («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»)¹⁵. Развертывание философской системы через закономерное мысленное движение от «собственно философии» (познавательной проблематики) к «этике» и затем к «эстетике» может быть воспринято как движение от «онтологии и гносеологии» к «аксиологии и праксиологии» — через естественную когнитивную эволюцию от логики мышления (собственно сознания) к диалектике его нравственной и эстетической составляющей в человеческой деятельности. Движение мысли И.В. Дмитриевской вольно или невольно попадает в такого рода кантовскую канву. При этом надо иметь в виду, что в отличие от Г.Н. Гумницкого, выделявшего 4 «части» философии — онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию, И.В. Дмитриевская считала, что аксиология включается в праксиологию и не является «самостоятельной».

Весьма вероятно, что «кантианская трилогия» («трилогия» имеет место, прежде всего, в художественной литературе) — классический образец эволюции индивидуального сознания философа, ибо он показывает, как философ

¹⁴ Он был вызван в том числе и личными связями кафедры философии ИГПИ—ИвГУ с Л.А. Калининским, родившимся в поселке Писцово Ивановской области. Он в 1959 году окончил ИГПИ, писал диссертацию под руководством Г.Н. Гумницкого. После отъезда Л.А. Калининского в Калининград преподаватели кафедры философии ИвГУ регулярно ездили на конференции по Канту в «город Канта». Может быть, по этой причине И.В. Дмитриевская блестяще знала кантианскую философию. (Аспиранты Ивановской государственной сельскохозяйственной академии, где она вела занятия, не только с интересом слушали лекции ведущего профессора, но и с восторгом говорили о том, что понимают ход кантианской мысли).

¹⁵ В наше время аналогичная проблематика философской транзитивности естественным образом воспринимается по самим названиям не только в контексте просвещенческого, но и ноосферного пафоса.

от «всеобщей теории» переходит к «всеобъемлющей практике». Тернарные модели характерны для уёмовской философской традиции, поэтому попытка представить творческий путь И.В. Дмитриевской (который без всякой натяжки может быть назван «системная герменевтика ноосферы») через троичность вполне закономерна. В этом плане «Системная герменевтика» представляет собой подобие третьей критики, «Метафизика злого сердца» — вторая критика, а вот первая критика спрятана в статьях, которые как система представлены в коллективной монографии «Системный анализ ноосферной динамики России» [Дмитревская 2002].

«Ноосферная кантиана». Смысл философского анализа проблем ноосферы в работах И.В. Дмитриевской ещё более прояснится, если учесть то обстоятельство, что у В.И. Вернадского есть фундаментальная статья, касающаяся творчества И. Канта [Вернадский 1981]. Выбирая философский путь своей научной деятельности, В.И. Вернадский отдавал предпочтение Канту перед Гегелем (и соответственно последователями Гегеля — Марксом и Энгельсом). Это связано с тем, что Кант сам много работал в сфере естественнонаучного знания и имеет большие заслуги в этой сфере (примером тому служит теория Канта-Лапласа о происхождении Земли и Солнечной системы). Критика В.И. Вернадским философских оснований марксизма в книге «Научная мысль как планетное явление» привело к тому, что параграфы с критикой марксизма были опубликованы лишь в 1991 году [Вернадский 1991]. (В отечественной традиции прочно сложилась традиция смотреть на Вернадского как на «диалектического материалиста», ибо только в этом философском пространстве о Вернадском можно было говорить в условиях жесткого доминирования партийной идеологии). Более того, по этой причине о проблеме ноосферы следовало говорить, только смотря «глазами марксистской философии». Выскажем предположение, что в своих книгах И.В. Дмитриевская сделала шаг «назад к Канту», чтобы фактически сделать два шага вперед в понимании ноосферы. Такого рода предположение позволяет сделать важный вывод, который касается не только творчества И.В. Дмитриевской, но и «самого великого Канта»: кенигсбергский мыслитель в действительности занимался фундаментальными вопросами становления и образования «ноосферы», не используя появившийся значительно позднее термин, родившийся в лоне «французской и русской философии» (т. е. в творчестве П. Тейяра де Шардена, Э. Леруа и В.И. Вернадского). «Ноосферная кантиана» предстает «в фас» и «в профиль»: в первом случае, речь идет о «ноосферном дискурсе» самого Канта, а во втором, о том, как через призму кантианской философской традиции выстраивать «философскую ноосферологию», чем, собственно, и являются самые яркие страницы в трудах И.В. Дмитриевской. То, что кантианская философия воспринималась И.В. Дмитриевской не в «фундаменталистском смысле», а «в её русской интерпретации» свидетельствуют работы, в которых творчество Канта рассматривается в контексте «русского кантианца» Вл.С. Соловьева [Дмитревская 2007]. Насколько востребован был такого рода взгляд в постперестроечный период развития российской философии свидетельствует тот факт, что главные книги И.В. Дмитриевской, были переизданы в столичных издательствах [Дмитревская 2013; Дмитриевская 2019].

Диалектика ноосферы. Гипотеза о том, что философское творчество И.В. Дмитриевской можно представить как фундаментальный ноосферный дискурс может показаться весьма рискованной (сама И.В. Дмитриевская об этом

нигде не писала, но подчеркивала, что главное её детище — системная герменевтика), но весомые аргументы для такого утверждения имеются. Особенность подходов И.В. Дмитриевской связана с тем, что, очевидно, литературный путь осмысления ноосферы один из самых эвристических и антропологических — именно в мировой литературе ноосферная динамика отражена наиболее близко к естественному человеческому осмыслению мира и самого человека. Философская стезя, дополненная филологическими сюжетами, открывает жизненно-экзистенциальные формы ноосферной динамики в её космопланетарном выражении.

Обращение И.В. Дмитриевской к ноосферной проблематике связано с проведением в 1983 году в ИвГУ первой ноосферной конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение». Её доклад касался системного подхода к проблеме соотношения естественного и искусственного в период становления ноосферы [Дмитревская 1991]. Выбор проблематики был связан с тем, что на кафедре философии под руководством профессора Н.П. Антонова аспирантка Н.В. Тетерина работала над темой «Диалектика естественного и искусственного в развитии природы и общества». Тема была сформулирована так, чтобы можно было заниматься ноосферной проблематикой, прямо не называя её¹⁶. И.В. Дмитриевская, которая не имела своих аспирантов, но любила заниматься с молодежью, быстро оценила творческие способности Н.В. Тетериной и решила показать возможности системного подхода применительно к исследованию ноосферы¹⁷.

Ноосфера как системно организованное всеобщее. Так начиналось формирование нового направления в философии сознания и ноосферы — использование эвристических возможностей системного подхода и общей теории систем [Уёмов 1978] применительно к изучению процессов перехода биосферы в ноосферу. Анализ ноосферы с точки зрения «критики чистого разума» (а ЯТО мог рассматриваться именно в таком ключе) дал выдающийся результат: концепция, изложенная в самых общих чертах в 1988 году [Дмитревская 1988], выросла в фундаментальную статью «Ноосфера как системно организованное Всеобщее» [Дмитревская 1997], ставшую основой для развития ноосферной школы. Фактически И.В. Дмитриевская подхватила антоновскую традицию «философии сознания и ноосферы», оставшуюся до некоторой степени вне научного руководства после смерти Н.П. Антонова.

Для понимания философского смысла статьи «Ноосфера как системно организованное всеобщее» важно напомнить, что в рамках кафедральной традиции определение философии давалось через призму представлений Г.Н. Гумницкого: философия — это учение о всеобщем. И.В. Дмитриевская

---

¹⁶ Первый подход проф. Н. П. Антонова к работе с аспирантами Т.Е. Халезовой и В.Н. Барякиным в 1970-х годах над проблемами осмысления ноосферы был связан с публикацией статей, имеющих ярко выраженную диалектико-материалистическую методологическую направленность. Несмотря на публикацию статьи «О двух концепциях ноосферы» в центральном философском журнале «Философские науки» [Антонов, Барякин 1978], ноосферная проблематика в диссертационных работах еще не приветствовалась, так как могла вызвать проблемы в ВАКе.

¹⁷ В этом случае мы прикасаемся к одной из особенностей профессора И.В. Дмитриевской — она часто следовала в русле научных интересов коллег, словно помогая им на пути сложнейшего освоения системного подхода в исследуемой области. Это ноосферное качество личности — стремление помочь интеллектуальному росту другого — которому И.В. Дмитриевская следовала как философскому императиву университетского бытия.

уточняла, что всеобщее может быть «абстрактно всеобщим» и «конкретно всеобщим». В статье ставится вопрос о том, «можно ли утверждать, что ноосфера обладает статусом всеобщего... можно ли считать понятие “ноосфера” философским» [Дмитревская 1997: 8]. Ноосфера представлена и как всеобщее, и как система, и как реальность. Показано, что переход биосферы в ноосферу имеет две тенденции (экстенциональную и интенциональную) [Там же: 23], но самым важным научным результатом этого исследования является мысль о том, что «в ноосфере как информационно-энергетическо-вещественном единстве целостность определяется отношениями между информацией, энергией и веществом. Эти отношения должны фиксироваться в определенных законах сохранения, открытие которых всегда свидетельствует об относительной сформированности научного знания. Общий ноосферный закон должен выражать константное отношение между тремя этими компонентами» [Там же: 20].

Основной ноосферный закон. Постановка проблемы в таком общем виде для того времени носила фундаментальный характер (идеи В.С. Стёпина о трех научных картинах мира еще только начинали пробивать себе дорогу), она требовала определенной формальной конкретизации. Формулировка основного ноосферного закона была приведена уже через год в рамках проведения межгосударственной научной конференции «Ноосферная идея и будущее России». Для понимания сущности этого важного «ноосферного открытия» отметим, что «оболочкой» для формулировки основного ноосферного закона стало название «“Тимей” Платона: миф о Живом Космосе». «Ноосферная идея, — пишет И.В. Дмитревская, — широко распространена в миропонимании древних. В качестве модели ноосферного Универсума рассмотрим концепцию Живого Космоса Платона...» [Дмитревская 1998: 29]. Классическая формулировка выведения основного ноосферного закона выглядит так: «Развивая философское содержание учения о Ноосфере, мы пришли к выводу, что Ноосфере следует понимать как *системно организованное Всеобщее*. Всякая система имеет три уровня организации — концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения), субстратный (уровень элементов); направление системного исследования — от свойств и отношений к вещам. Основные характеристики любого геобиохимического явления — вещество, энергия и информация — занимают определенные позиции в организации Ноосферы: информация — концепт, энергия — структура, вещество — субстрат. Целостность Ноосферы как системы, в отличие от неноосферных явлений, обусловлена информационной составляющей (концепт), а не энергетической или вещественной. Системная взаимосвязь информации, энергии и вещества выражается в виде *основного ноосферного закона: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество*» [Там же]¹⁸.

¹⁸ Развитие основного ноосферного закона нашло свое продолжение и развитие в монографии Д.Г. Смирнова [Смирнов 2008], рецензентом которой была И.В. Дмитревская. Предлагаемый им универсальный ноосферно-семиотический закон даёт представление не только о второй «оборотной» стороне взаимосвязи «информации, энергии и вещества», но и о Большом круговороте знаков и языков сознания. Как закономерное продолжение идей И.В. Дмитревской в рамках ивановской ноосферной традиции через 10 лет свою формулировку нашла и вторая сторона отношения «вещества — энергии — информации»: «вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию» [Смирнов 2008: 103—105].

Теория ноосферной деятельности. Следующий значительный шаг в этом направлении будет сделан в рамках *деятельностного осмысления* ноосферного закона. Фактически перед нами открывается *второй этап* ноосферного творчества И.В. Дмитриевской, связанный с «критикой практического разума», созидающего и разрушающего ноосферу. «Цель ноосферной деятельности, — пишет И.В. Дмитриевская, — осуществить отбор информации таким образом, чтобы она управляла энергетическими процессами во благо живой природы и человечества. Эта цель — концепт ноосферной деятельности. Структура её — особая форма связи между информацией и энергией, позволяющая “просеивать” энергетические структуры сквозь “сито” конструктивной информации, придавая положительную направленность использованию энергии. Субстрат — человеческие поступки, которые, в соответствии с указанными критериями, можно отнести к ноосферному поведению. И хотя мы ограничены в своей деятельности условиями места и времени, мы должны действовать таким образом, как будто этих ограничений не существует» [Дмитревская 2000: 24—25]. Так, через иносказание «категорического императива» И. Канта строится ноосферная праксиология, которая включает в себя «ноосферный императив» и всю систему ноосферных ценностей.

Переход от теоретического осмысления гносеологического и эпистемологического среза ноосферного знания к теоретическому выстраиванию системы человеческой деятельности (т. е. своего рода прикладному и практическому измерению) связан с книгой «Метафизика злого сердца» [Дмитревская 2012], которая рассказывает о пограничных и предельных аспектах преобразующей деятельности человека и человечества. Сама И.В. Дмитриевская говорит о том, что это «книга о сущности религиозного сознания» [Дмитревская 2012: 304, 309], что погружает читателя в универсумное (вселенское) лоно «Большой русской философии», которая органично включает в себя и религиозное начало. Во введении автор отмечает, что «предметной областью приложения метода являются философские и художественные тексты И. Канта, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского»¹⁹.

Перед нами «герменевтический переход» от А.П. Чехова (которому была посвящена предыдущая книга [Дмитревская 2008a]) «в золотой век» русской культуры. Книга о Чехове получает свое продолжение (послесловие) в статье «О ноосферности пьес А.П. Чехова» [Дмитревская 2008b]. Думается, что такой подход в полной мере может быть отнесен и к осмыслению «феномена ноосферности» в следующей книге.

Ее истоки раскрываются неожиданным замечанием: «...вопрос об онтологизации Добра выходит за границы нашей темы. Он прекрасно описан в книге В.С. Соловьева “Оправдание Добра”» [Дмитревская, 2012, с. 270]. Образование ноосферы (фактически «оправдание Добра») лежит между «онтологизацией добра» и «онтологизацией зла»: когда обнаруживается понимание *устроенности* «круговорота сознания», то появляется возможность провести границы между ноосферой как реальностью и ноосферой как мифом и утопией. Именно в этом контексте можно было бы говорить о том, что формула «онтологизация зла в бытии мира и человека» подобна формуле

---

¹⁹ Связь названия книги И.В. Дмитриевской (на обложке мы видим — «Метафизика злого сердца») с кантовской традицией совершенно очевидна, в списке литературы зафиксированы такие работы И. Канта как «Основы метафизики нравственности» и «Метафизика нравов в двух частях» [Дмитревская 2012: 336].

«онтологизация зла в ноосфере». Для ноосферной философии это центральная проблема, ибо формирование и образование ноосферы представляются как онтологизация сознания, представленная воплощением истины, добра и красоты в космопланетарной реальности.

«Онтологизация ноосферы». Представление всей полноты аргументации И.В. Дмитриевской относительно онтологизации зла тема очень широкая (затрагивающая не только теоретическую философию И. Канта и Вл.С. Соловьева, но и художественную философию Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского), для демонстрации сути системного подхода к ней приведем одну (но весьма пространную) цитату: «Зло появляется в “передаточном звене” между горным и тварным миром и существует в тварном мире; основой зла является *свободная воля*, употреблённая не во благо Господне, а против Его воли и Его закона. Зло постепенно обретает статус *атрибутивности* и *реляционности*, присутствует как свойство некоторых человеческих поступков, а затем, если следовать логике рассуждений В.С. Соловьева, приобретает статус относительно самостоятельной вещи, становится *реальностью*. И тогда борьба с ним требует основания “в ином порядке бытия”. Видимо, это надо понимать так, что в земном, тварном мире очень мало сил для борьбы с реальным злом. Эти силы нужно находить в законе, установленном для горнего мира, в Логосе. Эти силы имеет человек веры, тот, кто смотрит на события глазами Бога и видит в своем существовании высший, трансцендентальный смысл бытия. Но как найти этот смысл? Это можно понять, исследовав метафизику зла и злого сердца» [Дмитревская 2012: 53]. Когда И.В. Дмитриевская говорит о Логосе, она фактически перебрасывает мостик к ноосферной проблематике не только через тексты русской классической философии (В.С. Соловьев), но и русской классической литературы.

«И в этом, — продолжает И.В. Дмитриевская, — одно из главных противоречий человеческого существования. Будучи, по идее, образом и подобием Божиим, человек использует дарованную ему свободу воли во зло Божественной природе, себе и человечеству» [Там же: 55]. Перед нами обнаруживается попытка перехода от своего рода «гносеологического созерцания» к «метафизическому *сосердцанию*», измерения Вселенной сердцем. «У В. Соловьева существует, однако, четко прописанная системная закономерность появления зла в тварном мире: оно возникает *вследствие разделения, разрушения целостности и всеединства жизни*; там, где жизнь даёт трещину, появляются ростки смерти, которые, становясь взрослыми и сильными организмами уничтожают жизнь» [Там же: 56]²⁰.

Обращаясь к этой книге И.В. Дмитриевской важно подчеркнуть суть восхождения в названии книги от «проблемы онтологизации зла в бытии мира и человека» к «метафизике злого сердца»: не только в русской философии, но и в русском искусстве (и даже во всей русской культуре) сердце всегда стояло выше разума: гносеология строилась на понимании Разума с большой буквы, а Разум по определению включал в себя метафизику познания сердцем.

²⁰ В.И. Вернадский сформулирует в конце своей жизни эмпирическое обобщение, которое можно было бы назвать «законом Вернадского»: «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [Вернадский 1987: 302]. Невозможно не заметить, насколько близко такого рода понимание к соловьевским размышлениям, о которых пишет И.В. Дмитриевская, и в этом отчетливо проявляется ноосферная логика, которая особенно актуально звучит сейчас — в безжалостную эпоху гибели «старого мира».

Ноосферные размышления не должны ограничиваться скелетом «чистого разума», они должны выходить в «человеческое пространство вселенского бытия».

В течение долгого времени «философия ноосферы» строилась через философские модели диалектического метода Г.В.Ф. Гегеля, а также через системы диалектического и исторического материализма [например, Н.П. Антонов, А.К. Адамов]. И.В. Дмитриевская идёт дорогой И. Канта, Вл.С. Соловьева и (пусть это не будет неожиданным) В.И. Вернадского, который в своей статье «Кант и естествознание» раскрыл свои философские приоритеты, а в книге «Научная мысль как планетное явление» показал «недостаточность» для работы натуралиста «свободной» гегельянской диалектики, давая одновременно и критику «марксистской диалектики» [Вернадский 1991: 244—252]²¹.

Как возможны «ноосферные суждения»? Книга «Системная герменевтика» [Дмитревская 2014] показывает *третий этап* философского творчества И.В. Дмитриевской. Она сильнее всего доказывает мысль о том, что И.В. Дмитриевская последовательно создавала свою собственную ноосферную философию. В книге всего два раздела: первый раздел «Онтологические и антропологические аспекты системной герменевтики» естественным образом переходит во второй, получивший название «Ноосферные смыслы системной герменевтики» [Там же: 382]. Для понимания архитектоники этой итоговой книги важно помнить постоянно утверждаемую мысль о том, что «основной метод классической герменевтики — герменевтический круг. Его содержание многофункционально... текст в финале герменевтического исследования представлен как целостность» [Дмитревская 2012: 6]. Следует признать, что последнее и есть главное: весь титанический труд «превращения филолога в философа» завершился формулой «ноосферные смыслы системной герменевтики».

От системной герменевтики к визуальной философии. Каждая книга И.В. Дмитриевской начинается с «картинки»²²: на обложке размещается

²¹ Диалоги с И.В. Дмитриевской часто касались вопроса о «сверхсистемности». Системный подход, считала она, не предполагает термина «сверхсистемность» применительно к ЯТО (языку тернарного описания), так как если задан концепт, то он возникает на структуре, связывающей отдельные элементы системы. Изменение концепта приводит к появлению другой системы, но не предполагает сверхсистемности. Впервые эта дискуссия возникла еще при обсуждении монографии и докторской диссертации Г.С. Смирнова [Смирнов 1998]. Впоследствии проблема обсуждалась в контексте размышлений о системно-синергетическом подходе: ноосферная реальность и ноосферное сознание представлялись явной сверхсистемностью по той причине, что «наличный хаос» предполагает, что не только флуктуации, но и «странные аттракторы», определяющие изменение системы, её динамику и транзитивность. Дискуссия иногда превращалась в схоластический спор, но способствовала поиску ответов на сложные вопросы об использовании системно-синергетического подхода в проведении комплексных ноосферных исследований.

²² Первая книга И.В. Дмитриевской «Текст как система: понимание, сложность, информативность» получила обложку из рук художника В. Поюрова (сотрудничавшего тогда с редакционно-издательским советом ИвГУ). Она была с глубоким смыслом, который раньше не бросался в глаза. Очевидно, И.В. Дмитриевская, называя книгу, находилась под обаянием языка тернарного описания (ЯТО), уёмовская триада «вещь — свойство — отношение» в этом (подготовленном для защиты докторской диссертации труде, а вовсе не «учебном пособии», как указано в выходных данных) случае превратилась в триаду «понимание — сложность — информативность». В. Поюров как виртуозный «плакатист» подобрал к триаде И.В. Дмитриевской «триколор» из треугольников (фактически задав не только цвета, но и порядок будущего российского флага):

специально подобранный в огромном изомире «великий концепт», отражающий главный смысл книги. Особенно полно это представлено в последней книге «Системная герменевтика». В ней дается подробное описание с точки зрения системной герменевтики не только обложки, но и нескольких «философских фотографий», на которые И.В. Дмитриевская не случайно обратила особое внимание (эти фото-произведения могут много рассказать про неё и про её системно-герменевтическое сознание). Эти фотографии как особый дискурс — есть своеобразный способ перевести системно-герменевтический подход в *сверхсистемно-герметический* способ объяснения для понимания. Остановимся подробнее на этих размышлениях.

Фотографии Л.А. Кривцовой раскрывают герменевтику визуального. «Эти работы выражают поэтапное «восхождение к смыслу» — от внешнего к внутреннему, а затем к трансцендентальному; от интерпретационной модели понимания к собственно понимающей, к смыслам, которые не навязаны зрителю, и не воспринимаются им как собственные, а, возможно, те, которые хранит художник в глубине души. Здесь присутствуют и ноосферные и неноосферные трактовки видимого, и “путь жизни” и “путь смерти” для природы, объектов изображения, смыслов предметов — вещи, обладающих определенностью и непосредственной понятностью, и смыслы — неопределенные, текучие, становящиеся и исчезающие, смыслы свойств и отношений» [Дмитревская 2014: 363].

Рассмотрим повнимательней, как трактует автор смысл обложки своей книги. Она «вызывает непосредственную реакцию *иронического неприятия*. Я её назвала “Офис закрыт”. На первый взгляд, сюжет *юмористический*. Заброшенный уголок какого-то густо заросшего зеленого пространства (сада или парка). Никаких индустриальных пейзажей. На первом плане — сточная канава и зеленая трава. Обвалившийся угол здания, битый кирпич, щебень, сор. Главный “персонаж” — белый особнячок видимо XIX или начала XX века. Полуразрушенный, с зарешетчатыми окнами, с обвалившимся углом. В глаза бросается большая обитая ржавым железом дверь. Надпись белой краской “Офис закрыт”. И — висячий замок. Людей нет, но они присутствуют неявно. Те, кто определил “путь смерти” для этого дома, и, скорее всего для себя тоже. Всмотриваюсь в картину и не соглашаюсь со “смертью”. Да нет — дом жив» [Там же: 363]. Заканчивается этот анализ восклицанием: «Не соглашаюсь со смертью, не сдаюсь, ищу внутренних и трансцендентальных смыслов» [Там же: 364]²³.

Впрочем, есть одна книга [Дмитревская 2008], обложка которой не нашла описания и *растолкования* в самой книге, — на её обложке фотография, которую выбрала сама Ирина Владимировна из фотографий, которые были

«информативность» располагается в красном сегменте, «сложность» — в синем, а «понимание» в белом. Логика системного подхода — от концепта к структуре и далее к элементам — задана безукоризненно не только в словесном, но и в образно-цветовом воплощении. Не надо сомневаться в том, что И.В. Дмитриевская одобрила это (выражаясь современным языком) «визуально-философское» решение: треугольники философской тернарности хорошо отражали совсем уже не диалектическую, а тернарную философию (книга подписана к печати 20.09.1985 года, т. е. «перестройка уже началась»).

²³ Когда Ирина Владимировна рассказывала об этой фотографии, она, очевидно, не знала, что эта фотография сделана на том месте, где скоро вознесется новый спортивный зал, пристроенный к новому восьмиэтажному корпусу ИвГУ... Впрочем, это внешняя сторона, а внутренняя заключалась в том, что предупреждение «офис закрыт» указывало на то, что у профессора, который всегда с безграничной отзывчивостью шел всем на помощь, сил уже практически не оставалось. Но оставались вера и надежда.

сделаны в Плесе во время экскурсии участников конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» 2003 года. После путешествий «по плёским горам» и созерцания волжских далей мы посетили для перекуса старый сад дома, расположенного недалеко от Троицкого собора. Был май, ярко светило весеннее солнце, на приусадебном участке цвели вишни, а под ними были размещены столы и лавки, все пили чай из самовара с бутербродами...²⁴ Вишневый сад — это может быть главный философский смысл, который подарил Чехов будущей России: каждый раз, когда мы будем вырубать вишневые сады нашего бытия, будем за это расплачиваться и долго исправлять невольные ошибки неправильно понятой национальной идентичности.

Так вот и совершается восхождение к ноосферным смыслам. Инструмент «системной герменевтики» рано или поздно должен быть применен уже к анализу не давно написанных текстов, а к той реальности, в которой приходится жить человеку и человечеству. Так встретились «системная герменевтика и ноосфера»²⁵.

Очень интересно вспоминать, как строилась концепция конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» [Реалии...: 2003]. Послеантоновская конференция в полной мере должна была подвести итоги трудного пути перестроечного и постперестроечного времени. Из числа авторов, которые представили свои доклады в 1983 году, осталось не так много. (Важно именно такого рода синергичное действие коллективного разума, занимающегося поиском ответов на самые сложные гуманитарно-гуманистические вопросы). И.В. Дмитревская представила итог своей деятельности на стыке гуманитарного синтеза: пока это была формулировка «системно-герменевтический анализ». Она интересна тем, что логика философского развития всегда предполагает рождение нового метода (тем более важно, что это был результат интегративного — в данном случае бинарного — движения), и только потом, постепенно совершался кульбит в сторону от гносеологии к онтологии — т. е. к предметной области реальности.

Языки опредмечивания и распредмечивания сознания. Наша задача не заключается сейчас в том, чтобы раскрыть все содержательные параметры ноосферной дискурсии в творчестве И.В. Дмитревской. Задача значительно уже: показать методологические ресурсы, которые использованы на пути этого поиска.

Отметим, что дальнейшее размышление о пространстве языков сознания связано с «понятийной тернарностью», которую использовал Н.Н. Моисеев для описания процессов универсального эволюционизма («языки» без сомнения подчиняются этому всеобщему природному процессу). В этом смысле

---

²⁴ Интеллигенция в вишнёвом саду в наступившем XXI веке оказалась похожей на ту интеллигенцию, которая была изображена А.П. Чеховым сто лет назад в XX веке (пьеса была написана в 1903 году). Все рассуждали о ноосфере и ноосферных реалиях, мечтали о том, что изменится ситуация в стране, ноосферная идея может оказать влияние на будущее России. А Плес был уже отписан новым (новорусским) Лопахиным, которые скоро будут вырубать не только вишневые сады, но плёские берёзовые рощи, по которым еще ходил Левитан. Всё это еще только будет, а пока интуиция Ирины Владимировны из множества фотографий выбрала этот плёский вишневый сад, в котором ещё предусмотрено место для сообщества «странных людей» — мечтателей-интеллигентов нового тысячелетия.

²⁵ Поворот к ноосферной проблематике для И.В. Дмитревской был несколько «нелогичен». Она хорошо относилась к Н.П. Антонову как к человеку и как ученому, но «естественнонаучные» и гуманитарные интересы на кафедре лежали в разных корзинах.

можно говорить о «языке», «Языке» и «ЯЗЫКЕ». В широком смысле слова «ЯЗЫК» представляет всё богатство соединения бытия и сознания.

Философия языков описания сознания может опираться и на системный подход в духе А.И. Уёмова: ЯТО — язык тернарного описания. В этом случае языки могут быть рассмотрены на уровне субстрата, на уровне структуры и на уровне концепта. «Вещественные языки» (уровень «субстрата» в ЯТО) — самые простые, они связаны с «предметами», которые называют «вещими предметами» (предметами, которые *говорят* сами за себя). «Структурные языки» (методологические языки сознания) отражают все богатство связей между «вещими вещами», делают понятной корреляцию между «миром вещей» и «миром когнитивных отношений», укорененных в структурах головного мозга человека. «Концептуальные языки» (языки сильного синтеза) раскрывают вселенские смыслы человеческого бытия, делают доступными категории сверхсознания (такие как Бог, Вселенная, Мир, Бытие, Материя, Ноосфера). Вся система языков и позволяет объять необъятное, осуществить то, что профессионально делает философ. Системная герменевтика пытается открыть эти «языковые окна и двери» в мир потаённого.

Описание ноосферы предполагает использование большого количества «ментальных инструментов», так как для каждого ракурса ноосферного видения мира существует свой язык: при переходе от одного описания феномена к другому меняется и языковая инструментализация. Языковая транзитивность хорошо видна во втором разделе книги «Ноосферные смыслы системной герменевтики» [Дмитревская 2014]: движение от системных моделей идеального (самый корневой смысл) к проблеме репрезентации ноосферы как мифа и реальности (первый срез «языкования»), утверждению ноосферного диалога и ноосферного текста (а значит, и коммуникативного пространства) как пути к созданию ноосферы (второй срез «языкования»), и, наконец, постижению ноосферного времени («временования ноосферы») (третий срез «языкования»). Последний параграф раздела кажется неожиданным в этой герменевтической системности (он называется «Принцип системности и мифологическое время в диалоге Платона “Тимей”»), но в действительности он полностью отвечает логике «герменевтического круга». Восхождение от Платона к Канту, Гегелю, Соловьеву, Толстому, Достоевскому, а затем — снова к Платону. Круговорот смыслов и языков в ноосфере столь же естественен, как и круговорот вещества и энергии в природе²⁶.

И.В. Дмитревская считала, что главными вопросами для человека являются вопросы о смысле жизни и смерти. «Ответы на эти вопросы даёт философия, но больше — герменевтика, наука “о правилах общения и понимания”» [Там же: 5]. Так, в ответах на студенческие вопросы постепенно рождалась системная герменевтика, а дело философа — постепенно перевести большое эмпирическое пространство в теоретическую плоскость, научить понимать жизнь. Это, может быть, самое главное в высшем образовании, которое в соответствии со смыслами русской культуры должно строиться с гуманистическими, а не технократическими доминантами.

---

²⁶ Размер статьи не позволяет в полном объеме описать систему ноосферной философии, созданной И.В. Дмитревской, для решения такой задачи требуется писать отдельную монографию, но это означает только то, что надо читать труды Ирины Владимировны — они, без всякого сомнения, являются золотым фондом современного ноосферного образования.

Итоги. Рассказать о том, как описывается сознание с точки зрения системной герменевтики — трудная задача, она посылно решается не столько через отношение ко всеобщему или особенному, сколько через единичное.

Философское творчество И.В. Дмитриевской и есть, по сути дела, системно-герменевтическое описание индивидуального философского сознания. Но с этого и начинается живое философствование, которое, когда приходит время, выходит в мир всебытия, в историю рождения и развития Ноосферы. И.В. Дмитриевская работала в нескольких пересекающихся областях — философской антропологии, системной герменевтики и ноосферологии. Разработанный ей метод системно-герменевтического анализа оказался весьма эффективным в осуществлении целого ряда комплексных ноосферных исследований.

История большой европейской философии опиралась на фундаментальную античную традицию, которая утверждала фундаментальную триаду «истина — добро — красота», которая может быть написана не только малыми буквами, но и с заглавной буквы («Истина — Добро — Красота») и, конечно, большими буквами («ИСТИНА — ДОБРО — КРАСОТА»). По этой логике, думается, построена и «триада критик Канта». Однако, вспомним и о том, что четвёртый (и итоговый) основной вопрос философии И. Канта был вопросом о том, «что такое Человек?».

«Антропологический поворот» в философии, совершенный Кантом, нашел отражение в русской философии: создатель русской классической философии Вл.С. Соловьев утверждал, что человек — это Богочеловек, предназначение которого творить добро (так постепенно будет рождаться и Богочеловечество). Русская философия неотделима от русского космизма в его естественнонаучном и философском измерениях. В первой половине XX века в России «антропологический поворот» продолжил другой «поклонник Канта» — В.И. Вернадский, создавший учение о переходе биосферы в ноосферу. В конце XX века академик Н.Н. Моисеев ответил на этот вопрос в книге «Человек и ноосфера» [Моисеев 1990]: он утверждал, надеялся и верил в то, что человек творец ноосферы. Свой ответ на этот вопрос дала и И.В. Дмитриевская, создавая свою ноосферную философию и теорию системной герменевтики ноосферной деятельности: основной ноосферный закон раскрывался через призму соловьевской онтологии добра, которой противостоит «онтологизация зла в бытии мира и человека». Так постепенно трудами отдельных философов мировая философия и отечественная культура вписывается в систему современной ноосферологии.

Список литературы / References

- Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. М.: Академ. проект, 1999. 944 с.
(Alekseev P.V. *Philosophers of Russia of XIX—XX centuries. Biographies, ideas, works*, Moscow, 1999, 944 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Кант и естествознание // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 190—213.
(Vernadsky V.I. Kant and natural science, in Vernadsky V.I. *Selected works on the history of science*, Moscow, 1981, pp. 190—213. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V.I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Гумницкий Г.Н. Марксистская диалектика как система. М.: Знание, 1987. 64 с.
(Gumnitsky G.N. *Marxist dialectics as a system*, Moscow, 1987, 64 p. — In Russ.)

- Дмитревская И.В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1985. 88 с.
(Dmitrevskaya I.V. *Text as a system: understanding, complexity, information content*, Ivanovo, 1985, 88 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Роль философского принципа системности в формировании понятия «ноосфера» // Тезисы докладов республиканской научно-теоретической конференции «Мировоззренческое и методологическое значение учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере». Иваново: Иван. гос. ун-т, 1988. С. 84—86.
(Dmitrevskaya I.V. The role of the philosophical principle of consistency in the formation of the concept of “noosphere”, in Gumnitsky G.N. (ed.) *Ideological and methodological significance of the teachings of V.I. Vernadsky about the biosphere and noosphere*, Ivanovo, 1988, p. 84—86. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Методологические аспекты исследования текста как системы: автореферат дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.01. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1989. 31 с.
(Dmitrevskaya I.V. *Methodological aspects of the study of text as a system*, Kuibyshev, 1989, 31 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Философские истоки учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Тезисы докладов республиканской научно-теоретической конференции. Иваново, 19—20 апреля 1990 года. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1990. С. 44—46.
(Dmitrevskaya I.V. Noosphere as a systemically organized universal, in Gumnitsky G.N. (ed.) *Philosophical origins of V.I. Vernadsky's teaching on the biosphere and noosphere*, Ivanovo, 1990, pp. 44—46. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Системный подход к проблеме соотношения естественного и искусственного в период становления ноосферы // Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. Т. 2. М.: ФО СССР, 1991. С. 148—158.
(Dmitrevskaya I.V. A systematic approach to the problem of the relationship between the natural and the artificial during the formation of the noosphere, in Girusov E.V. (ed.) *The teaching of V. I. Vernadsky on the transition of the biosphere to the noosphere, its philosophical and general scientific significance*, Moscow, 1991, vol. 2, pp. 148—158. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: От лица к университету. Материалы лицейско-университетской научно-методической конференции «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы». Иваново, 23—25 апреля 1997 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
(Dmitrevskaya I.V. Noosphere as a systemically organized universal, in Smirnov G.S. (ed.) *The noospheric paradigm of education: from lyceum to university*, Ivanovo, 1997, pp. 8—27. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2003. С. 194—206.
(Dmitrevskaya I.V. Noospheric text: system-hermeneutical analysis, in Smirnov G.S. (ed.) *Realities of noospheric development*, Moscow, 2003, pp. 194—206. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Логика: Учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 384 с.
(Dmitrevskaya I.V. *Logic: Textbook*, Moscow, 2006, 384 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Принцип системности в нравственной философии И. Канта и Вл. Словьева // Соловьевские исследования. 2007. № 14. С. 226—260.
(Dmitrevskaya I.V. The principle of consistency in the moral philosophy of I. Kant and Vl. Sloviev, Soloviev's studies, 2007, no. 14, pp. 226—260. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Герменевтика драматургии А.П. Чехова. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2008а. 186 с.

- (Dmitrevskaya I.V. *Hermeneutics of A.P. Chekhov's dramaturgy*, Ivanovo, 2008, 186 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. О ноосферности пьес А.П. Чехова // Интеллигенция и мир. 2008b. № 2. С. 89—107.
- (Dmitrevskaya I.V. On the noosphere of A.P. Chekhov's plays, *Intelligentsia and the world*, 2008, no. 2, pp. 89—107. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Моя кафедра философии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (3). С. 71—81.
- (Dmitrevskaya I.V. My philosophy department, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2010, no. 3 (3), pp. 71—81. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Герменевтика драматургии А.П. Чехова. М.: ФЛИНТА, 2013. 187 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Hermeneutics of A.P. Chekhov's dramaturgy*, Moscow, 2013, 187 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2012. 352 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Metaphysics of the evil heart: the problem of the ontologization of evil in the existence of the world and man*, Ivanovo, 2012, 352 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Системная герменевтика: Концепты. Смыслы. Тексты. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2014. 384 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Systemic hermeneutics: Concepts. Meanings. Texts*, Ivanovo, 2014, 384 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. М.: Флинта, 2019. 353 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Metaphysics of the evil heart: the problem of the ontologization of evil in the existence of the world and man*, Moscow, 2019, 352 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Ноосферная динамика России: философские и методологические проблемы [Часть 1] // Ноосферные исследования. 2000. Вып. 1. 150 с.
- (Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov G.S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and methodological problems [Part 1], *Noospheric studies*, 2000, no. 1, 150 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Ноосферная динамика России: философские и методологические проблемы [Часть 2] // Ноосферные исследования. 2000. Вып. 2. 178 с.
- (Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov D.G. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and methodological problems [Part 2], *Noospheric studies*, 2000, no. 2, 178 p. — In Russ.)
- Кастанеда К. Учения дон Хуана. М.: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 704 с.
- (Castaneda K. *Don Juan's teachings*, Moscow, 2001, 704 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
- (Moiseev N.N. *Man and the noosphere*, Moscow, 1990, 351 p. — In Russ.)
- Плесский Б.В. «Философская оттепель» в Иваново (1952—1964) // Параметрическая общая теория систем и её применения: Сборник трудов, посвященный 80-летию проф. А.И. Уёмова / под ред. А.Ю. Цофнаса. Одесса: Астропринт, 2008. С. 214—218.
- (Plessky B.V. "Philosophical thaw" in Ivanovo (1952—1964), in Tsosfnas A.Yu. (ed.) *Parametric general theory of systems and its applications*, Odessa, 2008, pp. 214—218. — In Russ.)
- Реалии ноосферного развития: материалы межгосударственной научно-практической конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия». Иваново, 21—23 мая 2003 г. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2003. 396 с.
- (Smirnov G.S. (ed.) *The realities of the noospheric development*, Moscow, 2003, 396 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.

(Smirnov G.S. *Noospheric consciousness and noospheric reality: philosophical problems of the noospheric universe*, Ivanovo, 1998, 244 p. — In Russ.)

Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.

(Smirnov D.G. *Semiosophy of the noospheric universe: Noosphere and semiosphere in global discourse*, Ivanovo, 2008, 372 p. — In Russ.)

Уёмов А.И. Задачи и упражнения по логике. М.: Высшая школа, 1961. 352 с.

(Uemov A.I. *Tasks and exercises in logic*, Moscow, 1961, 352 p. — In Russ.)

SYSTEMIC HERMENEUTICS OF CONSCIOUSNESS: I.V. DMITREVSKAYA IN SEARCH FOR NOOSPHERIC SENSES

Grigory S. Smirnov

Ivanovo state university, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article is devoted to the fundamental problem of the philosophical work of Professor I.V. Dmitrevskaya — systemic hermeneutics as a way of describing consciousness and discovering the noospheric meanings of human existence and humanity. The logic of development is traced and the historical features of systemic hermeneutics in the works of I.V. Dmitrevskaya are outlined. The origins of the author's method are recorded — “Uyomov’s logic” and “ternary description language”. The development of systemic hermeneutics as an original philosophical method for analyzing cultural texts is shown. It is concluded that systemic hermeneutics provided the heuristic nature of I.V. Dmitrevskaya’s noospheric research, and the search for noospheric meanings and deep conceptuality can be considered as a kind of attractor of her philosophical thinking. The position on the creation by I.V. Dmitrevskaya of a separate direction within the framework of noospherology — a systemic hermeneutics of noospheric activity — is substantiated.

Keywords: hermeneutics, “language of ternary description”, system hermeneutics, noospheric dialogue, noospheric text, noospheric meaning, noospheric activity, noospheric philosophy

For citation: Smirnov G.S. Systemic hermeneutics of consciousness: I.V. Dmitrevskaya in search for noospheric senses, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 161—180.

Материал поступил в редакцию 23.10.2023; одобрен после рецензирования 31.10.2023; принят к публикации 23.11.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 23.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophical), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

*Вестник Ивановского государственного университета. Серия:
Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке
(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с приставным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]

[Иванов: 35], [Smith: 35]

[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинды (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2. URL: http://hylaea.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).

(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age, N.Y.: Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2023. Специальный выпуск**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 26.12.2023 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 14,3. 5,40 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год